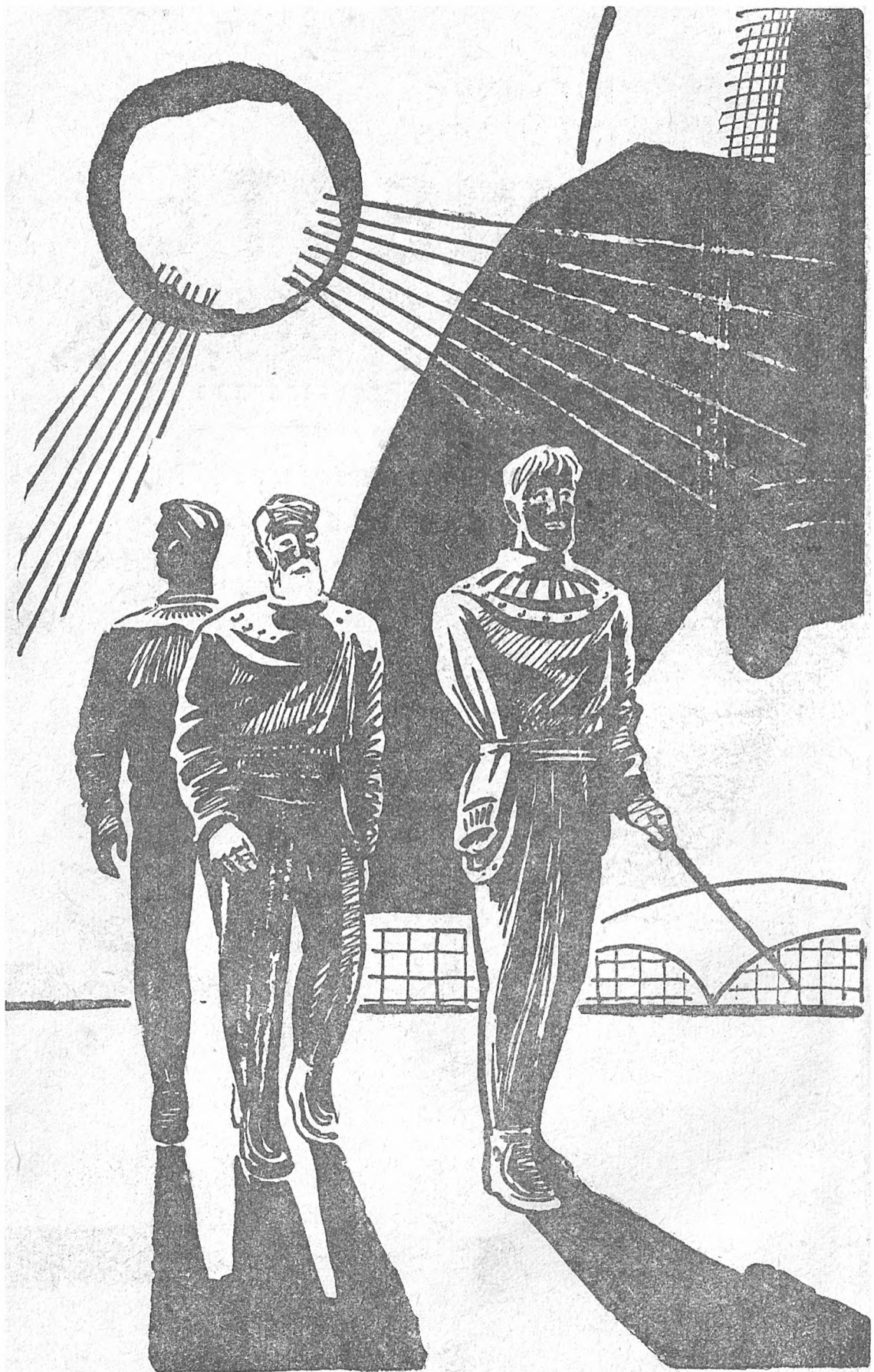

АРК. СТРУГАЦКИЙ
БОР. СТРУГАЦКИЙ

ДЕТРИЗ 1960

**Государственное Издательство
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1960**

АРК. СТРУГАЦКИЙ
БОР. СТРУГАЦКИЙ

ШЕСТЬ СПИЧЕК

НАУЧНО-
ФАНАСТИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ

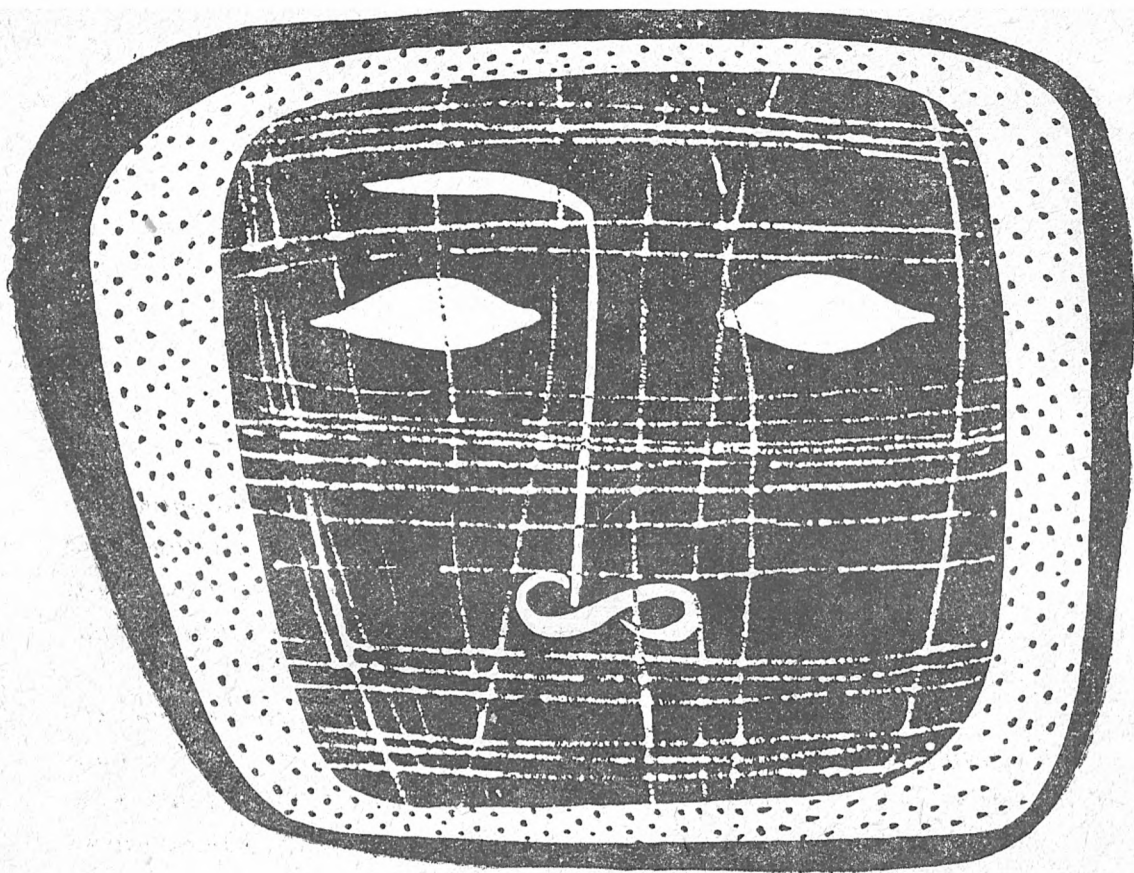

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

На страницах сборника «Шесть спичек» вы познакомитесь с новыми научно-фантастическими произведениями братьев Аркадия и Бориса Стругацких, имена которых вам могут быть известны по их первой повести «В стране багровых туч», вышедшей в свет в 1959 году.

В повести «Извне», открывающей этот сборник, рассказывается о необычайном, фантастическом происшествии, случившемся с археологом Б. Я. Лозовским, о его удивительной встрече с таинственными Пришельцами — посланцами неизвестной планеты.

В научно-фантастических рассказах «Глубокий поиск», «Забытый эксперимент» и других авторы делают попытку заглянуть в «предвидимое будущее», показать характеры людей коммунистического завтра, рассказать об огромных перспективах науки и техники, о возможности кибернетики, автоматике, медицины и астронавтики.

ИЗВНЕ

ПОВЕСТЬ В ТРЕХ РАССКАЗАХ

Рисунки Б. Алимова

1

ЧЕЛОВЕК В СЕТЧАТОЙ МАЙКЕ

*(Рассказ офицера штаба Н-ской
части майора Кузнецова)*

Вот как это было. Мы еще летом собирались совершить восхождение на Адаирскую сопку. Многие наши офицеры и солдаты и даже некоторые из офицерских жен и штабных машинисток с прошлого года щеголяли эмалевыми сине-белыми значками альпинистов первой ступени, и эти

значки, украшавшие кители, гимнастерки и блузки наших товарищей, не давали спокойно спать Виктору Строкулеву. Лично я за значком не гнался, но заглянуть в кратер потухшего вулкана мне очень хотелось. Коля Гинзбург, глубоко равнодушный и к значкам и к кратерам, питал слабость ко всякого рода «пикникам на свежем воздухе», как он выражался. А майор Перышкин... Майор Перышкин был помощником начальника штаба по физической подготовке, и этим все сказано.

Итак, мы собирались штурмовать Адаирскую сопку еще летом. Но в июне Строкулев вывихнул ногу в танцевальном зале деревенского клуба, в июле меня отправили в командировку, в августе жена Перышкина поехала на юг и поручила майору детей. Только в начале сентября мы смогли наконец собраться все вместе.

Было решено отправиться в субботу, сразу после занятий. Нам предстояло до темноты добраться к подножию сопки, заночевать там, а с рассветом начать восхождение. Виктор Строкулев выклянчил у начальника штаба «газик» и умолил отпустить с нами и шофера — сержанта Мишу Васечкина, сверхсрочника, красивого молодого парня; майор Перышкин взял вместительный баул, набитый всевозможной снедью домашнего приготовления, и — на всякий случай — карабин; я и Коля закупили две бутылки коньяку, несколько банок консервов и две буханки хлеба. В шесть вечера «газик» подкатил к крыльцу штаба. Мы расселись и, провожаемые пожеланиями всех благ, тронулись в путь.

От нашего городка до подножия сопки по прямой около тридцати километров. Но то, что еще можно называть дорогой, кончается на шестом километре, в небольшой деревушке. Дальше нам предстояло петлять по плоскогорью, поросшему березами и осинами, продираясь через заросли крапивы и лопуха высотой в человеческий рост, переправляться через мелкие, но широкие ручьи-речушки, текущие по каменистым руслам. Эти удовольствия тянулись примерно два десятка километров, после чего начиналось широкое «лавовое поле» — равнина, покрытая крупным ржавым щебнем выветрившейся лавы. Лавовое поле использовалось соседней авиационной частью как учебный полигон для

тактических занятий. Осторожный Коля Гинзбург накануне дважды звонил летчикам, чтобы наверняка удостовериться в том, что в ночь с субботы на воскресенье и в воскресенье вечером они практиковаться не будут, — предосторожность, по-моему, совсем не лишняя. Легкомысленный Строкулев не преминул, однако, слегка пройтись по поводу малодушной «перестраховочки». Тогда Коля без лишних слов расстегнул китель, поднял на груди сорочку и показал под ребрами с правой стороны длинный белый шрам.

— «Мессер», — с выражением сказал он. — И я не желаю получить еще одну такую же от своего... Тем более в угоду некоторым невоенным военным...

На этом разговор окончился. Витька страшно не любил, когда ему напоминали о том, что в войне он по молодости не участвовал. Он был зверски самолюбив. Впрочем, через четверть часа Коля спросил у надувшегося Витьки папиросу, и мир был восстановлен.

Значит, лавовое поле не грозило нам никакими неожиданностями. Оно плавно поднималось к сопке и заканчивалось крутыми, обрывистыми скалами. Дальше машина уже пройти не могла. Там, под этими скалами, мы рассчитывали разбить наш ночной лагерь.

Итак, мы тронулись в путь. Погода была чудесная. Вообще осень в наших местах, «на краю земли», — самое лучшее время года. В сентябре и октябре почти не бывает ни туманов, ни дождей. Воздух прозрачный, тонкий, мягкий. Пахнет увядающей зеленью. Небо днем — бездонно синее, ночью — черное, бархатное, усыпанное яркими немигающими звездами. Мы не торопясь тащились по развороченной еще летними дождями дороге. Впереди над щетиной леса призрачным сизым конусом возвышалась Адаирская сопка. У вершины конус был косо срезан. Если приглядеться, можно заметить, что склоны сопки отливают рыжеватым оттенком, кое-где поблескивают пятна снега. Над вершиной неподвижно стынет плотное белое облачко паров.

Через полчаса мы въехали в деревню, и тут Виктор Строкулев попросил остановиться. Он сказал, что хочет забежать на минутку к одной знакомой девушке. Мы великодушно не возражали. В радиусе восемнадцати километров от нашего городка я не знаю ни одного на-

селенного пункта, где бы у Строкулева не было «одной знакомой девушки».

Не прошло и пяти минут, как он выскочил из домика с довольным видом и с объемистым свертком под мышкой.

— Поехали, — сказал он, усаживаясь рядом с шофером и перебрасывая сверток Коле Гинзбургу на колени.

Машина снова тронулась. Витька высунулся и грациозно помахал рукой. Я заметил, что занавеска в маленьком квадратном окне слегка отдернулась. Мне даже показалось, что я увидел блестящие черные глаза.

— Что это он приволок? — равнодушно осведомился майор Перышкин.

— Посмотрим, — сказал Коля и развернул сверток.

В свертке оказалось целое сокровище — десяток мятых соленых огурцов и большой кусок свиного сала. Строкулев обернулся к нам, облокотившись на спинку сидения.

— Если Строкулев что-нибудь делает... — небрежно начал он, но тут машина подпрыгнула, Витька ударился макушкой о раму крыши, лязгнул зубами и моментально замолк.

Началась самая трудная часть пути. К счастью, на плоскогорье сохранились тропы, оставленные нашими альпинистами летом. В лесу, в чаще берез и осин, исковерканных свирепыми зимними ветрами, были проделаны просеки, и нам почти не пришлось пользоваться топором. Временами «газик» с жалобным ревом увязал в путанице полусгнивших ветвей, переплетенных прочными прутьями молодых побегов и густой порослью высокой травы. Тогда мы вылезали, заходили сзади и с криком «Пошла, пошла!» выталкивали машину на ровное место. Через четверть часа все повторялось снова.

Уже темнело, когда мы, взмокшие и грязные, выбрались наконец на лавовое поле. «Газик», трясаясь и подпрыгивая, покатился по хрустящему щебню. В небе загорались звезды. Коля задремал, навалившись на мое плечо. Огни фар прыгали по грудам щебня, поросшим местами редкой сухой травой. Стали попадаться неглубокие воронки от бомб — следы учебы летчиков, и ми-

шени — причудливые сооружения из досок, фанеры и ржавого железного лома.

Над плоскими холмами справа разгорелось оранжевое зарево, выкатилась и повисла в сразу посветлевшем небе большая^е желтая луна. Звезды потускнели, стало светло. Миша прибавил ход.

— Через часок можно будет остановиться, — сказал майор Перышкин. — Возьми чуть правее, Миша... Вот так.

Он сунул в рот сигарету, чиркнул спичкой и сразу же обнаружил, что Строкулев, воспользовавшись темнотой в машине, запустил пальцы в сверток, лежавший на коленях у сладко спящего Гинзбурга. Порок был наказан немедленно: майор звонко щелкнул Витьку в лоб, и тот, жалобно ойкнув, убрался на свое сиденье.

— А я слышу, кто-то здесь бумагой шуршит, — спокойно сказал Перышкин, обращаясь ко мне. — А это, оказывается, вот кто...

— Я хотел только проверить, не вывалились ли огурцы, — обиженно заявил Строкулев.

— Ну и как? Не вывалились?

Строкулев промолчал, а затем вдруг принялся рассказывать какую-то длинную историю, начав ее словами: «В нашем училище был один...» Он еще не дошел до сути и мы даже не успели сообразить, имеет ли эта история какую-либо связь с попыткой похитить огурец, когда лучи фар уперлись в огромные валуны, и «газик» затормозил.

— Приехали, — объявил Перышкин.

Мы выбрались из машины в прозрачный свет луны. Стояла необыкновенная, неестественная тишина. Склоны сопки полого уходили в небо, вершины не было видно — ее заслоняли почти отвесные стены застывшей лавы, четко рисовавшиеся на фоне бледных звездных россыпей.

— Ужинать и спать, — приказал майор Перышкин.

Были раскрыты заветный баул и сверток «одной знакомой девушки». На разостланной плащ-палатке постелили газеты. Коля очень ловко раскупорил бутылку и содержимое «расплескал» по кружкам.

Поужинав, мы уложили остатки провиантских запасов в баул и рюкзаки, завернулись в шинели и улег-

лись рядом на плащ-палатках, стараясь потеснее прижаться друг к другу, потому что ночь была весьма прохладная. Строкулев, оказавшийся с краю, долго вздыхал и ворочался. Позже, уже сквозь сон, я почувствовал, как он ввинчивается между мной и Николаем, но проснуться и отругать его я так и не смог.

Майор разбудил нас в шесть часов. Утро было чудесное, такое же, как вчерашний вечер. Солнце только что взошло. В глубоком, чистом небе на западе, над зубчатыми вершинами Калаканского хребта, едва протупающими в туманной дымке, бледным, белесым пятном висела луна. Неподалеку от нас журчал ручей. Мы умылись и наполнили фляги, а когда вернулись, то увидели, что Строкулев по-прежнему валяется на плащ-палатках, натянув на себя все наши шинели. Тогда Коля аккуратно плеснул из своей фляги немного ледниковой воды за шиворот блаженно всхрапывающего лентяя. И тихое безмятежное утро огласилось...

Словом, через полчаса мы, в ватниках, навьюченные рюкзаками, с лыжными палками в руках, стояли, готовые к подъему, а майор Перышкин давал шоферу Мише последние указания:

— От машины — ни шагу! Спать захочешь — спи на сиденье. А лучше всего сиди и читай. Карабин не трогай. Ясно?

— Так точно, товарищ майор, ясно! — отвечивал Миша.

И наше восхождение началось.

Сначала подъем был сравнительно отлогим. Мы шли гуськом по краю глубокого оврага — должно быть, трещины в многометровой толще лавы, — на дне которого густо росла исполинская крапива и протекал, весело журча, ручей снеговой воды. Первые несколько километров мы чувствовали себя сильными, бодрыми, уверенными и даже разговаривали.

Прошло два часа, и мы перестали разговаривать. Подъем стал значительно круче. Впереди перед нашими глазами чуть ли не в зенит упирался красно-бурый склон конуса Адаирской сопки. Никогда я не думал, что альпинизм окажется таким трудным делом. Нет, мы не карабкались по ледяным скалам, не тянули друг друга на веревках, ежесекундно рискуя сорваться с

километровой высоты. Нет. Но приходилось ли вам взбираться на огромную кучу зерна? Вот на что больше всего походило наше восхождение. Щебень — и мелкий, как песок, и крупный, как булыжник, — осыпался под ногами. Через каждые два шага мы сползали на полтора шага назад. Громадные потрескавшиеся глыбы лавы, тронутые осыпью, начинали угрожающе раскачиваться и сползать. Одна из таких глыб, величиной с хороший семейный комод, более округлая, чем другие, вдруг сорвалась с места, покатила мимо бросившегося в сторону Гинзбурга и понеслась, высоко подсакивая, куда-то вниз, увлекая за собой целые тучи камней поменьше. Подул ледяной ветер, запахло — сначала слабо, затем все сильнее и сильнее — тухлыми яйцами.

— Вулканические пары, черт бы их не взял! — чихая, пояснил майор Перышкин и тут же успокоил нас: — Ничего, здесь еще терпимо, а вот что наверху будет!..

Около двенадцати Перышкин объявил большой привал. Мы выбрались на обширное снеговое поле и расселись на камнях, выступающих из-под обледеневшей снежной корки. Я взглянул вверх. Глыбы застывшей лавы, окружавшие кратер, казались такими же далекими, как и снизу, от машины. Зато внизу открывалось великолепное зрелище. Воздух был чист и прозрачен, мы видели не только все лавовое поле, плоскогорье и пестрое пятнышко нашего городка, но и ряды сопок, темные дымы над бухтой Павлопетровска и за ними — серо-стальной, мутно отсвечивающий на солнце океан.

Мы все очень устали, даже майор Перышкин. Все, кроме Строкулева. Во время подъема он был впереди, останавливался, поджидая нас, и однажды даже сукожно-жестяным голосом запел дурацкую песенку. Песенный репертуар Строкулева был известен всей бригаде, и душа радовалась при мысли, что Адаирская сопка представляет собой такое дикое и пустынное место.

На привале мы молчали, грызли сухари и выпили немного воды. Строкулев ползал вокруг и щелкал фотоаппаратом. Перышкин громко сосал кубик рафинада. Коля критически рассматривал подошвы своих сапог, время от времени меряя взглядом расстояние до вершины сопки...

Было уже около трех часов дня, когда мы наконец добрались до цели. Строкулев, свесившись с обломка лавы, вытянул нас наверх одного за другим, и, тяжело отдуваясь, мы сгрудились на краю кратера. Под ветром мотались клочья не то дыма, не то тумана, отвратительно пахло какими-то испарениями.

Поднялся туман. Он стремительно неся снизу. Время от времени сквозь его разрывы открывалась изумительная панорама гор, зеленых долин и океана. Но мы так вымотались, что это нас уже не интересовало. И только отдохнув немного, мы заставили себя подползти к обрыву и заглянуть в кратер.

Именно таким представлял я себе вход в ад. Под нами зияла пропасть глубиной в несколько десятков, а может быть, в сотню метров. Стены пропасти и ее плоское дно были серо-желтого цвета и казались такими безнадежно сухими, такими далекими от всякого намека на жизнь, что мне немедленно захотелось пить. Честное слово, здесь физически ощущалось полное отсутствие хотя бы молекулы воды. Из невидимых щелей и трещин в стенах и в дне поднимались струи вонючих сернистых паров. Они минутами заполняли кратер и заволакивали его противоположный край.

Строкулев в последний раз нацелился аппаратом, щелкнул затвором и сказал, с надеждой глядя на майора Перышкина:

— Хорошо бы туда спуститься...

Перышкин только хмыкнул в ответ и полез в карман за сигаретами. Коля задумчиво сплюнул. Мы с интересом следили за падением плевка, пока он не скрылся из виду. Восхождение было окончено. Теперь оставалось выполнить кое-какие формальности.

Майор Перышкин снял рюкзак и извлек из него две тяжелые черные банки — дымовые шашки.

— Строкулев, — строго сказал он, — возьми одну шашку и отойди вон туда, за выступ. Там подожги.

Строкулев козырнул, взял банку и скрылся за стеной застывшей лавы, нависшей над кратером.

— Коля, — продолжал майор, — напиши что-нибудь о нас на листке бумаги, вложи листок в консервную коробку и сложи над ней пирамиду из обломков покрупнее. Ну, хотя бы здесь, где стоишь.

Пока майор поджигал шашку, мы с Гинзбургом сочинили такой текст: «Второго сентября 19... года на вершину Адаирской сопки поднялись в порядке сдачи нормы на звание альпиниста первой ступени майор Кузнецов, капитан Гинзбург и старший лейтенант Строкулев. Руководил группой майор Перышкин». Затем мы открыли банку «лосося в собственном соку», содержимое съели, банку насухо вытерли, вложили в нее записку и соорудили пирамидку.

— Готово, — сказал Коля. Он подумал и добавил: — Вот теперь мы альпинисты. Подумать только!

— Это что, — пренебрежительно заметил майор Перышкин, — вот у нас на Алакане было однажды...

Он стал рассказывать, что было однажды у них на Алакане.

Мы слушали рассеянно, развалившись под скалами и наслаждаясь приятным гудением в ногах. Все рассказы Перышкина о том, что было на Алакане, походили друг на друга, как две капли воды. Гвоздем каждого была фраза: «Я поднимаю карабин, и — бах! — точка. Полный порядок! Вот это была охота!» Мы с Гинзбургом звали Перышкина Тартарен из Алакана — он не обижался.

Давно уже из подожженной шашки плотными клубами валил густой, тяжелый бело-розовый дым, а Строкулев не возвращался. Выслушав очередное «бах! — точка», я предложил посмотреть, чем занят сейчас этот мальчишка.

Мы обогнули лавовую стену и увидели, что Строкулев прыгает вокруг банки, дуя в растопыренные ладони и ругаясь. Оказывается, он истратил полкоробка спичек, пытаясь зажечь хотя бы одну. Спички на ветру гасли. Тогда он взял и чиркнул все сразу. Спички разгорелись очень охотно, но при этом обожгли ему ладони. Перышкин назвал Строкулева слабаком, сел над банкой, прикрыв ее полами ватника, и через минуту струя белого дыма взметнулась вверх, изогнулась на ветру и поплыла в сторону, утолщаясь и густея на глазах.

— Вот как надо, — удовлетворенно сказал майор.

Наш сигнал — два столба дыма — должны были наблюдать в бинокли из городка.

— А теперь — спуск! — скомандовал Перышкин.

Он показал нам, как это делается. Нужно было всего-навсего сесть верхом на палку и смело прыгнуть вниз.

Так мы и сделали. Кучи камней, больших и маленьких, сыпались нам вслед, пролетали вперед, стучали — иногда довольно чувствительно — в ноги и спину. Да, спускаться было одно удовольствие. Правда, Коля, споткнувшись, перевернулся и стал на голову, а затем метров пятьдесят скользил на спине и еще метров сто на животе после неудачной попытки догнать свою палку. Но, в общем, все обошлось благополучно. И если на подъем по конусу нам потребовалось около пяти часов, то спуск продолжался не более получаса, и в половине пятого мы уже шагали вдоль того самого обрыва, с которого начинали подъем.

Я описываю восхождение на Адаирскую сопку так подробно по двум причинам. Во-первых, чтобы показать, что странные события вечера того же дня произошли без всяких предзнаменований. Мы ничего ровным счетом не подозревали заранее. Во-вторых, я хочу подчеркнуть ясность своего сознания и показать, что помню все, даже самые мелкие подробности нашего маленького путешествия. А теперь я приступаю к главному — к рассказу о том, что случилось в тумане.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда мы добрались до «газика». Миша Васечкин, увидев нас издали, приготовил ужин, и, когда мы подошли к машине, «стол» был накрыт: хлеб нарезан, консервы вскрыты. Это было как нельзя более кстати, ибо мы проголодались и вместе с тем очень торопились домой — хорошенько отдохнуть и выспаться перед новой неделей напряженной работы.

Мы с примерной жадностью набросились на еду и, только утолив первый голод, заметили, что сержант чем-то озабочен и то и дело поглядывает на небо.

— Ты что это? — осведомился Перышкин.

Миша ответил хмуро:

— Здесь, товарищ майор, самолет недавно пролетал.

Мы сразу перестали жевать.

— Где? — спросил Коля.

— Я его не видел, товарищ капитан, но, кажется, где-то неподалеку, над лавовым полем. Слышал, как он гудит. Низко-низко...

Майор Перышкин чертыхнулся.

— Надо нажимать, — сказал Коля и встал.

Мы собирались торопливо и молча, и только когда «газик» заворчал и, развернувшись, понесся в обратный путь, майор официальным тоном спросил Николая:

— Капитан, вам летчики точно сказали, что сегодня не бомбят?

— Точно, — ответил Коля.

— Если после темноты мы еще будем на полигоне, а у них ночные стрельбы... по локатору...

— Лучшей цели не придумаешь, — согласился я.

«Газик», подпрыгивая всеми колесами, крутился меж старых воронок и полуразбитых мишеней, когда притихший Строкулев вдруг сказал:

— Туман!

Впереди, со стороны плоскогорья, на лавовое поле надвигалась белесая, розоватая от лучей заходящего солнца стена тумана.

— Только этого не хватало! — с досадой проворчал майор Перышкин.

Слой тумана вначале был не очень высок, и иногда мы отчетливо видели над ним черную массу далекого леса на плоскогорье и темно-синее небо. Дальневосточные туманы по прозрачности и по плотности мало чем уступают молочному киселю. Мы неслись по бурому шлаку, и туман полз нам навстречу. Миша круто повернул баранку, объезжая широкую воронку, вокруг которой валялись обугленные щепки и клочья железа, затем сбавил ход, и мы медленно въехали в молочную стену. Мгновенно пропало все — синее небо, красное закатное солнце, лавовое поле справа и плоские холмы слева. Остались серые мокрые сумерки и капли сырости, оседающие на смотровое стекло, да несколько метров блестящей от влаги каменистой почвы. Теперь спешить было нельзя. Миша включил фары, и в желтых столбах света стали видны медлительные струи тумана, расползавшиеся в стороны по мере нашего продвижения вперед. Машину подбрасывало, она то крени-

лась набок, то карабкалась на холмики, то осторожно сползала с невысоких откосов.

— Вот так история! — начал майор Перышкин. — Совсем как у нас на Алакане...

И он принялся рассказывать очередную историю про Алакан. Не знаю, успокаивал ли он этим рассказом самого себя или честно пытался отвлечь нас от то-скливых мыслей и тревожных предчувствий, во всяком случае, ни то, ни другое ему не удалось. Он то и дело замолкал, тянул «и вот, значит, это самое...», ежеминутно высовывался из машины. А мы, по крайней мере я и Строкулев, его совсем не слушали. Коля Гинзбург оставался внешне спокоен и даже вставлял в паузы вежливые «Ну, и что дальше?» или «А что он?». Так прошло около часа. Ни туману, ни лавовому полю, ни рассказу про Алакан не было конца. Миша сбросил телогрейку, на напряженно двигавшихся лопатках его выступили пятна пота. Стало почти темно.

— Ну, я, конечно, вижу, — сипло повествовал майор. — Вижу это я... да-а... вижу, значит, что стрелять он не того... значит, не умеет... значит, только... хва-стает только...

Он вдруг замолчал и прислушался. Коля, клевавший носом, тоже поднял голову.

— Слышишь?

Я пожал плечами. Майор торопливо сказал Мише:

— Глуши мотор!

Двигатель кашлянул несколько раз и замолк. И тогда стал слышен звук, от которого мой желудок стремительно поднялся к горлу. Это был зловещий рев бомбардировщика, переходящего в пике. Он нарастал и усиливался с каждой секундой, и даже Строкулев и сержант, слышавшие этот рев, вероятно, только в кино, очутились шагах в десяти от машины еще прежде, чем успели сообразить, что происходит.

— Ложись! — рявкнул майор.

Мы бросились на землю, всем телом прижимаясь к колючему мокрому щебню. Строкулев вцепился в мою руку, и совсем рядом я увидел его широко раскрытые глаза, в которых светились дьявольское любопытство и детский страх. Помню, что на переносице его блестели капельки испарины.

Рев нарастал, заполнял весь мир, раздирал уши. Затем где-то невдалеке туман мгновенно озарился яркой белой вспышкой. Мы съежились, ожидая громового удара, свиста осколков, града острых, как бритва, обломков камня. Но ничего подобного не случилось.

Вместо этого наступила тишина, такая же злоедающая и нестерпимая, как и внезапно оборвавшийся рев. И в тишине сквозь бешеный звон крови в ушах мы слышали какую-то возню, жалобный вскрик, короткий, захлебывающийся говор, и что-то тяжело упало на щебенку. Вновь взревели невидимые моторы, пахнуло горячим ветром, и рев стал удаляться. Он удалялся быстро и уже через несколько секунд превратился в едва слышное жужжание, а потом и совсем затих. И тогда из-за плотной стены тумана до нас донесся сдавленный, протяжный стон.

Все произошло необычайно быстро, и мы, по сути дела, ничего, кроме вспышки, не видели. Нарастающий рев пикирующего самолета, короткая вспышка в тумане, секунды непонятной мертвой тишины, звуки борьбы, тяжелое падение, затем снова рев мотора и снова тишина. И протяжный стон. Гинзбург уверял после, что в момент вспышки заметил невысоко над землей что-то темное и продолговатое. Я не заметил, хотя лежал в двух шагах от Коли. Не заметили ничего и остальные.

Мы поднялись на ноги, машинально отряхиваясь и растерянно поглядывая то на небо, то друг на друга. Кругом было тихо.

— Что это может быть? — спросил Строкулев.

Никто не отозвался. Потом Николай сказал:

— Это не бомбардировщик. И, уж во всяком случае, не реактивный.

Майор Перышкин поднял руку:

— Послушайте! Никто ничего не слышит?

Мы замолчали прислушиваясь. В тумане снова совершенно явственно раздался стон.

— Вот что, — решительно сказал майор Перышкин. — Там кто-то есть. Надо его найти. Мало ли что может быть... Погодите.

Он сбегал к машине и вернулся с карабином. Щелкнув затвором, взял карабин под мышку.

— Группа, слушай мою команду! — сказал он. — Сержант Васечкин!

— Я!

— Остаетесь на месте. Майор Кузнецов, капитан Гинзбург, старший лейтенант Строкулев, вправо в цепь... марш!

Мы растянулись цепочкой на расстоянии в три-четыре метра друг от друга и двинулись на поиски. Через минуту Строкулев крикнул:

— Нашел! Карманный фонарик нашел... Едва горит!

— Вперед! — приказал майор.

Я прошел еще несколько шагов и чуть не наступил на человека. Он лежал ничком, широко раскинув ноги и уткнувшись лохматой нечесаной головой в сгиб правой руки, грязной и тощей. Левая рука была вытянута вперед, ее исцарапанные пальцы зарылись в щебень. Никогда еще я не видел в наших краях человека, одетого так странно. На нем были фланелевые лыжные брюки, стоптанные тапочки на босу ногу и сетчатая майка-безрукавка. И это осенью, на Дальнем Востоке, в двадцати километрах от ближайшего населенного пункта!

Мы стояли над ним изумленные и смущенные, затем майор передал Коле карабин и, опустившись на корточки, осторожно потрогал незнакомца за голое плечо. Тот медленно поднял голову. Мы увидели неимоверно худое лицо, покрытое густой черной щетиной, сухие, потрескавшиеся губы, мутные серые глаза — вернее, один глаз, потому что другой оставался плотно закрытым.

— Пить... — хрипло прошептал незнакомец. — Только глоток воды... и сразу назад...

Он снова уронил голову на руку.

Мы перетасили его к «газику» — он не казался тяжелым, но явно пытался, хотя и слабо, сопротивляться. В бутылке оставалось немного коньяку. Гинзбург налил в кружку воды, долил коньяком и поднес кружку к губам незнакомца. Видели бы вы, как он пил! Он опустошил все наши фляги и, вероятно, пил бы еще, но воды у нас больше не было. Пока мы возились с незнакомцем, Миша ходил вокруг машины и с опаской

поглядывал на небо. Кажется, он был очень доволен, когда мы наконец втиснули нашу находку на заднее сиденье, кое-как втиснулись сами и майор приказал:

— Трогай!

— Мне надо назад, — пробормотал незнакомец. — Пустите меня назад, ведь я так ничего и не узнал...

— О чем? — спросил я.

Но он не ответил и уронил голову на грудь.

Стемнело, стало холодно. Мы набросили на незнакомца наши шинели и плащ-палатки, но он все трясся в ознобе и время от времени то громко и пронзительно, то едва слышно выкрикивал непонятные слова. Видно, у него начинался жар, от него несло теплом, как от русской печки.

Никогда не забуду этой поездки. Кругом крошечная тьма, лучи фар с трудом раздвигают туман. Машина движется медленно и воет тоскливо и угрожающе. На переднем сиденье вцепившийся в баранку шофер и Гинзбург со Строкулевым, сгорбленные, зябко ежатся от сырости и холода. На заднем сиденье — Перышкин и я, и между нами трясущийся в ознобе незнакомец, закутанный в шинели и шуршащие плащ-палатки. Он бормочет и вскрикивает, иногда пытается высвободить руки, но мы с майором крепко держим его. Я наклоняюсь к нему, стараясь разобрать, что он говорит. А говорит он странные вещи:

— Не надо... Вы видите, я стою на двух ногах, как и ваши... Не надо со мной так... Не трогайте меня! Я не хочу уходить, я еще не знаю самого главного... Я не могу вернуться, пока не узнаю... Мне нужен только глоток воды. И я останусь... хоть навсегда, хоть на тысячи лет... как тот, в тоннеле... Не выбрасывайте меня!

Я слушаю затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово. Кто он? Сумасшедший? Преступник? Диверсант? Как он попал на лавовое поле? Видимо, он просил не выбрасывать его. Но его выбросили. Кто? Откуда? А он шепчет страстно и убедительно:

— Хорошо... Мне не нужно воды. Я готов даже... Что угодно... по капле... Скормите меня вашим койотам... дракону, все равно, только отведите сначала к хозяевам... Человек всегда договорится с человеком...

Вскоре мы спустились в ложбину. Лавовое поле кон-

чилось, и «газик» стал карабкаться на плоскогорье. Нам удалось сразу же найти просеку. И все же, если бы не незнакомец, мы, вероятно, заночевали бы в лесу. Миша сказал, что ни за что не ручается. Но Перышкин был непреклонен:

— Мы возе́м больного человека. Кто он такой, мы не знаем. А если он умрет за ночь? А если он может сообщить что-нибудь важное? Не разговаривать! Вперед!

И мы двигались вперед, продираясь через путаницу гнилых веток, с бою овладевая каждым метром дороги. Теперь, вытаскивая машину из ям, мы молчали. Никто не кричал больше: «Пошла, пошла!» Кажется, так я уставал только на фронте, во время осенних наступлений.

Но всему на свете бывает конец. Около часа ночи «газик» вкатился в деревню и, пофыркивая, остановился у домика «одной знакомой девушки». Майор решил оставить незнакомца здесь со мной и Строкулевым и привезти из бригады врача.

— Мы не имеем права рисковать. Вдруг он умрет как раз на пути в городок?

Майор был прав. Строкулев соскочил с машины и постучал в квадратное окно. Прошла минута, другая. В окне вспыхнул свет. Слегка охрипший со сна голос спросил:

— Кто там?

Строкулев что-то ответил. Дверь открылась, пропустила его и снова закрылась, но вскоре он выбежал и крикнул:

— Заносите!

Мы с трудом извлекли незнакомца из «газика». Тумана в деревне не было, луна стояла высоко, и его запрокинутое лицо казалось бледным, как у мертвеца.

В горнице было светло, чисто и сухо. «Одна знакомая девушка» оказалась маленькой полной женщиной лет двадцати пяти. Она смущенно куталась в халатик. Строкулев стелил на полу у печки постель. Он вытянул из под матраца на широкой кровати тюфяк, из комода — простыни и одеяла. Хозяйка молча кивнула нам. Затем она наклонилась над незнакомцем, взгляделась в

его лицо, подумала и неожиданно сказала, показав на кровать:

— Кладите сюда. Я уж на тюфяке переночую.

— Надо бы его раздеть, — нерешительно сказал майор Перышкин.

— Мы разденем, — сказал я. — Поезжайте, Константин Петрович.

Майор, Гинзбург и Миша попрощались и вышли, а мы со Строкулевым принялись раздевать незнакомца. Хозяйка возилась у печки — кипятила молоко.

Когда мы стягивали с него лыжные штаны, что-то вдруг со стуком упало на пол. Строкулев нагнулся.

— Погоди-ка, — пробормотал он. — Вот так штука! Смотри!

Это была маленькая металлическая статуэтка — странный скорченный человечек в необычной позе. Он стоял на коленях, сильно наклонившись вперед, упираясь тонкими руками в пьедестал. Меня поразило его лицо. С оскаленным кривоватым ртом, с тупым курносым носом, оно странно и дико глядело на нас выпуклыми белыми, видимо покрытыми эмалью, глазами. Лицо это было выполнено удивительно реалистично — измученное, тоскливое, с упавшей на лоб жалкой прядью прямых волос. На голой спине человечка громадными буграми выдавались угловатые лопатки, колени были острые, а на руках торчали всего по три скрюченных когтистых пальца.

— Божок какой-то, — вполголоса сказал Строкулев. — Тяжелый. Золото, как ты думаешь?

Я поставил статуэтку на стол.

— Не похоже. Возможно, платина...

Мы уложили незнакомца, закутали его в одеяло, попробовали напоить горячим молоком — он не разжал губ. Тогда мы напились сами, придвинули табуретки и сели рядом. Хозяйка, не говоря ни слова, не раздеваясь, легла на тюфячок.

Так мы сидели часа два или два с половиной, клевали носом и время от времени выходили на цыпочках в сени покурить. Незнакомец лежал неподвижно с закрытыми глазами и тяжело и часто дышал. Только один раз он вдруг крикнул:

— Не бойтесь! Это вертолет!

Я кое о чем подумал тогда, но Строкулеву не сказал. В самом деле, где это видано, чтобы вертолеты пикировали, как заправские бомбардировщики?

Хозяйка ворочалась на своем тюфячке и тоже, кажется, не спала. Божок стоял на столе, отливая странной зеленью, обратив к нам свое измученное белоглазое лицо.

Под утро, когда небо в окнах стало светлеть, на дворе послышалось фыркание мотора. В дверь постучали, вошел майор Перышкин, знакомый врач подполковник Колесников и особоуполномоченный капитан Васильев, маленький, сухой, с быстрыми глазами. Мы встали. Подполковник и капитан Васильев молча поздоровались с нами, сели у кровати и оглянулись на Перышкина. Тот поманил нас.

— Едем. Наше дело сделано.

Вот и все. Человек в сетчатой майке вместе с удивительным божком исчез из нашей жизни так же внезапно, как и появился. Днем, когда мы еще спали (начальник штаба разрешил нам отдохнуть до обеда), вездеход с незнакомцем, врачом и особоуполномоченным проехал через городок и свернул на шоссе, ведущее в Павлодемянск. Мы пытались осторожно навести справки у командования, но никто не мог сообщить нам ничего определенного. Виктор Строкулев так надоед начальнику штаба своими расспросами, что тот пригрозил немедленно назначить его в комиссию по снятию остатков на продовольственном складе. Витька терпеть не мог снимать остатки и расспросы прекратил. Так и остались мы, свидетели необыкновенного случая у подножия Адаирской сопки, со своим неутоленным любопытством, неясным ощущением чего-то таинственного и подавляющего воображение, с богатейшими возможностями для всякого рода фантастических догадок.

Тайна, тайна... Сколько предположений было высказано вечерами за преферансом, за книгами и схемами, за шахматами и чаем! Вот мы сидим у Гинзбурга. Коля и майор Перышкин разыгрывают труднейший дебют, я покуриваю и читаю потрепанную книжку, уютно устроившись перед огнем в печке. Строкулев задумчиво перебирает гитарные струны, развалившись на

кровати. Тихо. За окном воет декабрьская вьюга. И вдруг Коля поднимает голову и говорит:

— Слушайте, а может быть, он с другой планеты?

Мы обдумываем это предположение, затем Строкулев вздыхает и снова трогает струны, а майор ворчит:

— Чепуха! Ходи, твой ход...

Но не хочется верить, что мы так никогда и не узнаем о том, что произошло в вечернем тумане...

2

ПРИШЕЛЬЦЫ

(Рассказ участника археологической группы „Апиды“

Н. Н. Сергеева)

Недавно в одном из научно-популярных журналов появился пространный очерк о необычайных событиях, имевших место в июле—августе прошлого года в окрестностях Сталинабада. К сожалению, авторы очерка, по-видимому, пользовались информацией из вторых и третьих рук, причем рук недобросовестных, и поневоле представили суть и обстоятельства дела совершенно неправильно. Рассуждения о «телемеханических диверсантах» и «кремнийорганических чудовищах», равно как и противоречивые свидетельства «очевидцев» о пылающих горах и пожранных целиком коровах и грузовиках не выдерживают никакой критики. Факты были гораздо проще и в то же время много сложнее этих выдумок.

Когда стало ясно, что официальный отчет Сталина-

бадской комиссии появится в печати очень не скоро, профессор Никитин предложил опубликовать правду о Пришельцах мне, одному из немногих настоящих очевидцев. «Изложите то, что видели собственными глазами, — сказал он. — Изложите свои впечатления. Так, как излагали для комиссии. Можете пользоваться и нашими материалами. Хотя лучше будет, если ограничитесь своими впечатлениями. И еще — не забудьте дневник Лозовского. Это ваше право».

Приступая к рассказу, я предупреждаю, что буду всеми силами придерживаться указаний профессора — стараться передавать только свои впечатления — и стану излагать события, как они происходили с нашей точки зрения, с точки зрения археологической группы, занятой раскопками так называемого «замка Апиды» в пятидесяти километрах к юго-востоку от Пенджикента.

Группа состояла из шести человек. В ней были три археолога: начальник группы, он же «пан шеф» Борис Янович Лозовский, мой старинный друг таджик Джамиль Каримов и я. Кроме нас, в группе было двое рабочих, местных жителей, и шофер Коля.

«Замок Апиды» представляет собой холм метров в тридцать вышины, стоящий в узкой долине, стиснутой горами. По долине протекает неширокая река, очень чистая и холодная, забитая круглыми гладкими камнями. Вдоль реки проходит дорога на Пенджикентский оазис.

На верхушке холма мы копали жилища древних таджиков. У подножия был разбит лагерь: две черные палатки и малиновый флаг с изображением согдийской монеты (круг с квадратной дырой посередине). Таджикский замок III века нашей эры не имел ничего общего с зубчатыми стенами и подъемными мостами феодальных замков Европы. В раскопанном виде это две-три ровные площадки, окаймленные по квадрату двухвершковой оградой. Фактически от «замка» остается только пол. Здесь можно найти горелое дерево, обломки глиняных сосудов и вполне современных скорпионов, а если повезет — старую, позеленевшую монету.

В распоряжении группы была машина — старенький «ГАЗ-51», на котором в целях археологической

разведки мы совершали далекие рейсы по ужасным горным дорогам. Накануне того дня, когда появились Пришельцы, Лозовский на этой машине уехал в Пенджикент за продуктами, и мы ждали его возвращения утром 14 августа. Машина не вернулась, начав своим исчезновением цепь удивительных и непонятных происшествий.

Я сидел в палатке и курил, дожидаясь, пока промываются черепки, уложенные в таз и погруженные в реку. Солнце висело, казалось, прямо в зените, хотя было уже три часа пополудни. Джамил работал на вершухе холма — там крутилась под ветром лёссовая пыль и виднелись белые войлочные шляпы рабочих. Шипел примус, варилась гречневая каша. Было душно, знойно и пыльно. Я курил и придумывал причины, по которым Лозовский мог задержаться в Пенджикенте и опоздать вот уже на шесть часов. У нас кончился керосин, осталось всего две банки консервов и полпачки чая. Было бы очень неприятно, если бы Лозовский не приехал сегодня. Придумав очередную причину (Лозовский решил позвонить в Москву), я встал, потянулся и впервые увидел Пришельца.

Он неподвижно стоял перед входом в палатку, матово-черный, ростом с большую собаку, похожий на громадного паука. У него было круглое, плоское, как часы «молния», тело и суставчатые ноги. Более подробно описать его я не могу. Я был слишком ошеломлен и озадачен. Через секунду он качнулся и двинулся прямо на меня. Я остолбенело глядел, как он медленно переступает ногами, оставляя в пыли дырчатые следы, — уродливый силуэт на фоне освещенной солнцем желтой осыпающейся глины.

Учтите, я и понятия не имел, что это Пришелец. Для меня это было какое-то неизвестное животное, и оно приближалось ко мне, странно выворачивая ноги, немое и безглазое. Я попятился. В то же мгновение раздался негромкий щелчок, и внезапно вспыхнул ослепительный свет, такой яркий, что я невольно зажмурился, а когда открыл глаза, то сквозь красные расплывающиеся пятна увидел его на шаг ближе, уже в тени палатки. «Господи!..» — пробормотал я. Он стоял над нашим продовольственным ящиком и, кажется, копал-

ся в нем двумя передними ногами. Блеснула на солнце и сразу куда-то исчезла консервная банка. Затем «паук» боком отодвинулся в сторону и скрылся из виду. Сейчас же смолкло гудение примуса, послышался металлический звон.

Не знаю, что бы сделал на моем месте здравомыслящий человек. Я не мог рассуждать здраво. Помню, я заорал во все горло, то ли желая напугать «паука», то ли чтобы подбодрить себя, выскочил из палатки, отбежал на несколько шагов и остановился, задыхаясь. Ничего не изменилось. Вокруг дремали горы, залитые солнцем, река шумела расплавленным серебром, и на верхушке холма торчали белые войлочные шляпы. И тут я снова увидел Пришельца. Он быстро несясь по склону, огибая холм, легко и бесшумно, словно скользя по воздуху. Ног его почти не было заметно, но я отчетливо видел странную резкую тень, бегущую рядом с ним по жесткой серой траве. Потом он исчез.

Меня укусил слепень, я хлопнул его мокрым полотенцем, которое, оказывается, держал в руке. С вершины холма донеслись крики — Джамил с рабочими спустился вниз и давал мне знак снимать с примуса кашу и ставить чайник. Они ничего не подозревали и были поражены, когда я встретил их странной фразой: «Паук унес примус и консервы...» Джамил потом говорил, что это было страшно. Я сидел у палатки и стряхивал папиросный пепел в кастрюлю с кашей. Глаза у меня были белые, я то и дело испуганно оглядывался по сторонам. Видя, что мой старинный друг принимает меня за сумасшедшего, я принялся торопливо и сбивчиво излагать ему суть события, чем окончательно укрепил его в этом мнении. Рабочие из всего происходящего сделали единственный вывод: чая нет и не будет. Разочарованные, они молча поели остывшей каши и уселись в своей палатке играть в биштокутар¹. Джамил тоже поел, мы закурили, и он выслушал меня снова в более спокойной обстановке. Подумав, он объявил, что все это мне почудилось после несильного солнечного удара. Я немедленно возразил: во-первых, на солнце

¹ Бишток у тар — таджикская карточная игра.

Он стоял перед входом в палатку, похожий на громадного паука.

я выходил только в шляпе, а во-вторых, куда 'девались примус и банка консервов? Джамил сказал, что я мог в беспамятстве побросать все исчезнувшие предметы в реку. Я обиделся, но мы все-таки встали и, зайдя по колени в прозрачную воду, принялись шарить руками по дну. Я нашел Джамилевы часы, пропавшие неделю назад, после чего мы вернулись, и Джамил снова стал думать. А не почувствовал ли я странного запаха, спросил вдруг он. Нет, ответил я, запаха, кажется, не было. А не заметил ли я у паука крыльев? Нет, крыльев у паука я не заметил. А помню ли я, какое сегодня число и день недели? Я разозлился и сказал, что число сегодня, по всей вероятности, четырнадцатое, а день недели я не помню, но это ничего не значит, так как сам Джамил несомненно не помнит ни того, ни другого. Джамил признался, что он действительно помнит только год и месяц и что мы сидим черт знает в какой глуши, где нет ни календарей, ни газет.

Затем мы осмотрели местность. Следов, если не считать полузатоптанных ямок у входа в палатку, нам обнаружить не удалось. Зато выяснилось, что «паук» утащил, кроме примуса и консервов, мой дневник, коробку карандашей и пакет с самыми ценными археологическими находками.

— Вот скотина! — произнес Джамил растерянно.

Наступил вечер. По долине пополз слоистый белый туман, над хребтом загорелось созвездие Скорпиона, похожее на трехпалую лапу, пахнуло холодным ночным ветром. Рабочие скоро заснули, а мы лежали на раскладушках и обдумывали события, наполняя палатку облаками вонючего дыма дешевых сигарет. После долгого молчания Джамил робко осведомился, не разыгрываю ли я его, а затем торопливо сказал, что, по его мнению, между появлением «паука» и опозданием Лозовского может быть какая-то связь. Я и сам думал об этом, но не ответил. Тогда он еще раз перечислил пропавшие предметы и высказал чудовищное предположение, что «паук» был искусно переодетым вором. Я задремал.

Меня разбудил странный звук, похожий на гул мощных авиационных моторов. Некоторое время я ле-

жал прислушиваясь. Почему-то мне стало не по себе. Может быть, потому, что за месяц работы здесь я не видел еще ни одного самолета. Я встал и выглянул из палатки. Была глубокая ночь, часы показывали половину второго. Небо было усеяно острыми ледяными звездами, от горных вершин остались только мрачные, глубокие тени. Потом на склоне горы напротив появилось яркое пятно света, поползло вниз, погасло и снова возникло, но уже гораздо правее. Гул усилился.

— Что это? — встревоженно спросил Джамил, протискиваясь наружу.

Гудело где-то совсем близко, и вдруг ослепительный бело-голубой свет озарил вершину нашего холма. Холм казался сверкающей ледяной вершиной. Это продолжалось несколько секунд. Затем свет погас, и гудение смолкло. Черная тьма и тишина упали, как молния, на наш лагерь. Из палатки рабочих донеслись испуганные голоса. Невидимый Джамил закричал что-то по-таджикски, послышался шум торопливых шагов по крупной гальке. Снова раздался могучий рев, поднялся над долиной и, быстро затихая, погас где-то вдали. Мне показалось, что я увидел темное продолговатое тело, скользнувшее между звездами в направлении на юго-восток.

Подошел Джамил с рабочими. Мы уселись в кружок и долго сидели молча, курили и напряженно прислушивались к каждому звуку. Честно говоря, я боялся всего — «пауков», непроглядной темноты безлунной ночи, таинственных шорохов, которые мерещились сквозь шум реки. Думаю, впрочем, что остальные испытывали то же самое. Джамил шепотом сказал, что мы, несомненно, находимся в самом центре каких-то событий. Я не возражал. Наконец все мы озябли и разошлись по палаткам.

— Ну, как там насчет солнечного удара и переодетых воров? — осведомился я.

Джамил промолчал и только через несколько минут спросил:

— Что, если они придут снова?

— Не знаю, — ответил я.

Но они не пришли.

На другой день мы поднялись на раскоп и обнаружили, что не осталось ни одного черепка из найденных накануне: вся керамика исчезла. Ровные площадки пола в раскопанных помещениях оказались покрытыми дырчатыми следами. Холм выброшенной земли осел и расплющился, словно по нему прошел асфальтовый каток. Стена была разрушена в двух местах. Джамил кусал губы и значительно поглядывал на меня. Рабочие переговаривались вполголоса, жались поближе к нам. Им было страшно, да и нам тоже.

Машина с Лозовским все еще не пришла. На завтрак мы жевали слегка заплесневелый хлеб и пили холодную воду. Когда с хлебом было покончено, рабочие, выразив пожелание, чтобы «такой дела к черту пошла», взяли кетмени и полезли наверх, а я, посоветовавшись с Джамилом, надвинул поглубже шляпу и решительно двинулся по дороге в Пенджикент, рассчитывая поймать попутную машину.

Первые несколько километров я прошел без происшествий и два раза даже присаживался передохнуть и покурить. Стены ущелья сдвигались и расходились, пылил ветер по извилистой дороге, шумела река. Несколько раз я видел стада коз, пасущихся коров, но людей не было. До ближайшего населенного пункта оставалось еще километров десять, когда в воздухе появился Черный Вертолет. Он шел низко вдоль дороги, с глухим гулом пронесся над моей головой и исчез за поворотом ущелья, оставив за собой струю горячего ветра. Он не был зеленым, как наши военные вертолеты, или серебристым, как транспортно-пассажирские. Он казался матово-черным и тускло отсвечивал на солнце, как ствол ружья. Цвет его, непривычная форма и мощное глухое гудение — все это сразу напомнило мне о событиях минувшей ночи, о «пауках», и мне снова стало страшно.

Я ускорил шаги, потом побежал. За поворотом я увидел машину «ГАЗ-69», возле нее стояли трое и смотрели в уже пустое небо. Я испугался, что они сейчас уедут, закричал и побежал изо всех сил. Они обернулись, потом один из них лег на землю и полез под машину. Остальные двое, широкоплечие бородатые парни, видимо геологи, продолжали смотреть на меня.

— Возьмете до Пенджикента? — крикнул я.

Они продолжали молча и сосредоточенно разглядывать меня, и я подумал, что они не расслышали вопроса.

— Здравствуйте, — сказал я, подходя. — Салам алейкум...

Тот, что был повыше, молча отвернулся и залез в машину. Низенький отозвался очень хмуро: — «Привет», — и снова уставился в небо. Я тоже взглянул вверх. Там ничего не было, кроме большого неподвижного коршуна.

— Вы не в Пенджикент? — спросил я, кашлянув.

— А ты кто такой? — спросил низенький.

Высокий встал, перегнулся через сиденье, и я увидел на его широком поясе пистолет в кобуре.

— Я археолог. Мы копаем замок Апиды.

— Что копаете? — переспросил низенький значительно вежливее.

— Замок Апиды.

— Это где?

Я объяснил.

— Зачем вам в Пенджикент?

Я рассказал про Лозовского и про положение в лагере. Про «паука» и про ночную тревогу умолчал.

— Я знаю Лозовского, — сказал вдруг высокий. Он сидел, перекинув ноги через борт, и раскуривал трубку. — Я знаю Лозовского. Борис Янович?

Я кивнул.

— Хороший человек. Мы бы вас взяли, конечно, товарищ, но сами видите — загораем...

— Георгий Палыч, — раздался из-под машины укоризненный голос, — дык ведь поворотный вал...

— Трепло ты, Петренко, — сказал высокий лениво. — Выгоню я тебя. Выгоню и денег не заплачу...

— Георгий Палыч...

— Вот он, вот он опять!.. — сказал низенький.

Черный Вертолет вынырнул из-за склона и стремительно понесся вдоль дороги прямо на нас.

— Черт знает, что это за машина! — проворчал низенький.

Вертолет взмыл к небу и повис высоко над нашими головами. Мне это очень не понравилось и я уже рас-

крыл рот, чтобы заявить об этом, как вдруг высокий произнес сдавленным голосом: «Он спускается!» — и полез из машины. Вертолет падал вниз, в брюхе его открылась злобная круглая дыра, и он спускался все ниже и ниже, прямо на нас.

— Петренко, вылазь к чертовой матери! — заорал высокий и бросился в сторону, схватив меня за рукав.

Я побежал, низенький геолог тоже. Он что-то кричал, широко разевая рот, но рев моторов вдруг покрыл все другие звуки. Я очутился в дорожном кювете, с глазами, забитыми пылью, и успел увидеть только, что Петренко на четвереньках бежит к нам, а Черный Вертолет опустился на дорогу. Смерч, поднятый могучими винтами, сорвал с меня шляпу и окутал все вокруг желтым облаком пыли. Потом вспыхнул все тот же ослепительный белый свет, затмивший блеск солнца, и я вскрикнул от боли в глазах. Когда улеглась пыль, мы увидели пустую дорогу. Машина «ГАЗ-69» исчезла. Черное тело вертолета уходило ввысь вдоль ущелья...

...Больше я не видел ни Пришельцев, ни их воздушных кораблей. Джамил и рабочие видели один вертолет в тот же самый день и еще два — 16 августа. Они прошли на небольшой высоте и тоже вдоль дороги.

Дальнейшие мои приключения связаны с Пришельцами только косвенно. Вместе с обворованными геологами я кое-как добрался до Пенджикента на попутных машинах. Высокий геолог всю дорогу глядел на небо, а низенький ругался и повторял, что, если это «шуточки парней из авиаклуба», то он на них управу найдет. Шофер Петренко был совершенно сбит с толку. Он несколько раз порывался объяснить что-то про поворотный вал, но его никто не слушал.

В Пенджикенте мне сказали, что Лозовский выехал еще утром 14-го, а шофер нашей группы Коля вернулся в тот же день вечером без Лозовского и его держат в милиции, потому что он, по-видимому, угробил машину и Лозовского, но не хочет говорить, где и как, и в оправдание несет несусветную чушь о воздушном нападении.

Я помчался в милицию. Коля сидел у дежурного на деревянной скамье и тяжело переживал людскую несправедливость. По его словам, километрах в сорока от Пенджикента «пан шеф» отправился осмотреть какое-то тепе¹ в стороне от дороги. Через двадцать минут прилетел вертолет и утащил машину. Коля бежал за ним без малого километр, не догнал и пошел искать Лозовского. Но Лозовский тоже пропал неизвестно куда. Тогда Коля вернулся в Пенджикент и честь по чести доложил обо всем, а теперь пожалте... «Будет врать-то!» — сердито сказал дежурный, но в эту минуту в милицию ввалились два моих геолога и Петренко. Они принесли заявление о пропаже машины и сухо осведомились, на чье имя нужно подать жалобу на воздушное хулиганство. Через полчаса Колю выпустили.

Замечу, между прочим, что Колины злоключения на этом не кончились. Пенджикентская прокуратура завела «Дело об исчезновении и предполагаемом убийстве гр-на Лозовского», по которому Коля был привлечен в качестве подозреваемого, а Джамил, рабочие и я — как свидетели. Это «дело» прекратили только после приезда комиссии во главе с профессором Никитиным. Рассказывать об этом я не хочу и не стану, потому что я пишу о Пришельцах, а тогда каждый день приносил о них новые данные. Но самые интересные данные оставил наш начальник, он же «пан шеф» Борис Янович Лозовский.

Мы долго терялись в догадках, силясь понять, откуда взялись и что собой представляют Пришельцы. Мнения были самые противоречивые, и все стало ясно только после того, как в середине сентября были обнаружены посадочная площадка Пришельцев и дневник Бориса Яновича. Ее нашли пограничники, проследив по показаниям очевидцев несколько трасс Черных Вертолетов. Площадка лежала в котловине, сжатой горами, в пятнадцати километрах к западу от «замка Апида», и представляла собой гладкую укатанную поверхность, заваленную по краям оплавленными глыбами камня. Ее диаметр составлял около двухсот мет-

¹ Тепе — холм, образовавшийся на месте древнего поселения.

ров, почва во многих местах казалась обгоревшей, растительность — трава, колючки, два тутовых дерева — обуглилась. На площадке нашли один из похищенных автомобилей («ГАЗ-69»), смазанный, помытый, но без горючего, несколько предметов из неизвестного материала и неизвестного назначения (переданы на исследование) и — самое главное — дневник археологической группы «Апиды» с замечательными собственноручными записями Бориса Яновича Лозовского.

Дневник лежал в машине на заднем сиденье и не пострадал ни от сырости, ни от солнца, только покрылся слоем пыли. Общая тетрадь в коричневой картонной обложке на две трети была заполнена описаниями раскопок «замка Апиды» и отчетами о разведке в его окрестностях, но в конце ее, на двенадцати страницах, изложена короткая повесть, стоящая, по моему глубокому убеждению, любого романа и многих научных и философских трудов.

Лозовский писал карандашом, всегда (судя по почерку) торопливо и часто довольно бессвязно. Кое-что из написанного непонятно, но многое проливает свет на некоторые неясные детали событий, и всё необычайно интересно, особенно те выводы, которые сделал Лозовский относительно Пришельцев. Тетрадь была передана мне, как временно исполняющему обязанности начальника группы «Апиды», следователем Пенджикентской прокуратуры сразу же после того, как «Дело об исчезновении» и так далее было прекращено «за отсутствием состава преступления». Ниже я полностью привожу эти записи, комментируя их в некоторых не совсем понятных местах.

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА В. Я. ЛОЗОВСКОГО

14 августа

(Изображено нечто вроде шляпки мухомора, — сильно приплюснутый конус. Рядом для сравнения нарисованы автомобиль и человечек. Подпись: «Космический корабль?» На конусе несколько точек, на них указывают стрелки и написано: «Входы». У вершины

конуса надпись: «Сюда грузят». Сбоку: «Высота 15 м, диаметр у основания 40 м»).

Вертолет принес еще одну машину — «ГАЗ-69», номер ЖД 19-19. Пришельцы (это слово впервые употребил именно Лозовский) лазили по ней, разбирали мотор, потом погрузили на корабль. Люки узкие, но машина как-то прошла. Наша машина пока стоит внизу. Я выгрузил все продукты, и они их не трогают. На меня внимания совсем не обращают, даже обидно. Кажется, мог бы уйти, но пока не хочу... (Следует очень скверный рисунок, изображающий, по-видимому, одного из Пришельцев.)

Рисовать не умею. Черное дискообразное тело диаметром около метра. Восемь, у некоторых — десять лап. Лапы длинные и тонкие, похожи на паучьи, с тремя суставами. В суставах выгибаются в любом направлении. Ни глаз, ни ушей не заметно, но, несомненно, видят и слышат они прекрасно. Передвигаться могут невероятно быстро, словно черные молнии. Бегают по почти отвесному обрыву, как мухи. Замечательно, что у них нет деления тела на переднюю и заднюю части. Я наблюдал, как один из них на бегу, не останавливаясь и не поворачиваясь, помчался вдруг вбок и затем назад. Когда пробегают близко от меня, я чувствую легкий свежий запах, похожий на запах озона. Стрекогут, как цикады. Живое разумное... (фраза не окончена).

Вертолет принес корову. Толстая, пегая и очень глупая буренка. Едва оказалась на земле, как принялась щипать обгорелые колючки. Вокруг нее собрались шесть Пришельцев, стрекотали, время от времени вспыхивали. Поразительная сила — один ухватил корову за ноги и легко перевернул на спину. Корову погрузили. Бедная буренка! Запасаются продовольствием?

Пробовал завести разговор, подошел к ним вплотную. Не обращают внимания.

Вертолет принес стог сена и погрузил на корабль...

Не менее девяти Пришельцев и три вертолета...

Все-таки следят. Отошел за камни. Один Пришелец пошел за мной, стрекотал, затем отстал...

Несомненно, это космический корабль. Я сидел в

тени обрыва, и вдруг Пришельцы побежали от корабля в разные стороны. Тогда корабль вдруг поднялся на несколько метров в воздух и снова опустился. Легко, как пушинка. Ни шума, ни огня, никаких признаков работы двигателей. Только камни хрустнули...

У одного, оказывается, есть глаза — пять блестящих пуговок на краю тела. Они разноцветные: слева направо — голубовато-зеленый, синий, фиолетовый и два черных. Впрочем, может быть, это и не глаза, потому что большей частью они направлены не туда, куда движется их хозяин. В сумерках глаза светятся...

15 августа

Ночью почти не спал. Прилетали и улетали вертолеты, бегали и стрекотали Пришельцы. И все это в полной темноте. Только иногда яркие вспышки...

Четвертая машина, опять «ГАЗ-69» ЖД 73-98. И опять без шофера. Почему? Выбирают момент, когда шофер отходит?..

Пришелец ловил ящериц — очень ловко. Бегал на трех лапах, остальными хватал сразу по две, по три штуки...

Да, я мог бы уйти, если бы захотел. Только что вернулся с кромки обрыва. Оттуда рукой подать до Пенджикентского тракта, не более трех часов хода. Но я не уйду. Надо посмотреть, чем все кончится...

Погрузили целую отару овец — штук десять — и огромное количество сена. Уже успели узнать, чем питаются овцы. Умные твари! Очевидно, хотят довести коров и овец живьем или запасаются продовольствием. И все-таки непонятно, почему они так явно и упорно игнорируют людей. Или люди для них менее интересны, чем коровы? Нашу машину тоже погрузили...

...тоже понимают? Что, если мне полететь с ними? Попытаться договориться или тайком проникнуть в корабль. Не позволят?..

...Два винта, иногда четыре. Число лопастей сосчитать не удалось. Длина кузова — метров восемь. Все из матового черного материала, без заметных швов. По-моему, не металл. Что-нибудь вроде

пластмассы. Как попасть внутрь, не понимаю. Никаких люков не видно... (Это, вероятно, описание вертолетов.)

По-видимому, я — единственный человек, оказавшийся в таких обстоятельствах. Очень страшно. Но как же иначе? Надо, надо лететь, просто необходимо...

Опять на верхушке корабля появились ежи. (Непонятно. О «ежах» Лозовский больше нигде не упоминает.) Покрутились, вспыхнули и исчезли. Сильный запах озона...

Прилетел вертолет, в бортах — вмятины величиной с кулак. Сел, сложился(?), и сейчас же в стороне над горами прошли два наших реактивных истребителя. Что произошло?..

Пришельцы продолжают бегать как ни в чем не бывало. Если было столкновение... (Не окончено.)

...теоретически... (Неразборчивая фраза.) должен объяснить. Они, видимо, не понимают. Или считают ниже своего достоинства...

Поразительно! До сих пор не могу прийти в себя от изумления. Это машины??? Только что в двух шагах от меня двое Пришельцев разбирали третьего! Глазам не поверил. Необычайно сложное устройство, не знаю даже, как и описать. Жаль, что я не инженер. Впрочем, скорее всего это не помогло бы. Сняли спинной панцирь, под ним звездообразный... (Не окончено.) Под брюхом резервуар, довольно вместительный, но как они туда складывают различные предметы, непонятно. Машины!..

Собрали, оставили только четыре лапы, зато приделали что-то вроде громадной клешни. Как только сборка была окончена, «новорожденный» вскочил и убежал в корабль...

Большая часть тела занята звездообразным предметом из белого материала, похожего на пемзу или на губку...

Кто же хозяева этих машин? Может быть, Пришельцами управляют изнутри корабля?..

Разумные машины? Чепуха! Кибернетика или телеуправление? Чудеса какие-то. И кто может помогать Хозяевам выйти наружу?..

Понимают разницу между людьми и животными. Поэтому людей не берут. Гуманно. Меня, вероятно, подобрали по ошибке... Жена не простит...

...никогда, никогда не увижу — это страшно. Но я человек!..

Очень мало шансов остаться в живых. Голод, холод, космическое излучение, миллион других случайностей. Корабль явно не приспособлен для перевозки «зайцев». В общем, один шанс на сто. Но я не имею права упускать этот шанс. Связаться необходимо!

Ночь, двенадцать часов. Пишу при фонарике. Когда зажег, один из Пришельцев подбежал, вспыхнул и убежал. Весь вечер Пришельцы строили какое-то сооружение, похожее на башню. Сначала из трех люков вытянулись широкие трапы. Думал, наконец-то выйдут те, кто управляет этими машинами. Но по трапам спустили множество деталей и металлических(?) полос. Шестеро Пришельцев принялись за работу. Того, с клешней, среди них не было. Я долго следил за ними. Все движения абсолютно точны и уверенны. Башню построили за четыре часа. Как согласованно они работают! Сейчас ничего не видно — темно, но я слышу, как Пришельцы бегают по площадке. Они свободно обходятся без света, работа не прекращается ни на минуту. Вертолеты все время в полете...

Предположим, я... (Не окончено.)

16 августа, 16 часов

...Тому, кто найдет эту тетрадь. Прошу переслать ее по адресу Ленинград, Государственный Эрмитаж, отд. Средняя Азия.

Четырнадцатого августа в девять часов утра меня, Бориса Яновича Лозовского, похитил Черный Вертолет и доставил сюда, в лагерь Пришельцев. До сегодняшнего дня я по мере возможности вел запись своих наблюдений... (несколько строк неразборчиво) и четыре автомашины. Основные выводы: 1) Это Пришельцы извне, гости с Марса, Венеры или какой-либо другой планеты. 2) Пришельцы представляют собой необычайно сложные и тонкие механизмы, и их космический корабль управляется автоматически.

Пришельцы рассмотрели меня, раздели и, по моему, сфотографировали. Вреда они мне не причинили и в дальнейшем особого внимания на меня не обращали. Мне была предоставлена полная свобода...

Корабль готовится, по всей видимости, к отлету, так как утром на моих глазах были разобраны все три Черных Вертолета и пять Пришельцев. Мои продукты погружены. На площадке остались только несколько деталей от башни и один «ГАЗ-69». Два Пришельца еще копошатся под кораблем и два бродят где-то неподалеку. Я иногда вижу их на склоне горы...

Я, Борис Янович Лозовский, решил проникнуть в корабль Пришельцев и лететь с ними. Я все продумал. Продуктов мне хватит по крайней мере на месяц, что будет потом — не знаю, но я должен лететь. Я рассчитываю, проникнув в корабль, найти коров и овец и остаться с ними. Во-первых, веселей, во-вторых, запас мяса на черный день. Не знаю, как насчет воды. Впрочем, у меня есть нож, и при нужде я воспользуюсь кровью... (Зачеркнуто.) Если останусь жив — а в этом я почти не сомневаюсь, — то приложу все усилия к тому, чтобы связаться с Землей и вернуться обратно с Хозяевами Пришельцев. Думаю, мне удастся договориться с ними...

Л о з о в с к о й М а р и и И в а н о в н е. Дорогая, любимая Машенька! Я очень надеюсь, что эти строки дойдут до тебя, когда все уже будет хорошо. Но, если случится худшее, не осуждай меня. Я не мог поступить иначе. Помни только, что я всегда любил тебя, и прости. Поцелуй нашего Гришку. Когда он вырастет, расскажешь ему обо мне. Ведь я вовсе не такой уж плохой человек, чтобы моему сыну нельзя было гордиться своим отцом. Как ты думаешь? Вот все. Только что один из Пришельцев, бегавших по обрыву, вернулся в корабль. Иду. Прощай. Целую, твой всегда Борис...

Пока я писал, Пришельцы втянули два трапа. Остался один. Надо... (Целый неразборчивый абзац; такое впечатление, словно Лозовский писал не глядя.) Пора идти. Но хорош я буду, если меня не пустят!

Я должен прорваться! Вот еще один спустился со скалы и полез внутрь. Двое еще сидят под кораблем. Ну, Лозовский, марш! Страшновато. Впрочем, ерунда. Это машины, а я ведь человек...

На этом месте записи обрываются. Больше Лозовский к машине не возвращался. Не возвращался потому, что корабль взлетел. Скептики говорят о несчастье, но на то они и скептики. Я с самого начала был искренне и глубоко уверен, что наш славный «пан шеф» жив и видит то, что нам не дано видеть даже во сне.

Он вернется, и я завидую ему. Я всегда буду завидовать ему, даже если он не вернется. Это самый смелый человек, которого я знаю.

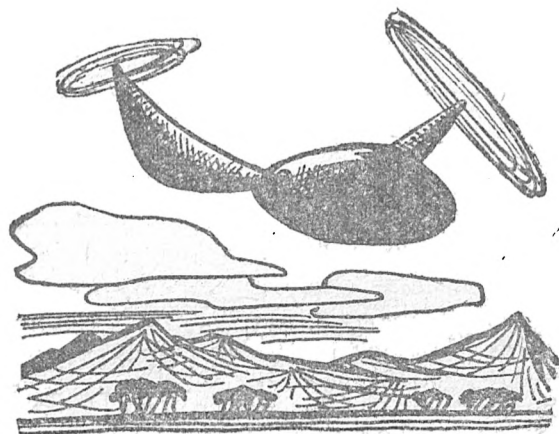
Да, далеко не всякий оказался бы способен на такой поступок. Я спрашивал об этом многих. Некоторые честно говорили: «Нет. Страшно». Большинство говорит: «Не знаю. Все, видите ли, зависит от конкретных обстоятельств». Я бы не решился. Я видел «паука», и даже теперь, когда я знаю, что это всего лишь машина, он не вызывает во мне доверия. И эти зловеющие Черные Вертолеты... Представьте себя в недрах чужого космического корабля, окруженным мертвыми механизмами, представьте себя летящим в ледяной пустоте — без надежд, без уверенности, — летящим дни, месяцы, может быть годы, представьте все это, и вы поймете, что я имею в виду.

Вот, собственно, и все. Несколько слов о дальнейших событиях. В середине сентября из Москвы прибыла комиссия профессора Никитина, и всех нас — меня, Джамила, шофера Колю, рабочих — заставили написать уйму бумаги и дать ответы на тысячи вопросов.

Мы занимались этим около недели, затем вернулись в Ленинград.

Возможно, скептики правы и мы никогда не узнаем о природе наших гостей извне, об устройстве их звездолета, об удивительных механизмах, которые они послали к нам на Землю, а главное — о причине их неожиданного визита, но что бы ни утверждали скептики, я думаю, Пришельцы вернутся. Борис Янович Лозовский будет первым переводчиком. Ему придется

в совершенстве изучить язык далеких соседей: только он сможет объяснить им, каким образом на Земле весьма совершенные автомобили высокой проходимости очутились рядом с черепками глиняных кувшинов шестнадцативековой давности.

3

НА БОРТУ „ЛЕТУЧЕГО ГОЛЛАНДЦА“

*(Рассказ бывшего начальника археологической группы
„Апиды“ Б. Я. Лозовского)*

Почему я пошел на это? Сложный вопрос. Сейчас мне трудно разобраться в своих тогдашних мыслях и переживаниях. Кажется, я просто чувствовал, что должен лететь, не могу не лететь, вот и все. Словно я был единственным звеном, которое связывало наше земное человечество с Хозяевами Пришельцев. Хозяева легкомысленно доверились своим безмозглым машинам, и я был обязан исправить их оплошность. Что-то вроде этого. И, разумеется, огромное любопытство.

Я отчетливо создавал, что у меня всего один шанс на тысячу, может быть на миллион. Что скорее всего я навсегда потеряю жену и сынишку, друзей, любимую работу, потеряю свою Землю. Особенно тяжело мне было при мысли о жене. Но ощущение грандиозности задачи... Не знаю, понятно ли вам, что я хочу сказать. Этот маленький единственный шанс заполнил мое воображение, он открывал невиданные, ослепительные

перспективы. И я никогда не простил бы себе, если бы ограничился тем, что с разинутым ртом проводил глазами взлетающий звездолет другого мира. Это было бы предательством. Предательством по отношению к Земле, к науке, ко всему, во что я верил, для чего жил, к чему шел всю жизнь. Думаю, каждый на моем месте чувствовал бы то же самое. И все же — как трудно было решиться!

Как вы уже знаете, последнюю запись я сделал утром 16 августа. Было ясно, что Пришельцы не собираются грузить последнюю машину, вероятно, потому, что один такой «газик» уже был погружен. Я положил дневник на заднее сиденье, бросил карандаш и огляделся. На площадке было пусто, только под громадным тускло-серым конусом звездолета еще копошились двое Пришельцев. Вокруг поднимались красноватые и желтые скалы, над головой сияло яркое голубое небо, такое яркое и голубое, какого я не видел никогда в жизни. Но надо было собираться. Неподдалеку из расщелины вытекал родничок чистой холодной воды, я наполнил флягу и сунул ее за пазуху. В моем распоряжении была эта фляга, две банки рыбных консервов и карманный фонарик с запасной батареей. Немного... Но я рассчитывал сразу же отыскать в звездолете помещение, отведенное для овец и коров, и отсидеться там. Поскольку корма для скота Пришельцы взяли не очень много, я предполагал быть на другой планете не позже чем через неделю. Как я ошибся! Но об этом после.

Когда я подошел к трапу, Пришельцы, возившиеся с чем-то под днищем корабля, замерли и уставились на меня. По крайней мере, так мне показалось. Это их обычная манера — прекращать работу, когда к ним приблизишься, и замирать в самых нелепых позах. Зрелище, мягко выражаясь, не совсем обычное, я так и не сумел привыкнуть к нему. Я тоже остановился и тоже уставился. Я решил, что они угадали мое намерение, и оно им не понравилось. Стыдно признаться, но я испытал тогда некоторое облегчение. Слишком горячим и ласковым было утреннее солнце, и слишком чужими — невероятно чужими — выглядели эти черные твари с изломанными ногами. И изрытая, обуг-

ленная земля. И зияющая дыра люка в сером незнакомом металле. И широкий упругий трап — настоящая дорога в иной мир...

Однако Пришельцы, наглядевшись, по-видимому, всласть, снова вернулись к своим занятиям, предоставив меня самому себе. Путь был снова открыт, отступление с честью было отрезано.

Помню, я пытался убедить себя, что очень важно вернуться и разыскать свою куртку, которую я сбросил полчаса назад, когда солнце начало припекать. Я стоял, поставив одну ногу на трап, и озирался по сторонам, ища ее глазами. И чем тщательней я обшаривал взглядом каждую рытвину на площадке, тем яснее мне становилось, что куртка — это необходимый предмет туалета и что знакомиться с Хозяевами Пришельцев без куртки, в грязных фланелевых шароварах и сетчатой майке цвета весеннего снега будет просто неприлично. Черт знает, чем может быть занята голова человека в такой момент! Я стоял, бессмысленно глазел по сторонам и размышлял. Кругом царил тишина, только тихонько позвякивали и стрекотали Пришельцы. Потом перед моим лицом с басовитым жужжанием пролетел слепень, я очнулся и стал карабкаться по трапу, быстро-быстро перебирая ногами.

Трап был крутым и сильно пружинил, так что через несколько шагов я почувствовал непреодолимое стремление встать на четвереньки, но почему-то постыдился сделать это. Может быть, потому, что вид у меня — я отлично сознавал это — был и без того нелепый до крайности: обвисшие штаны, оттопырившаяся майка (я засунул консервы и прочий свой скудный скарб за пазуху) и застывшая улыбка на небритой трое суток физиономии. Впрочем, наблюдать мое восхождение было некому, кроме Пришельцев, а им, несомненно, было наплевать. Согнувшись в три погибели, приседая на трясущихся от напряжения ногах, я преодолел наконец последние метры трапа и, гремя своим снаряжением, ввалился в люк.

Я оказался в довольно узком коридоре, наклонно уходившем в темноту, в глубь корабля. Рассеянный дневной свет проникал в люк и слабо озарял серые, шероховатые на ощупь стены. Пол, на который я усел-

ся, был холодным и, как мне показалось, слабо вибрировал. Было сумеречно, очень тихо и прохладно.

Я поправил под майкой свою ношу, подтянул ремень на брюках, вытянул шею и выглянул наружу. Ничего не изменилось на площадке. Одиноким «газик», залитый солнечным светом, был похож издали на детскую игрушку. Я подумал, что люк находится гораздо выше, чем это представлялось снизу.

Вдруг я увидел одного из Пришельцев. Неторопливо переступая, он подошел к трапу, остановился, словно прицеливаясь, и вдруг стремительно побежал вверх, прямо на меня. Я прижался к стене коридора, подобрав ноги. От мысли, что он сейчас пройдет совсем рядом, может быть коснется меня, мне стало не по себе. Но ничего не случилось. Свет в люке на мгновение померк, меня обдало теплом и странным свежим запахом, похожим на запах озона, и он промчался мимо, даже не задержавшись. Я услышал, как он удалялся в темноте, тихонько стрекоча и дробно постукивая лапами. Тогда я двинулся за ним, твердя себе, что оборачиваться не следует. Я очень боялся, что не выдержу и сбегу. Бегство было бы нестерпимым позором, это я знал твердо, и это меня сдерживало. Сначала я шел согнувшись, но потом решил, что это глупо, и выпрямился, но плечи и затылок уперлись в невидимый потолок, такой же холодный и шероховатый, как стены и пол. Тут я впервые рискнул оглянуться. Далеко позади и почему-то вверху голубел кусочек неба, и мне показалось, что я лежу на дне глубокого колодца. Я достал фонарик, чтобы посмотреть, что делается впереди. Результат обследования меня поразил. Коридор кончился. Прямо передо мной была стена, серая, шершавая, теплая на ощупь и совершенно глухая.

Я испытал нечто вроде разочарования, заметно разбавленного приятным чувством выполненного долга. Мне ужасно захотелось пожать плечами, повернуться и неторопливо двинуться обратно к выходу с выражением благородной горечи на лице, как делает солидный человек, огромным усилием воли заставивший себя зайти с больным зубом в поликлинику и узнавший, что зубной врач сегодня не принимает. Но мне было непонятно, куда девался Пришелец, пробе-

жавший здесь минуту назад. Я еще раз осветил стену и сразу же обнаружил в нижней ее части большое круглое отверстие. Я мог поклясться, что за секунду до этого его не было, но теперь оно было, и я на четвереньках пролез в него, подсвечивая себе фонариком.

Если в коридоре было холодно и темно, как в погребѣ, то здесь было темно, как в могиле, но гораздо теплее. Я встал на ноги и вдруг почувствовал, что могу выпрямиться во весь рост. Потолок исчез. Свет фонарика тонул во тьме над головой и вырывал из мрака справа и слева какие-то странные нагромождения. Впереди была пустота. Я сделал несколько шагов и принялся осматриваться. Сначала я ничего не мог понять — мне показалось, что вокруг возвышаются огромные штабели автомобильных покрышек. Похоже было, что я нахожусь в каком-то складе. Я медленно пошел по узкому проходу между штабелями, все время озираясь по сторонам. Только через несколько минут я решился пустить в ход пальцы и ощупал ближайший штабель. Это были Пришельцы! Собственно, не сами паукообразные машины, а только их плоские округлые тела. Они лежали друг на друге, совершенно неподвижные, мало чем напоминающие те стремительные черные механизмы, которые так поражали меня своей подвижностью и энергией. Ног я не видел, должно быть они были отвинчены или втянуты. Это действительно был обширный тихий и темный склад. Штабеля тянулись вверх по крайней мере на три-четыре метра. Сверху из темноты неподвижными гроздьями свисали странные острые стержни.

Пока я стоял, озираясь, шаря лучом фонарика, позади слышалось металлическое постукивание. Я повернулся и увидел Пришельца — вероятно, последнего из оставшихся, — который двигался ко мне вдоль прохода. В нескольких шагах от меня он остановился, замер в луче света, затем ловко вскарабкался наверх прямо по стене штабеля и исчез из виду. С минуту что-то шуршало и пощелкивало у меня над головой, потом наступила полная тишина, и я совершенно инстинктивно ощутил, что во всем этом, вероятно, огромном помещении, кроме меня, нет ни одного живого существа.

Странно подумать, но именно тогда я впервые почувствовал себя по-настоящему одиноким. Я побежал — буквально побежал — обратно и скоро уперся в стену. Я лихорадочно шарил по ней лучом, стараясь отыскать лаз, через который проник сюда, но его не было. На этот раз действительно не было. Я крикнул. Мой голос задрожал в теплом воздухе и погас во тьме. И в то же мгновение пол подо мной качнулся и пошел вверх. Тело налилось нестерпимой тяжестью, я зашатался и сел, а потом лег прямо на жесткий горячий пол.

Все было кончено. Свершилось. Корабль поднимался и уносил меня в неведомое. Насколько я знаю, я был первым человеком, оторвавшимся от Земли и уходящим за пределы атмосферы. Помню, я подумал об этом и испытал странное чувство облегчения оттого, что дальнейшая моя судьба уже не зависит от моей воли. Скоро, однако, мысли мои стали путаться. Мой вес увеличился раза в два (нормально я вешу, кстати, около девяноста кило), и я чувствовал себя очень неважно: мне было жарко и тяжело.

Так продолжалось не менее четверти часа. Я лежал, распластавшись, словно раздавленная лягушка, уткнувшись лицом в ладони, и считал. До ста, до тысячи, сбивался и начинал считать снова. Края консервных банок за пазухой больно впивались в тело, но у меня не было сил сдвинуть их в сторону и устроиться поудобнее.

И вдруг меня подбросило в воздух. Мне показалось, что я падаю, с невероятной скоростью несусь куда-то во мрак, в пустоту. Видимо, корабль стал двигаться без ускорения и наступила невесомость. Когда я понял это, мне стало легко и хорошо, я даже, кажется, рассмеялся про себя. Ведь я был настоящим межпланетным зайцем-путешественником, совсем как в романах, с невесомостью и всем прочим! Но чувство радости быстро прошло. Я висел над полом на высоте двух метров. Вокруг возвышались молчаливые штабели разобранных машин, черные и бесформенные, колыхалась горячая тьма, а совсем рядом, на расстоянии чуть-чуть большем, чем длина вытянутой руки, висел мой фонарик. И я никак не мог дотянуться до

него, хотя дергался и извивался так, что мне позавидовал бы любой гимнаст. Фонарик светил мне прямо в лицо, ослепляя, доводя до бешенства. Но я ничего не мог сделать. К тому же у меня началось что-то вроде морской болезни. Вероятно, невесомость противопоказана моему организму так же, как и удвоенная тяжесть.

Меня тошнило, кружилась голова, и в конце концов я принялся браниться и бранился до тех пор, пока не обнаружил, что сижу на полу и фонарик лежит в двух шагах от меня. «Прибыли!» — подумал я. Фонарик горел по-прежнему ярко, значит с момента старта прошло не больше часа. Даже при моих скудных познаниях из астрономии я не мог предположить, что это займет так мало времени.

Но удивляться и раздумывать было некогда. Тьма вокруг меня пришла в движение. Что-то трещало и стрекотало над моей головой, и, подхватив фонарик, я увидел в его свете фантастическую картину самосборки Пришельцев. Черные машины на глазах обрастали изломанными стержнями лап и стремглав бросались вниз, лязгая металлом о металл. Они одна за другой проносились мимо меня, наполняя воздух озоном и горячим ветром, и исчезали во мраке. Впрочем, их было не так уж много — не больше десятка. Остальные остались лежать в молчаливых, неподвижных штабелях. Снова наступила тишина, откуда-то потянуло резким, неприятным запахом. Тут меня осенила мысль, что атмосфера на чужой планете может оказаться непригодной для дыхания. Но делать было нечего, следовало подумать о предстоящей встрече с Разумом Иного Мира. И если межпланетник из меня явно не получился, то я льстил себя надеждой, что в качестве парламентаря Земли лицом в грязь не ударю.

Я встал, подтянул брюки, стараясь придать себе, по возможности, респектабельный вид, и стал ждать появления Хозяев Пришельцев. В том, что они появятся, я не сомневался. Я был настроен бодро и почти торжественно. Ведь я представлял земное человечество, а это не шутка!.. Но проходили минуты, никто не появлялся. Меня по-прежнему окружали мертвая тишина и душный мрак, в нос бил резкий, неприятный запах.

Тогда, несколько раздосадованный, я решил отыскать дверь и выйти наружу.

Я шел и шел, светя фонариком то вперед, то себе под ноги, но стены все не было. И вдруг я заметил, что нахожусь уже не на складе Пришельцев, а в широком сводчатом тоннеле. Это меня поразило: я совсем не заметил, когда окончились ряды штабелей. Видимо, я шел не в ту сторону, хотя мне казалось, что Пришельцы пробежали именно сюда и выходной люк должен быть где-то здесь. Возвращаться не имело смысла. Рано или поздно, думал я, Хозяева Пришельцев все равно попадутся мне навстречу. Кроме того, по моим расчетам, я был уже где-то у противоположного борта корабля. Но, только пройдя по тоннелю еще несколько десятков шагов, я наконец обнаружил люк и выбрался наружу, на шершавую покатую броню.

Я ожидал увидеть небо с незнакомыми созвездиями, огромный пустырь ракетодома, живых людей, встречающих свой звездолет-автомат. Ничего подобного не оказалось. Впереди была непроглядная тьма, под ногами — теплая шершавая поверхность. Больше ничего не было. Я стал соображать, сопоставлять факты — если всю эту несурязицу называть фактами — и в конце концов пришел к заключению, что нахожусь, скорее всего, в гигантском ангаре для межзвездных кораблей. Правда, такое заключение почти ничего не объясняло, но ведь я не мог знать нравы и обычаи обитателей неведомой планеты. И раз Магомет, по-видимому, не собирается идти к горе, то лучше всего будет, если гора сдвинется с места и побредет искать Магомета.

Я сдвинулся с места и, помогая себе свободной правой рукой (в левой я сжимал фонарик), стал сползать вниз. Как это ни странно, но я больше не испытывал ни страха, ни волнения, ни прежнего острого любопытства — только нетерпеливое и сердитое желание поскорее встретиться с кем-нибудь живым. Удивительное существо — человек! Я словно забыл обо всех испытаниях, о своем фантастическом положении и вел себя совершенно так же, как запоздавший гость, который запутался среди чужих пальто в неосвященной прихожей. Помнится, я даже брюзжал вполго-

лоса, называя негостеприимных хозяев звездолета невежами.

Тут ноги мои соскользнули в пустоту, и я упал. Я хорошо помнил, что бока корабля отлоги, сорваться с них немыслимо. Тем не менее я упал, причем упал с изрядной высоты, больно стукнулся пятками и, гремя консервными банками, повалился на бок, инстинктивно подняв руку с драгоценным фонариком. Луч света скользнул по гладкой стене, метнулся вверх и озарил плоское шершавое днище звездолета.

«Что ж, могло быть и хуже», — бодро подумал я поднимаясь. И вдруг я увидел свет. Он был слабым, едва заметным, но сердце мое запрыгало от радости. Я погасил фонарик и глядел во все глаза, боясь потерять из виду это тусклое зеленоватое пятнышко. Затем осторожно, но быстро пошел на него, время от времени зажигая фонарик, чтобы не провалиться в какую-нибудь яму. К счастью, пол в «ангаре» был ровный и шероховатый, как и в звездолете, и я ни разу не споткнулся и не оступился. Вскоре оказалось, что я иду вдоль высокой, слегка наклонной стены, в которой через каждые десять — пятнадцать метров открывались круглые и квадратные люки. Я заглянул было в один из них, но оттуда торчали лапы Пришельца, и я счел за благо не задерживаться и двинуться дальше с наибольшей поспешностью. И вот световое пятно сделалось ярче и внезапно оказалось под ногами. Свет лился из высокого узкого прохода, прорезающего стену. Я втиснулся в него и остановился в изумлении.

Прямо передо мной был просторный тоннель, освещенный довольно ярко, но необычно. В первую минуту мне показалось, что вдоль стены непрерывными рядами тянутся разноцветные витрины магазинов, как на Невском вечером, — желтые, голубоватые, зеленые, красные... Глубина тоннеля тонула в туманной фосфорической дымке, стены были прозрачны, словно стекло. Впрочем, вряд ли это было стекло. Скорее, какой-нибудь неизвестный металл или пластмасса. За стенами располагались разделенные прозрачными же перегородками камеры размером примерно пятнадцать метров каждая, а в этих камерах...

Это был музей. Точнее, это был исполинский нево-

образимый зверинец. От первой же камеры я шарахнулся, как младенец от буки. Там, наполовину погруженная в зеленовато-розовую слизь, восседала кошмарная тварь, похожая на помесь жабы и черепахи величиной с корову. Тяжелая плоская голова ее была повернута ко мне, пасть распахнута, под нижней челюстью судорожно трясся мокрый кожистый мешок. Она была так омерзительна, что меня затошнило. Правда, потом я привык и смотрел на нее без отвращения, только с любопытством.

В камере напротив находилось нечто вообще не поддающееся описанию. Оно заполняло всю камеру — огромное, черное, колышущееся. Пульсирующий студень, покрытый мясистыми шевелящимися отростками, плавающий в густой, плотной атмосфере, которая то вспыхивала неровным сиреневым светом, то гасла, как испорченная неоновая лампа.

И в каждой из камер в этом удивительном тоннеле-зверинце копошилось, ползло, жевало, пульсировало, металось, таранилось какое-нибудь существо. Там были слоноподобные бронированные тараканы, красные, непомерной длины тысячножки, глазастые полурыбы-полуптицы ростом с автомобиль, и что-то невероятно расцвеченное, зубастое и крылатое, и что-то вообще неразборчивых форм, погруженное в зеленое полупрозрачное желе, разлитое по полу. В некоторых камерах было темно. Там время от времени вспыхивали разноцветные огоньки, что-то шевелилось. Не знаю, кто там сидел, в этих клетках. Вообразить все это очень трудно, а описать и рассказать еще труднее, невозможно. Зато вы можете сравнительно легко вообразить себе Бориса Яновича Лозовского, сотрудника Государственного Эрмитажа, археолога, семейного человека, как он, пораженный, озираясь бредет по тоннелю, и блики необыкновенных расцветок падают на его сутулую фигуру в фланелевых штанах и оттопыренной майке, на волосатую физиономию с вытаращенными бегающими глазками...

Тоннель, казалось, был бесконечным. Я насчитал пятьдесят камер, потом перестал считать. Тоннель будто тянулся по спирали, время от времени в стенах справа и слева открывались узкие проходы, заглянув

в которые, я видел все те же сплошные ряды то разноцветных, то темных витрин. Иногда пробегал Пришелец, делал передо мной стойку, нелепо задрал лапы, вспыхивал белым светом и удирал прочь, стрекоча и постукивая.

Я вдруг почувствовал смертельную усталость. Ноги мои заплетались, голова разламывалась от боли. Я давно уже хотел пить, но, поскольку овец и коров найти не удалось, решил не прикасаться к своим скудным запасам как можно дольше. Теперь жажда стала нестерпимой. Несомненно, сказывались и жара, и дурной запах, к которому я, правда, как-то привык, и волнения последних нескольких часов.

С момента старта не могло пройти более полусуток, но устал я так, словно не спал по крайней мере несколько ночей подряд. И когда я забрел в «незаселенный» участок тоннеля — это была целая галерея пустых камер, не закрытых прозрачной перегородкой, чистых, сухих и совершенно темных, — то решил остановиться. Для очистки совести я покричал. Мне все еще казалось, что Хозяева меня могут услышать. Но никто не откликнулся, только где-то в тоннеле дробно простучал лапами Пришелец.

Я с наслаждением растянулся на полу и выгрузил из-за пазухи свои сокровища. Выгрузил, полюбовался ими при свете фонарика и... похолодел. Я забыл нож в кармане куртки! Это была настоящая катастрофа. Я никогда не представлял себе, до чего жалок голодный человек, имеющий консервы и не имеющий консервного ножа. Сначала я попытался вскрыть банку пряжкой ремня. Потерпев неудачу, стал бить банкой об пол и об угол перегородки. Банка потеряла первоначальную форму и покрылась трещинами, которые мне, правда, удалось расширить пряжкой так, чтобы можно было выдавливать содержимое тоненькими листочками.

Я задумчиво сосал эти листочки и неожиданно заметил, что проблема консервного ножа занимает меня как-то больше, чем Хозяева и тайны «зверинца». Я повздыхал, выпил несколько глотков из фляжки и уснул.

На следующий день — или на следующую ночь, или вечером того же дня, не знаю, — я снова принялся

искать Хозяев. Кроме того, я надеялся попасть в помещение, где Пришельцы держали захваченные автомобили. Ведь там могло оказаться и продовольствие, которое я вез в лагерь из Пенджикента. И вода в радиаторе. Ни автомобилей, ни продовольствия мне найти не удалось, зато в одном из тоннелей-зверинцев я, к своей радости, обнаружил коров и овец. Напротив камеры с огромной муравьеподобной тварью, за толстой прозрачной стеной, возлежали пегие коровки, в соседней клетке толпились овцы. Эта находка доставила мне живейшую радость, причем радость совершенно бескорыстную, потому что добраться до этих «землян» было бы совершенно невозможно. Все они чувствовали себя неплохо, хотя овцам было, пожалуй, тесновато. Впрочем, вскоре я сообразил, в чем дело. В клетках рядом я увидел: в одной — огромного тигра, в другой — желтых, беспрестаннодвигающихся животных, очень похожих на собак. По-видимому, это были койоты, степные волки. В камерах этих хищников на полу были разбросаны свежие на вид кости и куски шкур, несомненно овечьих. Отсюда я сделал три довольно очевидных вывода. Во-первых, что овец Пришельцы захватили в таком большом числе в качестве временной пищи для хищников; во-вторых, что корабль Пришельцев побывал не только в Таджикистане, где, как известно, не водятся ни койоты, ни тигры. Наконец, в-третьих, что в «зверинце» представлен животный мир нескольких, может быть даже многих, планет, и, возможно, планет не только нашей солнечной системы.

Я решил действовать планомерно и стал обходить тоннели, коридоры и проходы по правилу правой руки. Этот метод очень хорош для лабиринтов на Земле, но он оказался никуда не годным для небесного лабиринта. Небесный лабиринт был подвижным! На месте уже знакомых проходов я обнаруживал глухие стены. Люки возникали и исчезали, словно по волшебству. Я видел, как большой ряд камер вдруг мягко и беззвучно отъехал в сторону и открыл проход, через который минутой позже «выскочил» Пришелец.

Вскоре я сделал удивительное открытие. Я принимал этот мир, в котором, подобно древнему философу,

бродил с огоньком в поисках Человека, за помещение на другой планете, за ангар для звездолетов, за музей и в конце концов понял, что это не так.

Этот мир оказался неустойчивым. Я ощущал его движение в пространстве. Иногда вес моего тела внезапно резко увеличивался, пол уходил из-под ног, меня несло в сторону и бросало на стену. Иногда наступала невесомость. Неловко шагнув, я взмывал в воздух и болтался в таком положении, изнывая от тошноты, до тех пор, пока невесомость не исчезала. В такие минуты в камерах зверинца можно было наблюдать смешные и жуткие картины.

Представьте себе корову, обыкновенную колхозную буренку, висящую в воздухе растопыренными ногами вверх. Поразительное зрелище! Впрочем, коровы и овцы вели себя в такой ситуации довольно спокойно, но тигр!.. Он извивался и корчился в воздухе, пытаясь дотянуться когтистой лапой до чего-нибудь твердого... А повисшая между полом и потолком исполинская жаба, похожая скорее на нездоровый сон, чем на объективную реальность! Но, в общем, невесомость, по-видимому, не оказывала на животных особого влияния. Как только тяжесть становилась нормальной, все входило в обычную норму.

Некоторых гадов невесомость приводила в бешенство. Мне довелось наблюдать бунт огромной змееподобной твари. Она сворачивалась тугим клубком и, распрямляясь, с силой била покрытым роговой оболочкой хвостом в стену соседней камеры. Грохот ударов я слышал из другого конца коридора. Это было до жути красиво: в голубом мерцающем тумане разворачивался и свивался гигантский дракон. От ударов подпрыгивал пол под ногами. На моих глазах стена расседалась, покрываясь длинными, извилистыми трещинами. Я увидел, как в соседнюю камеру, где сидели два больших черных существа, похожих на грибы с глазами, пополз голубой дым и «грибы» начали корчиться, судорожно и беспомощно скакать по камере. Затем в камере бунтовщика вдруг погасло голубое сияние, и в наступившей полутьме стали медленно опускаться, тяжело колыхаясь, клубы белесого пара. Тяжелые удары сразу стихли. Бунт окончился. Потом

мне довелось увидеть этого змея еще раз. Его поместили в другую камеру, где он и сидел вполне тихо и прилично. А грибов с глазами я больше так и не видел. Их камера опустела, свет в ней погас. Заглядывая туда, я видел быстро перемещающиеся тени. Помоему, это были Пришельцы. Думаю, они чинили стену.

Но я отвлекся. Короче говоря, я довольно скоро заподозрил, что нахожусь на огромном межпланетном корабле, несущемся в пространстве. Особенно ясно мне это стало, когда однажды меня швырнуло вдоль коридора с «витринами» и я пролетел метров двадцать, размахивая руками и тщетно пытаюсь обрести равновесие, пока не споткнулся о какой-то предмет и не покатился по шершавому полу. Это событие напомнило мне аналогичный случай в ленинградском автобусе, где я совершенно так же летел вдоль прохода между креслами, срывая с сидящих шляпы. Аналогия была полная. Между прочим, предмет, о который я споткнулся, оказался Пришельцем, прильнувшим к полу. Ему удалось удержаться, хотя я до сих пор не понимаю, каким образом.

Проводив глазами Пришельца, бодро ускакавшего вдоль коридора, и потеряв свои садины, я уселся в позе Будды и стал думать. Все получалось как-то неутешительно.

Если бы это был ангар для звездолетов, как я думал вначале, или музей-зверинец, как я думал потом, мне в конце концов удалось бы выбраться отсюда под небо чужой планеты. Но нет, это был космический корабль в движении, корабль, все время меняющий режим полета, с необъяснимой для меня подвижной планировкой внутреннего пространства. За бортом его могла быть только пустота.

Оставалось еще два вопроса: есть ли на корабле мыслящие существа и сколь долго этот межзвездный скиталец (я имею в виду корабль) собирается витать в пространстве? Естественно, оба эти вопроса повисли без ответа.

У меня оставалось еще с четверть фляги воды и последняя банка консервов. Эту банку, кстати, еще предстояло открыть, а вода уже начала портиться. Во

всяком случае, пахло от нее болотом и головастиками. Я сидел, скрестив ноги, посреди тоннеля, и справа от меня в полутемной камере фантастическими огнями мерцало какое-то чудище, а слева корова с глупыми глазами задумчиво лизала прозрачную стену своей клетки.

Было очень тихо. Дальний конец коридора тонул во мраке, и на полу неподвижно лежали разноцветные яркие блики. Я впервые заметил, что потолок коридора тоже прозрачен: в одном месте его пересекала светящаяся полоса, и я успел заметить растопыренную тень Пришельца, скользнувшую поперек этой светлой полосы. Я попытался представить себе это грандиознейшее создание Разума — звездолет, управляемый механическим мозгом, заполненный сложнейшими механизмами, протянувшийся на сотни метров от меня вверх и вниз, вправо и влево. «Неужели здесь нет ни одного живого носителя мысли? — подумал я. — Не может быть. Тысячи тонн прозрачного металла, сотни паукообразных машин — и ни одного Человека?» Это можно было вообразить, но в это было очень трудно поверить. Каких-нибудь десять дней назад я мог себе представить такой огромный космический корабль, но ни за что не поверил бы в него. Теперь я видел бесконечные прозрачные коридоры и трогал рукой шершавый, чуть теплый пол, доверял своей руке, но не мог представить себе, что, кроме меня, здесь, может быть, нет ни одного Человека.

От этих мыслей меня отвлекла корова, которая перестала вдруг облизывать стену, отошла в глубь камеры и принялась лакать из прозрачной лохани. Я с особой остротой почувствовал свое пересохшее горло и голод. И тут меня осенило. Я вскочил и побежал по коридору, ругаясь во весь голос. Я обзывал себя болваном и кретином. Мне нужно было подумать об этом раньше, гораздо раньше. Мне нужен был Пришелец. Любой. Но как можно скорее: у меня не хватало терпения ждать.

Я быстро нашел Пришельца. «Паук» стоял в полутемном зале у стены и копался передними ногами в черном нешироком отверстии. На меня он не обратил никакого внимания. Он имел вид очень занятой и не-

приветливый, но я все-таки позвал его и, когда это не помогло, шлепнул по спине и обжег руку. Пришелец поднял две ноги и принял свою обычную позу, не переставая в то же время копать в черной дыре, где время от времени вспыхивали и гасли длинные голубые искры. Совершенно нельзя было понять, где у него передние, а где задние ноги, и, немного поколебавшись, я решился. Я сунул руку за пазуху, вытащил консервную банку и поставил на пол. Я сказал:

— Вот. Хватай, дружище, и тащи на склад.

Я надеялся, что Пришелец утащит банку и присоединит ее к прочим земным предметам, а уж я буду за ним бежать хоть по всему кораблю, но найду этот склад, и тогда все станет проще и легче. Но Пришелец некоторое время стоял неподвижно, потом взял банку, повертел ее в лапах и снова поставил на пол. Я был разочарован.

— Ну, что же ты? — сказал я.

Пришелец безмолвствовал.

— В чем дело? — спросил я.

Пришелец звонко щелкнул, захлопнул какую-то дверцу и, так сказать, не оборачиваясь, удалился. Тогда я взял банку и немедленно убедился, что она вскрыта. Собственно, она была перерезана поперек, и верхняя половина отделилась от нижней, а нижняя осталась на полу. Упоительный аромат лососины наполнил воздух, и я не выдержал. Я взял половину банки и опорожнил ее. Потом я хлебнул протухшей воды из фляжки и почувствовал себя самым довольным человеком во Вселенной. Можно было снова приниматься за поиски.

Для начала я двинулся вдоль стены, потому что, в конце концов, мне было все равно, куда идти, и скоро наткнулся на Пришельца, по-моему, на того же самого. Во всяком случае, этот тоже копался в стене, озабоченный голубыми искрами. Я подошел к нему и сказал: «Спасибо». Я сказал это совершенно серьезно, хотя мне больше понравилось бы, если бы Пришелец помог мне найти склад. Потом я сел рядом с ним на корточки и стал наблюдать. Пришелец щелкал, вспыхивал, и я пытался понять, что он делает, но так и не понял. Пришелец кончил работу, и мы посмотрели друг

на друга. То есть я посмотрел на него. Куда смотрел он, понять было трудно. И тогда я стал с ним говорить. Я говорил с ним так, как скучающий человек беседует с собакой. Сначала я болтал просто: экий ты, братец, умница, и какой же ты у нас послушный, и как же тебя зовут... и так далее. Он не уходил, и тогда я по какому-то вдохновению принялся ему рассказывать о Земле, о людях, о себе и об археологии. Я говорил долго, и он все стоял и слушал, неподвижный, как изваяние, и вдруг я заметил, что рядом стоят, собравшись вокруг меня, еще штук пять Пришельцев.

Тогда я понял. Они слушали и вели запись. И я встал. Я собрался с мыслями и заговорил. Это была не первая моя лекция, но такой лекции я еще не читал никогда. Впервые за несколько дней я чувствовал, что делаю действительно полезное. Еще бы — ведь через Пришельцев я обращался к неведомым Хозяевам всех этих машин. Я рассказывал о Земле и о человечестве, о войнах и революциях, об искусстве и об археологии, о великих стройках и великих планах. Я попытался было рассказать о достижениях наших точных наук, но боюсь, что в этой части моя лекция имела несколько расплывчатый характер. И я не смог заставить себя рассказать об атомных и водородных бомбах и ядовитых газах. Почему-то мне стало стыдно... Обо всем остальном я рассказывал подробно и с увлечением. Я думаю, что, если Хозяева расшифруют эту запись — а в этом сомневаться не приходится, — они будут довольны. По крайней мере, они будут знать, что их машины столкнулись с братьями по Разуму.

Когда я кончил и сказал: «Вот и все», Пришельцы еще постояли немного, потом разом вспыхнули и, пока я протирали глаза, исчезли все до единого.

Некоторое время я ходил по коридорам под впечатлением этого события. Я был очень горд собой и перестал смотреть на Пришельцев с опаской. Для меня они теперь были чем-то вроде почтовых ящиков, которым я доверил свое послание другому человечеству. Это не значит, конечно, что я перестал восхищаться этими замечательными механизмами. Но я просто вдруг как-то всем существом своим осознал, что это всего лишь

механизмы. Очень хитроумные, но неизбежно ограниченные, как и все механизмы.

Но, разумеется, выполнение моей миссии не облегчило моего положения. Я исходил, как мне казалось, весь этаж и не нашел ничего нового. Я даже не нашел способа подняться куда-нибудь выше. Зато я доел консервы и очень скоро начал голодать по-настоящему.

Я шатался у камер земных животных, подолгу простаивал перед ними, жадно глядя, как койоты раздирают куски чего-то бело-розового и лакают воду. Да, на корабле была пища и была вода. В загоне осталось всего три овцы, их, вероятно, решили сохранить, и теперь хищники питались какой-то другой пищей, может быть синтетической. Пища и вода были на корабле, это я твердо знал.

Однажды я попал в широкий и низкий коридор, в щель, по которой ходить можно было, только согнувшись. Я заполз в нее довольно далеко, и вдруг впереди послышалось знакомое стрекотание и металлический лязг. Навстречу мне бежали двое Пришельцев. Обычно они ходили поодиночке, но меня поразило не это. Они тащили на себе какой-то предмет, длинный и белесый, похожий на обтесанное бревно. И от этого бревна пахло... — не знаю, как описать этот запах, да я уже и не помню его, — пахло пищей. Пришельцы несли пищу. И, когда белый пахучий предмет поравнялся со мной, я прыгнул на него. Я рвал его к себе, мял, навалился на него всей тяжестью. Пришельцы продолжали нестись вперед, не обращая на меня внимания, и проволокли меня метров десять. Затем я упал. В руках у меня остался большой кусок мягкого ароматного вещества, похожего на брынзу. Пришельцы убежали своей дорогой, а я тут же, не сходя с места, устроил себе пиршество. Кажется, было очень вкусно.

Впоследствии я совершал такие грабежи еще несколько раз. Пришельцы этого, кажется, не заметили. Два раза я наедался до отвала. На третий раз мне досталась такая гадость... Она явно не предназначалась для «землян». Пахло нашатырным спиртом и еще чем-то вроде нефти. Так или иначе, особых мук голода я не испытывал. Зато жажда...

Я как зеницу ока хранил последние глотки воды. Но наступил час, когда я не выдержал и выпил все досуха. Я швырнул флягу в темноту. Она, я думаю, и сейчас еще лежит там. По моему подсчету, это случилось примерно на десятый или одиннадцатый день. У меня остался только фонарик с последней, наполовину использованной батареей и ком синтетической пищи, похищенной у Пришельцев.

Очень скоро мне стало совсем плохо. Я умирал от жажды. Кроме того, синтетическая пища была не очень доброкачественная. Во всяком случае, та, что воняла нефтью, мне не понравилась. Одним словом, случилось так, что у меня подкосились колени, закружилась голова, и я повалился на пол прямо посреди коридора.

И тут произошла странная вещь. Меня с самого начала занимала мысль, почему Пришельцы, похитившие меня на вершине тепе, перестали обращать на меня внимание, как только рассмотрели получше. Вертолет утащил меня, когда я на четвереньках взбирался по крутому склону. Я тогда не успел ничего понять: внезапный рев моторов, толчок в спину, жесткие клещи, стиснувшие мои бока, и тьма. Я успел только взреветь дурным голосом и ощутить запах озона, и потом — снова свет, я уже на посадочной площадке Пришельцев.

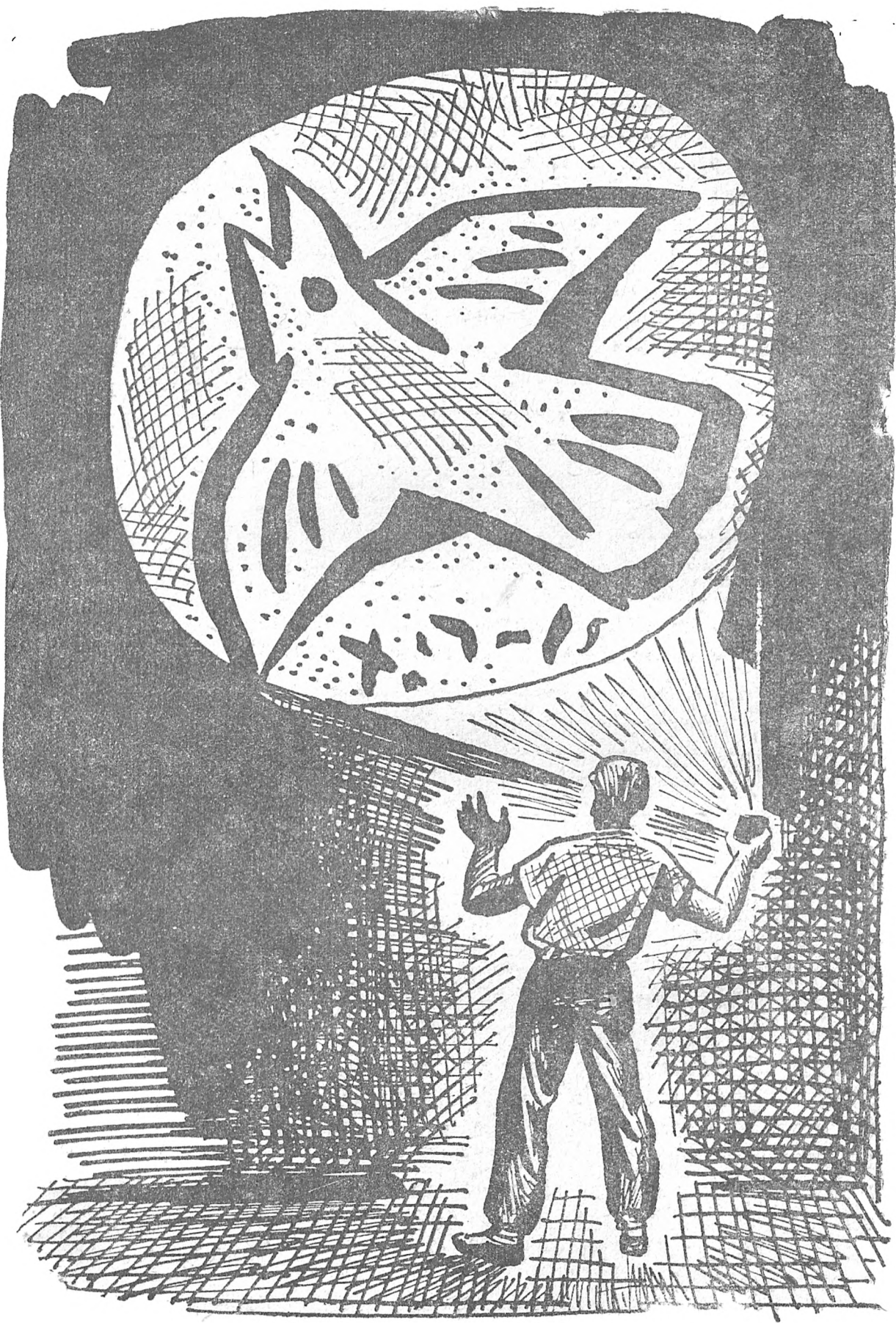
Но здесь, на огромном безжизненном корабле, я кое в чем разобрался. По-видимому, Пришельцы были натасканы, если можно так выразиться, только на неразумных существ, на все, что ползает, карабкается, бегает на четырех конечностях. Иначе я не берусь объяснить тот факт, что Пришельцы, совершенно не замечавшие меня, пока я был способен держаться прямо, проявили такую поразительную активность, стоило мне опуститься от слабости на карачки. Сквозь шум в ушах я расслышал их топот и стрекотание, в луче фонарика я увидел, что они собрались небольшой группкой и вдруг бросились на меня. Они схватили меня за бока и куда-то потащили. Они обжигали, как раскаленная печка, к тому же от запаха озона мне стало лучше, я рванулся и попытался подняться. Это мне удалось, и как только я выпрямился, встал на обе но-

ги и заговорил с ними (не помню, что именно я сказал, кажется: «Да что вы, ребята!»), они меня сразу отпустили и стали кружком, оживленно стрекоча. Вот тут я начал кое-что понимать. Пока я держался на ногах, я для них был Хозяин, Хомо Сапиенс Эректус, существо, им не подотчетное, Властелин Всего Сущего. Но, опустившись на четвереньки, я моментально превращался в животное, которое надо хватать, заточать в клетку, изучать и... кормить и поить. Это последнее соображение заставило меня сильно призадуматься.

Но я не пошел на это. Мне страшно хотелось пить, я был голоден, я ослабел, но на это не пошел. Сидеть по соседству с коровами, жиреть и жевать жвачку?.. При всей соблазнительности этой мысли она внушала мне отвращение и ужас. В тот момент я особенно сильно, как никогда сильно, почувствовал себя Человеком. Я выпрямился, выпятил грудь и рявкнул на Пришельцев. Я крикнул им, чтобы они убрались. И они убрались. Поглазели, пострекотали и убрались.

Жажда, нервное утомление, мерзкий запах, смертельная усталость делали свое дело. Кажется, у меня начался бред. Я вдруг вообразил, что нахожусь на борту исполинского межпланетного «Летучего Голландца», что Пришельцы — это механические призраки своих давно умерших Хозяев, некогда проклятых за какое-то чудовищное преступление, что где-то в недрах этого корабля скрывается дух их капитана, марсианского ван Стратена или ван дер Декена, обреченного за непостижимые грехи свои на вечные скитания в космических безднах. Это было в последние дни моего пребывания на корабле. И именно в эти последние дни я сделал самые замечательные открытия.

В своих бесплодных поисках Человека и воды я забрел в одну из пустующих камер. Помню, это было в совершенно незаселенном тоннеле. Там было темно и жарко. Луч фонарика скользнул по стене, и меня словно током ударило. Мне показалось, что я сошел с ума окончательно. На стене я увидел грубое изображение большой птицы с распростертыми крыльями и короткую надпись. Надпись состояла всего из семи знаков, написанных строчкой, криво и небрежно. Птица была намалевана какой-то густой засохшей краской, она

На стене я увидел грубое изображение большой птицы...

резко выделялась на серой стене. Буквы были выцарапаны чем-то острым. Представляете мои ощущения? Я стремглав бросился вон. Я бежал по коридорам. Я с новой силой и надеждой принялся за поиски себе подобного. Не знаю почему, но я был уверен, что найду его, хотя надпись и рисунок могли быть сделаны тысячами лет назад. Очень скоро я ослабел и свалился без памяти, а когда очнулся, то уже не мог найти ту камеру. Меня тянуло туда, но... Впрочем, меня ждало еще одно открытие, более значительное и более странное.

Не помню, как я забрался в низкий длинный тоннель, который привел меня к колодцу, к настоящей бездонной пропасти. Я лежал на краю и с тупым любопытством вглядывался в черную глубину, из которой поднимались волны горячего смрада. Мне казалось, что внизу двигаются огоньки, вспыхивают яркие белые искры. Я устроился поудобнее, раздвинув локти и положив подбородок на кулаки, и вдруг локоть мой погрузился во что-то мягкое. Я с трудом поднялся и посветил. Рядом лежал труп. Точнее, мумия — иссохшее черное тело человека. Оно лежало на самом краю колодца, сжавшись в комок, подтянув колени к голове. Маленький, высохший, обугленный...

Я долго смотрел на него, стараясь сообразить, бред это или действительность. Потом решился и дотронулся дрожащей от слабости рукой до руки мертвеца. Она распалась в пыль, и под кучкой черного праха блеснул металл: это был странный амулет, маленькая тяжелая платиновая статуэтка, трехпалый человечек. Я взял его, аккуратно очистил от пепла и сунул за пазуху. Он мало интересовал меня в тот момент. Я сидел и смотрел на черную мумию и видел свой собственный конец. Я понял, что надеяться мне больше не на что. Я мысленно видел этого маленького человечка, когда он еще был жив, полон сил и настоящего человеческого любопытства, когда он, так же как и я, попытался проникнуть в тайну чужого звездолета. Наверное, это случилось очень давно. Когда? Кто он? Какие образы вставали перед его глазами? Кто не дождался его возвращения?..

О последних днях или часах моего пребывания на звездолете у меня сохранились только очень смутные

воспоминания. Вероятно, уже тогда я был болен. И, возможно, то, что я сейчас расскажу, просто мерещилось мне.

Кажется, я сидел в огромном зале, полном каких-то сложных блестящих машин. Станные ощущения владели мною. Я слышал голоса и громкую, аритмичную музыку. И я чувствовал, что *кто-то* глядит мне в глаза. Не знаю, как объяснить это: я чувствовал взгляд, но я не видел глаз. Не знаю, почему я их не видел: может быть, они были за бесчисленные миллионы километров от меня, а может быть, их и вообще не было... Но взгляд был — внимательный, пристальный, удивленный. Не помню, сколько это продолжалось. Появились Пришельцы и осторожно подняли меня. Я повиновался. Я был ужасно слаб и едва держался на ногах. Меня понесли куда-то. Потом была тьма, невесомость, рев моторов и свежий, знакомый, бесконечно родной ветер Земли на лице.

В этот момент я ненадолго пришел в себя и понял, совершенно инстинктивно понял, что происходит. Я понял, что меня возвращали на Землю. Пришельцы по приказанию Хозяев возвращали на Землю двуногое разумное существо, проникшее к ним без спросу, не взвесившее своих сил и возможностей. И я решил, что всё — мои планы, намерения, — всё, что мне удалось, шло к черту. Я стал отбиваться. Ого, как я отбивался! Я кричал, я умолял вернуть меня на корабль, показать меня Хозяевам... Последнее, что я запомнил, — это рев моторов вертолета, ослепительная вспышка и ощущение сырости и холода.

Дальнейшее известно. Меня подобрали военные, случившиеся неподалеку, отправили в госпиталь. Это я узнал уже позже, когда очнулся и окончательно оправился. Я был без сознания почти полгода. У меня нашли сильное истощение организма, двустороннее воспаление легких, мозговую горячку и еще что-то. Врачи не могли определить эту болезнь. Подозреваю, что я подхватил ее на корабле. Но я выздоровел. Выздоровел и вспомнил, когда мне кое о чем рассказали. Вот и все.

Мои приключения не пропали зря. Говорят, я очень помог Сталинабадской комиссии. Кроме того, я убе-

дился, что меня любит жена, ценят друзья и не понимают машины. Думаю, это знание пригодится мне в дальнейшем... если мне посчастливится снова попасть в конус к Пришельцам. Между прочим, теперь я не расстанусь с консервным ножом. Чертовски полезная вещь! Им, помимо всего прочего, весьма удобно разрезать книги.

Но какая жалость, что это были только машины!

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЗАСЕДАНИЯ
СТАЛИНАБАДСКОЙ КОМИССИИ

...Не приходится сомневаться, что Пришельцы были посланы на Землю с чисто исследовательскими целями. Черные Вертолеты и паукообразные машины либо не были вооружены, либо не пускали оружия в ход. Вообще следует подчеркнуть, что Пришельцы вели себя по отношению к людям чрезвычайно осмотрительно. Случаев ранений или увечий не было. Лозовского высадили на Землю очень осторожно. Реальный ущерб, причиненный Пришельцами, невелик, и неразумно было бы рассматривать похищение нескольких автомобилей, коров и овец как враждебные действия...

Пришельцы наблюдались на Земле три дня: четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого августа 19... года, причем «пауков» видели немногие. Черные Вертолеты появлялись над всеми крупными населенными пунктами в радиусе ста пятидесяти — двухсот километров от посадочной площадки. Один из них был перехвачен нашими самолетами недалеко от афганской границы. На предложение следовать к аэродрому он, конечно, не ответил, и летчики были вынуждены обстрелять его. Они своими глазами видели вспышки бронебойных снарядов на его черном корпусе. Через несколько секунд вертолет вдруг с невероятной быстротой нырнул в сторону и камнем упал в какое-то ущелье, затянутое густыми облаками. Летчики были убеждены, что он разбился, но из записок Лозовского известно, что ему удалось благополучно вернуться к звездолету. Это был единственный случай вооружен-

ного столкновения с Пришельцами, причем огонь открыли люди...

В ночь с четырнадцатого на пятнадцатое на территории Средней Азии и Северного Афганистана на несколько часов перестала действовать радиосвязь. Несомненно, что это следствие ночной деятельности Пришельцев, описанной Лозовским...

По-видимому, паукообразные машины представляют собой так называемые УЛМНП — Универсальные Логические Машины с Неограниченной Программой, то есть кибернетические механизмы, способные в любой ситуации совершать действия, наиболее логичные и целесообразные с точки зрения их основной программы. Гипотеза о возможности создания таких машин была недавно выдвинута Институтом теории информации АН СССР. Многое остается неясным. Непонятно, каким источником энергии они пользуются, какова их принципиальная схема. Непонятно, каким образом удалось сочетать такую сложность и такую мощность с малыми габаритами. О таких совершенных механизмах мы можем пока только мечтать...

Следует отвергнуть мнение, что Хозяева Пришельцев строили паукообразные машины по своему образу и подобию. Исходя из самых общих соображений, а также из того, что эти машины реагируют на человека, следует считать, что Хозяева не очень отличаются от людей...

Обращается внимание на описание Пришельца с глазами. Каково бы ни было назначение этих приспособлений, два черных «глаза» должны быть окрашены в оттенки ультрафиолетового цвета, кажущиеся человеку черными. Вероятно, Хозяева различают только пять цветов, из которых мы, люди, видим только три...

Приходится признать, что создатели звездолета и паукообразных машин сильно обогнали нас в области техники и теории кибернетики...

Рассказ Лозовского приводит нас к представлению об исполинской космической лаборатории, запущенной в межзвездное пространство неведомо кем и неведомо когда. Эта лаборатория необитаема, она снаряжена весьма сложными кибернетическими устройства-

ми с чрезвычайно сложной и подробно разработанной программой. Лаборатория передвигается от звезды к звезде, фиксирует ее физические характеристики и в том случае, если звезда имеет планетную систему, проводит исследование каждой планеты, забрасывая на ее поверхность автоматические разведчики-конусы с паукообразными машинами для сбора материала — проб атмосферы и почвы, образцов флоры, фауны, минералов. Для этого лаборатория становится временным спутником планеты и обращается вокруг нее до тех пор, пока не получены все сведения, запланированные программой. Если планета населена разумными обитателями, захватываются и образцы орудий труда, техники и культуры, но ни в коем случае не берутся сами разумные обитатели. Как машины отличают разумное существо от других видов животных, непонятно. Возможно, некоторый свет на это проливает мнение Лозовского, однако такое мнение неубедительно...

Радиометрическое исследование посадочной площадки Пришельцев не обнаружило никаких признаков повышенной радиоактивности. По-видимому, двигатели звездолета-конуса основаны на другом принципе, нежели ядерный распад или ядерный синтез. В общем, многие признаки говорят о том, что Хозяева используют виды энергии, еще неизвестные земному человечеству...

Наличие силы тяжести в космической лаборатории заставляет предполагать либо собственное вращение лаборатории, либо умение создавать искусственные гравитационные поля...

Тот факт, что звездолет был оснащен такими превосходными машинами, говорит о том, что Пришельцы прибыли издалека, скорее всего с другой планетной системы. На ближайших планетах мы, наверное, смогли бы обнаружить следы цивилизации, способной создать подобные механизмы. Вероятно, Пришельцы были посланы с одной из ближайших звезд, хотя не исключено, что гигантская лаборатория странствует в Космосе тысячелетия или даже десятки тысяч лет и запущена из весьма отдаленного уголка Вселенной. В пользу последнего предположения свидетель-

ствуется изобилие и разнообразие образцов флоры и фауны...

Пока неизвестно, с какого времени космическая лаборатория является спутником Земли и остается ли она спутником Земли в настоящее время. Не исключено, что именно ее обнаружили несколько лет назад астрономы Афинской обсерватории в созвездии Ориона. Почти наверняка его наблюдала Тер-Марукян, молодая сотрудница Симеизской обсерватории. Он представлялся очень слабым объектом девятой звездной величины, был виден всего одну ночь и получил пророческое название — «Черный спутник». Тер-Марукян решила, что это обломок американской ракеты-носителя, взорвавшейся в мае в верхних слоях стратосферы. Данные наблюдений позволили определить, что орбита его сильно вытянута, перигейное расстояние составляет около десяти тысяч, апогейное — миллион километров, период обращения — около сорока суток. Однако на следующую ночь обнаружить его на вычисленной орбите не удалось...

Трудность наблюдения космической лаборатории заключается в том, что она, по-видимому, во-первых, время от времени производит передвижения собственным ходом, во-вторых, окрашена в серый или черный цвет. Вдобавок материал, из которого сделана ее оболочка (как и оболочка разведчика-конуса), несомненно поглощает радиоволны, что очень затрудняет наблюдение ее средствами радиоастрономии и радиолокации...

Не выяснено, почему в корабле существует атмосфера, состоящая в значительной степени из воздуха. Она спасла Лозовского, но механическим Пришельцам она, очевидно, не нужна. Может быть, возможность появления на борту разумного существа была предусмотрена программой кибернетического «мозга», который управляет лабораторией?..

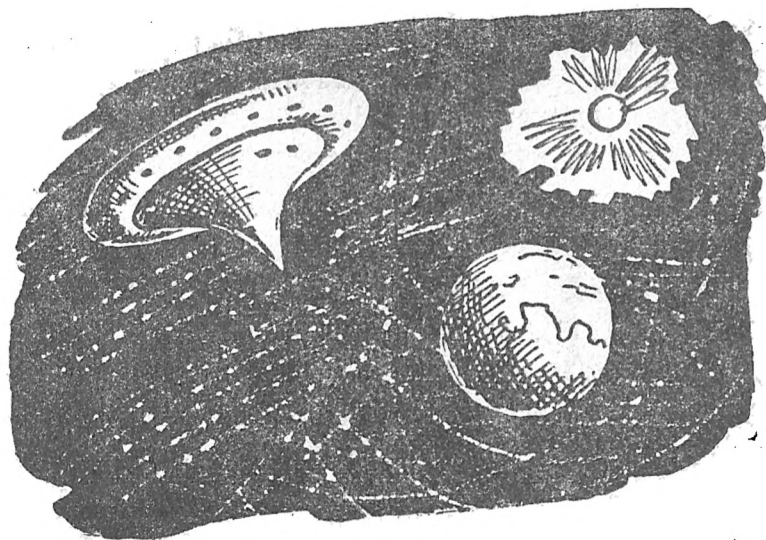
Чье тело нашел Лозовский в лаборатории? Как, когда и откуда попал в лабораторию человек с амулетом? Когда и где взяты странные существа, населяющие «зверинец»? Для чего они нужны Пришельцам? Куда направит путь лаборатория, покинув Землю (если она еще обращается вокруг Земли)? Не является ли она остроумно устроенным разведчиком, космическим

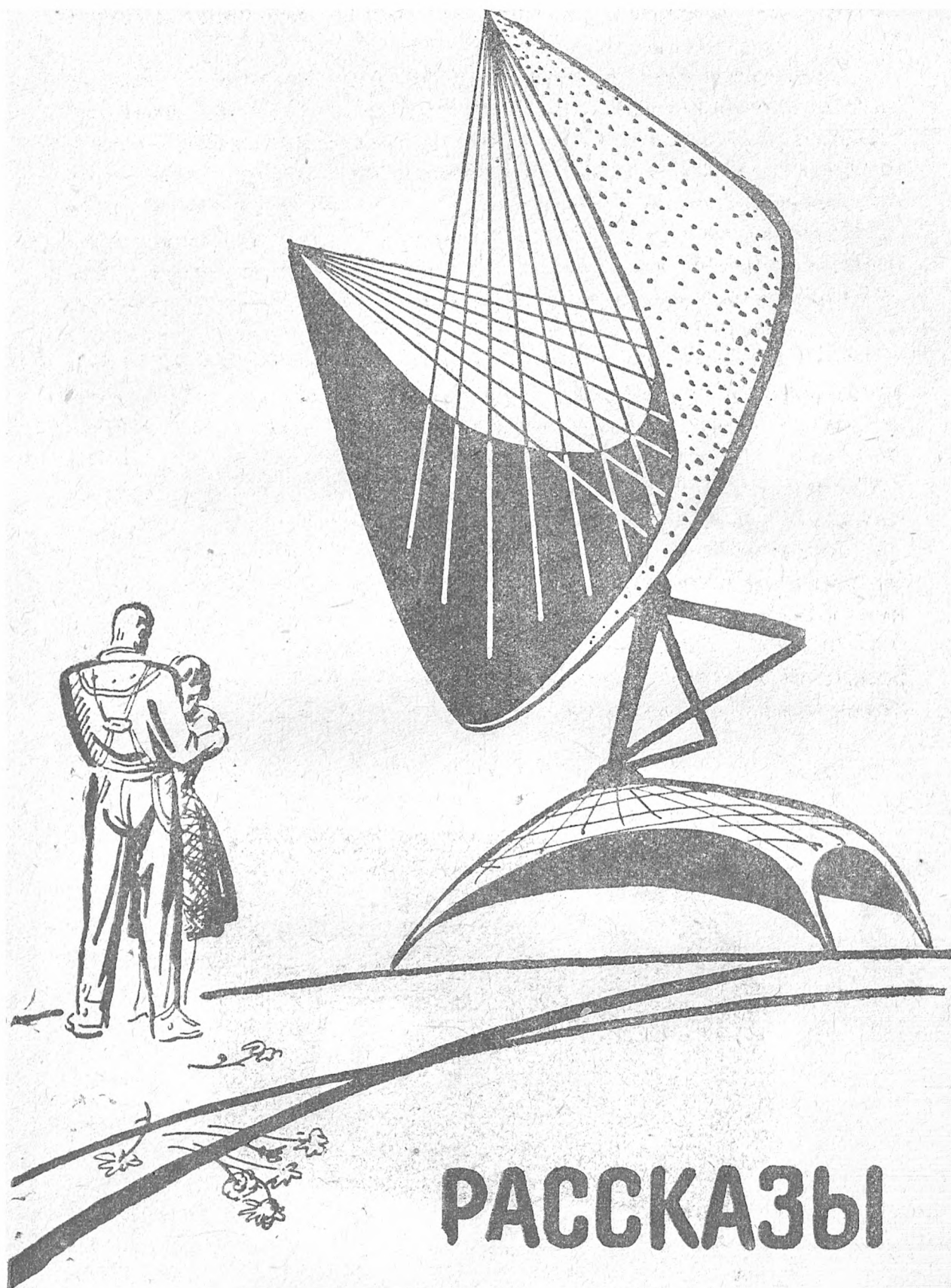
лѳтом, за которым последует визит Разума Другого Мира?..

Представляют интерес последние видения Лозовского, которые сам он считает бредом. Принимая во внимание исполинский уровень техники звездолета и паукообразных машин, комиссия не считает совершенно невероятным наличие у Хозяев Пришельцев средств коммуникации, принципы которых нам пока неизвестны. И, возможно, именно благодаря этому Разумные Хозяева Пришельцев открыли местопребывание Лозовского на корабле и вернули его на Землю...

На основании вышеизложенного Сталинабадская комиссия настоятельно рекомендует всем астрономическим обсерваториям мира и прежде всего обсерватории СССР немедленно организовать регулярные поиски неизвестного спутника Земли патрульными оптическими и радиоастрономическими средствами...

Героическая попытка Лозовского договориться с машинами в отсутствие их Хозяев была, конечно, заранее обречена на провал. Но он сделал громадное дело: он узнал и рассказал. Несомненно, это был большой подвиг, достойный советского ученого, представителя Человечества с большой буквы...

ГЛУБОКИЙ ПОИСК

Кабина была рассчитана на одного человека, и сейчас в ней было слишком тесно. Акико сидела справа от Званцева, на чехле ультразвукового локатора. Чтобы не мешать, она прижималась к стене, упираясь ногами в основание пульта. Конечно, ей было неудобно сидеть так, но кресло перед пультом — место водителя. Белову было тоже неудобно. Он сидел на корточках под люком и время от времени осторожно вытягивал затекшие ноги, поочередно то

правую, то левую. Вытягивая правую, он толкал Акико в спину, вздыхал и басом извинялся по-английски: «Beg your pardon». Белов и Акико были стажерами. Океанологи-стажеры должны мириться с неудобствами в одноместных субмаринах Океанской охраны.

Если не считать вздохов Белова и привычного гула перегретого пара в реакторе турбины, в кабине было тихо. Тесно, тихо и темно. Изредка о спектролит иллюминатора стукались креветки и испуганно выбрасывали облачка светящейся слизи. Это было похоже на маленькие бесшумные розовые взрывы. Словно кто-то стрелял крошечными снарядами. При вспышках можно было видеть серьезное лицо Акико с блестящими глазами.

Акико глядела на экран. Она с самого начала прижалась боком к стене и стала смотреть, хотя знала, что искать придется долго, может быть всю ночь. Экран находился под иллюминатором в центре пульта, и, чтобы видеть его, ей нужно было вытягивать шею. Но она глядела не отрываясь и молчала. Это был ее первый глубоководный поиск.

Акико была чемпионом по плаванию в вольном стиле. У нее были узкие бедра и широкие мужские плечи. Званцеву нравилось видеть ее, и ему хотелось под каким-нибудь предлогом включить свет. Например, чтобы в последний раз перед спуском осмотреть замок люка. Но Званцев не стал включать свет. Он и так помнил Акико: тонкая и угловатая, как подросток, с широкими мужскими плечами, в полотняной куртке с засученными рукавами и в широких коротких штанах.

На экране возник жирный светлый сигнал. Плечо Акико прижалось к плечу Званцева. Он почувствовал, как она вытягивает шею, чтобы лучше разглядеть, что делается на экране. Он почувствовал это по запаху духов и, кроме того, ощутил едва заметный запах океанской воды. От Акико всегда пахло океанской водой: как-никак, она проводила в воде две трети своего времени, не меньше.

Званцев сказал:

— Акулы. Четыреста метров.

Сигнал задрожал, распался на мелкие пятна и исчез. Акико отодвинулась. Она еще не умела читать

сигналы ультразвукового локатора. Белов умел, так как уже прошел годичную практику на «Кунашире», но он сидел позади и не видел экрана. Он сказал:

— Акулы — мерзость.

Затем он неловко зашевелился и снова пробасил:

— Beg your pardon, Акико-сан.

Говорить по-английски не было никакой необходимости, потому что Акико пять лет училась в Хабаровске и прекрасно понимала по-русски.

— Тебе не следовало так плотно наедаться перед спуском, — сердито сказал Званцев. — И не следовало пить. Ты ведь знаешь, что бывает.

— Всего-навсего жареная утка на двоих и по две рюмки коньяку, — ответил Белов. — Я не мог отказаться. Мы с ним сто лет не виделись, и он улетает сегодня ночью. Он уже улетел, наверное. Всего по две рюмки... Неужели пахнет?

— Пахнет.

«Это скверно», — подумал Белов. Он вытянул нижнюю губу, подул тихонько и потянул носом.

— Я слышу только духи, — сказал он.

«Дурак!» — подумал Званцев. Акико виновато сказала:

— Я не знала, что это так серьезно. Я бы не душилась.

— Духи — не страшно, — сообщил Белов. — Даже приятно.

«Патентованный дурень!» — подумал Званцев. Белов шевельнулся, стукнулся макушкой о замок люка и зашипел от боли.

— Что? — спросил Званцев.

Белов вздохнул, сел по-турецки и поднял руку, ощупывая замок над головой. Замок был холодный, с острыми грубыми углами. Он прижимал к люку тяжелую крышку. Над крышкой была вода. Сто метров воды до поверхности.

— Званцев, — сказал Белов.

— Да?

— Слушай, Званцев, почему мы идем под водой? Давай всплывем и откроем люк. Свежий воздух и все такое.

— Наверху пять баллов... — ответил Званцев.

«Да-да, — сообразил Белов, — пять баллов. На поверхности болтанка, открытый люк зальет водой. Но все равно, сто метров над головой — это неудобно. Скоро начнется спуск, и будет двести метров, триста, пятьсот. Может быть, будет километр или даже три километра... Зря я напросился, — подумал Белов. — Нужно было остаться на «Кунашире» и писать книгу».

Еще одна креветка стукнулась в иллюминатор. Словно крошечный розовый взрыв. Белов уставился в темноту, где на миг появился силуэт стриженной головы Званцева.

Званцеву, разумеется, такие мысли и в голову не приходят. Званцев совсем другой, не такой, как многие. Во-первых, он опытный глубоководник. Во-вторых, у него железные нервы. Такие же железные, как проклятый замок. В-третьих, ему наплевать на неизведанные тайны глубин. Он погружен в методы точного подсчета китового поголовья и в вариации содержания протеина на гектар планктонного поля. Его заботит хищник, который зарезал молодых китов. Шестнадцать молодых китов за квартал, и все как на подбор, самые лучшие! Чуть ли не гордость тихоокеанских китоводов.

— Званцев!

— Да?

— Не сердись.

— Я не сержусь, — сердито сказал Званцев. — С чего ты взял?

— Мне показалось, что ты сердишься... Когда мы начнем спуск?

— Скоро начнем.

Пок... Пок-пок-пок-пок... Целая стайка креветок. Совсем как новогодняя пиротехника. Белов судорожно зевнул и торопливо захлопнул рот. Вот что он сделает: будет все время держать рот закрытым. Но он и минуты не выдержал.

— Акико-сан, how do you feel? Как самочувствие?

— Хорошо, спасибо, — вежливо ответила Акико.

По голосу было понятно, что она не обернулась.

Тоже сердится, решил Белов. Это потому, что она втрескалась в Званцева. Званцев сердится — и она тоже. Она смотрит на Званцева снизу вверх и называет

его не иначе, как «господин субмарин-мастер». Очень уважает его, прямо-таки благоговееет. Да, она втрескалась в него по уши, это всем ясно. Ясно, наверное, даже Званцеву. Только ей самой еще не ясно. Бедняжка, ей очень не повезло. Человек с железными нервами, чугунными мускулами и медным лицом. Монументальный человек этот Званцев. Человек-будда.

В два часа ночи Званцев включил свет и достал карту. Субмарина висела над центром впадины, в восьмидесяти милях к юго-западу от дрейфующего «Кунашира». Званцев рассеянно чиркнул по карте ногтем и объявил:

— Начнем спуск.

— Наконец-то! — проворчал Белов.

— Господин субмарин-мастер, — сказала Акико. — «Орига» будет спускаться по вертикали?

Субмарина Званцева называлась «Ольга», а не «Орига». Акико иногда не выговаривала букву «л». Званцев ни разу не встречал японца, который выговаривал бы «л» всегда правильно.

— «Ольга» не батискаф, — сухо сказал Званцев. — Мы будем спускаться по спирали.

Он и сам не знал, почему он сказал это сухо. Может быть, потому, что снова увидел Акико. Он думал, что хорошо помнит ее, но оказалось, что за несколько часов в темноте он наделил ее черточками других женщин, совершенно не похожих на нее. Женщин, которые нравились ему раньше, товарищей по работе, актрис из разных фильмов. При свете эти черточки исчезли, и она показалась ему тоньше, угловатее, смуглее, чем он представлял себе. Она была похожа на мальчишку-подростка. Она смиренно сидела рядом с ним, опустив глаза, положив руки на голые колени.

«Странно, — подумал он, — я никогда не замечал раньше, чтобы от нее пахло духами».

Званцев включил свет и повел субмарину в глубину. Нос ее сильно наклонился, и Белов уперся коленями в спинку кресла Званцева. Теперь через плечо Званцева он видел светящиеся циферблаты и экран ультразвукового локатора в верхней части пульта. На экране вспыхивали и пропадали дрожащие искры: версятно, сигналы от глубоководных рыб, еще слишком

далеких, чтобы их можно было опознать. Белов перевел глаза на циферблаты, отыскивая батиметр — указатель глубины. Батиметр был крайним слева. Красная стрелка медленно подползала к отметке «200». Потом она так же медленно будет ползти к отметке «300», потом «400»... Под субмариной — трехкилометровая пропасть, и подводный кораблик этот — крошечная соринка в невообразимо огромной массе воды.

Белов вдруг почувствовал, будто что-то мешает ему дышать. Темнота в кабине сделалась плотной и безжалостной, как холодная соленая вода за стенами субмарины. «Начинается!» — подумал Белов. Он вобрал в себя воздух и задержал его в легких. Затем зажмурил глаза, вцепился обеими руками в спинку кресла и принялся считать про себя. Когда перед зажмуренными глазами поплыли цветные пятна, он шумно выдохнул воздух и провел ладонью по лбу. Ладонь стала мокрой.

Красная стрелка миновала отметку «200». Это выглядело красиво и зловеще: красная стрелка и зеленые цифры в настороженной тьме. Рубиновая стрелка и изумрудные цифры: 200, 300... 1000... 3000.... «Боже мой, почему все-таки я океанолог? Почему не металлург или не садовник? Ужасная глупость! На каждые сто человек только один подвержен глубинной болезни. И вот этот один — океанолог, потому что ему нравится заниматься головоногими. Он просто без ума от головоногих. Цефалоподы, будь они неладны! Почему я не занимаюсь чем-нибудь другим? Скажем, кроликами. Или дождевыми червями. Жирные дождевые черви в мокрой земле под горячим солнцем. И нет ни темноты, ни ужаса перед соленой трясинной. Только земля и солнце».

Белов громко позвал:

— Званцев!

— Да?

— Слушай, Званцев, ты бы хотел заниматься дождевыми червями?

Званцев нагнулся и пошарил в темноте. Что-то звонко щелкнуло, и в лицо Белова ударила струя ледяного кислорода. Он жадно подышал, зевая и захлебываясь.

— Довольно, — сказал он. — Спасибо.

Званцев отключил кислород. Ему было, конечно,

наплевать на дождевых червей. Красная стрелка проползла отметку «300». Белов снова позвал:

— Званцев!

— Да?

— Ты все-таки твердо уверен, что это кальмар?

— Что — кальмар?

— Что это кальмар зарезал китов?

— Скорее всего, кальмар.

— А может быть, это касатки?

— Может быть...

— Или кашалот?

— Может быть, кашалот. Хотя кашалот нападает обычно на маток. В стаде было много маток. А касатки нападают на одиночек.

— Нет, это ика, — сказала Акико тонким голосом. — Оо-ика.

Оо-ика — это гигантский глубоководный кальмар. Он свиреп и стремителен, как молния. У него мощное туловище в роговом панцире, десять цепких «рук» и жесткие умные глаза. Он бросается на кита снизу и мигом вгрызается в его внутренности. Затем он медленно опускается с китовой тушей на дно. И ни одна акула, даже самая голодная, не смеет приблизиться к нему. Он зарывается в ил и пирует на свободе. Если его настигает субмарина Океанской охраны, он не отступает. Он принимает бой, и акулы собираются, чтобы подхватить клочья мяса. Мясо гигантского кальмара тугое, как резина, но акулам это безразлично.

— Да, — согласился Белов, — наверное, это кальмар.

— Скорее всего, кальмар, — сказал Званцев.

Все равно, кальмар это или не кальмар, подумал он. В таких вот впадинах могут хозяйничать и не такие твари, как кальмары. Их нужно найти и уничтожить, не то покоя от них не будет, раз они уже попробовали китового мяса. Потом он подумал, что если встретится действительно что-нибудь неизвестное, то стажеры обязательно повиснут у него на плечах и будут требовать, чтобы он «дал им разобраться». Стажеры всегда путают сторожевые подлодки с исследовательским батискафом.

Четыреста метров...

В кабине было очень душно. Ионизаторы не справлялись. Званцев слышал, как тяжело дышит Белов за его спиной. Зато Акико совсем не было слышно, можно было подумать, что ее здесь нет. Званцев подал в кабину еще немного кислорода. Потом он взглянул на компас. Субмарину разворачивало поперек курса сильным подводным течением.

— Белов, — сказал Званцев, — отметь: теплая струя, глубина четыреста сорок, направление зюйд-зюйд-вест, скорость два метра в секунду.

Белов скрипнул рычажком диктофона и что-то пробормотал слабым голосом.

— Настоящий подводный Гольфстрим, — сказал Званцев. — Маленький Гольфстрим.

— Температура? — спросил Белов слабым голосом.

— Двадцать четыре.

Акико робко заметила:

— Странная температура. Необычная...

— Если где-нибудь под нами вулкан, — простонал Белов, — это будет интересно. Вы не пробовали ухи из кальмаров, Акико-сан? Вот я...

— Внимание! — перебил его Званцев. — Сейчас я буду выводить «Ольгу» из течения. Держитесь за что-нибудь.

— Легко сказать! — проворчал Белов.

— Хорошо, господин субмарин-мастер, — сказала Акико.

«Можете держаться за меня», — хотел предложить ей Званцев, но постеснялся. Он круто положил субмарину на левый борт и бросил ее вниз почти отвесно. «О-ух!» — вырвалось у Белова, и он уронил диктофон Званцеву на затылок. Потом Званцев почувствовал, что в его плечо вцепились пальцы Акико, вцепились и соскальзывали. Руки Званцева были заняты на пульте управления.

— Обнимите меня за плечи, — приказал он сквозь зубы.

В этот миг пальцы ее сорвались, и она чуть не упала лицом на край пульта. Он едва успел подставить руку, и она ударилась лицом о его локоть.

— Извините! — виновато сказала она.

— Ох, тише, — простонал Белов. — Тише ты, Званцев!

Ощущение было такое, словно проваливаешься в бездну на стратоплане, когда он идет на посадку. Званцев снял с пульта правую руку, пошарил направо от себя и нащупал пушистые волосы Акико.

— Вы ушиблись? — спросил он.

— Нет, спасибо...

Он нагнулся и подхватил ее под мышки.

— Спасибо, — повторила она. — Спасибо... Я сама.

Он отпустил ее и взглянул на батиметр. Шестьсот пятьдесят... шестьсот пятьдесят пять... шестьсот шестьдесят.

— Тише же, Званцев! — взмолился Белов сдавленным голосом. — Хватит же!!

Шестьсот восемьдесят метров. Званцев перевел субмарину в горизонталь. Белов громко икнул и отвалился от спинки кресла.

— Все! — объявил Званцев и включил свет.

Акико прикрывала нос ладонью, по щекам ее текли слезы.

— Искры из глаз... — проговорила она, с трудом улыбаясь.

— Простите, Акико-сан, — сказал Званцев.

Он чувствовал себя виноватым. В таком крутом пиике не было никакой необходимости. Просто ему надоел бесконечный спуск по спирали. Он вытер пот со лба и оглянулся. Белов сидел скорчившись и прижимал ко рту смятую рубашку. Лицо у него было мокрое и серое, глаза красные.

— Ужин! — сказал Званцев. — Запомни, Белов!

— Запомню... Дай еще кислорода...

— Не дам. Отравишься.

Званцеву хотелось сказать еще несколько слов о коньяке, но он сдержался и выключил свет. Субмарина снова пошла по спирали, и все долго молчали, даже Белов. Семьсот метров, семьсот пятьдесят, восемьсот...

— Вот он! — пршептала Акико.

Через экран неторопливо двигалось узкое туманное пятно. Животное было еще слишком далеко, и определить, что оно собой представляет, было пока невозможно. Это мог быть кальмар, кашалот, кит-одинец

или крупная китовая акула, а может быть, какое-нибудь неизвестное животное. В глубине еще много животных, неизвестных или малоизвестных человеку. Океанская охрана имела сведения об исполинских длинношеих и длиннохвостых черепахах, о драконах, о глубоководных пауках, гнездящихся в пропастях к югу от Бонин, об океанском «гнусе» — маленьких хищных рыбках, многотысячными стаями идущих на глубине полутора-двух километров и истребляющих все на своем пути. Проверить эти слухи пока не было ни возможности, ни особой необходимости.

Званцев тихонько поворачивал субмарину, чтобы не упускать животное из поля зрения.

— Давай поближе к нему, — попросил Белов. — Подойди ближе!

Он шумно дышал в ухо Званцеву. Субмарина медленно пошла на сближение. Званцев протянул руку и щелкнул переключателем, и на экране вспыхнули две светлые перекрещивающиеся нити. Узкое пятно плыло возле перекрестия.

— погоди, — сказал Белов. — Не торопись, Званцев.

Званцев рассердился. Он нагнулся, нашарил под ногами диктофон и ткнул его через плечо в темноту.

— В чем дело? — недовольно спросил Белов.

— Диктофон! — сказал Званцев. — Отметь: глубина восемьсот, обнаружили цель.

— Успеем.

— Дайте мне, — сказала Акико.

— Beg your pardon. — Белов кашлянул. — Званцев! Не вздумай стрелять в него, Званцев. Сначала нужно посмотреть.

— Смотри...

Расстояние между субмариной и животным сокращалось. Теперь было ясно, что это гигантский кальмар. Если бы не стажеры, Званцев не стал бы медлить. Работник Океанской охраны не имеет права медлить. Ни одно морское животное не причиняло китоводству такой ущерб, как гигантский кальмар. Он подлежал немедленному уничтожению при встрече с любой субмариной. Его сигнал вводился в перекрестие нитей на экране, затем субмарина посылая торпеды. Две тор-

педы. Иногда, для верности, три. Торпеды мчались к цели по ультразвуковому лучу и взрывались рядом с целью. И на гром взрывов со всех сторон слетались акулы.

Званцев с сожалением снял палец со спускового рычажка торпедного аппарата.

— Смотри! — повторил он.

Но смотреть пока было не на что. Граница ясного зрения в самой чистой океанской воде не превышала двадцати пяти — тридцати метров, и только ультразвуковой локатор позволял обнаруживать цели на расстояниях до полукилометра.

— Скорее бы! — возбужденно сказал Белов.

— Не торопись.

Субмарины-малютки Океанской охраны предназначены для охраны планктонных посевов от китов и для охраны китов от морских хищников. Субмарины не предназначены для исследовательских целей. Они слишком шумны. Если кальмар не захочет познакомиться с подлодкой поближе, он уйдет прежде, чем можно будет включить прожектора и разглядеть его. Преследовать бесполезно: гигантские головоногие способны развивать скорость втрое большую, чем скорость самой быстроходной субмарины. Званцев надеялся только на удивительное бесстрашие и жестокость кальмара, которые иногда толкают его на схватку со свирепыми кашалотами и стаями касаток.

— Осторожно, осторожно, — повторял Белов нежно и просительно.

— Дать кислород? — спросил Званцев свирепо.

Акико тихонько тронула его за плечо. Она уже несколько минут стояла, согнувшись над экраном, и ее волосы щекотали ухо и щеку Званцева.

— Ика видит нас, — сказала она.

Белов крикнул:

— Не стреляй!

Пятно на экране — теперь оно было большим и почти круглым — довольно быстро двинулось вниз. Званцев улыбнулся, довольный. Кальмар выходил под субмарину в позицию для нападения. Кальмар и не думал убегать. Он сам навязывал бой.

— Не отпускай его, — шепнул Белов.

Акико тоже сказала:

— Ика уходит.

Стажеры еще не понимали, в чем дело. Званцев стал опускать нос субмарины. След кальмара снова всплыл в перекрестии нитей. Стоило только нажать на спуск, и от гадины полетели бы клочья.

— Не стреляй, — повторял Белов. — Только не стреляй! Будем наблюдать...

«Интересно, куда девалась его глубинная болезнь?» — подумал Званцев. Он сказал:

— Кальмар сейчас будет под нами. Я поставлю субмарину на нос. Будьте готовы.

— Хорошо, господин субмарин-мастер, — сказала Акико.

Белов, не говоря ни слова, принялся деятельно вращаться, устраиваясь поудобнее. «Ольга» медленно переворачивалась. Сигнал на экране увеличивался и принимал очертания многоконечной звезды с мерцающими лучами. Субмарина неподвижно повисла носом вниз.

Видимо, кальмар был озадачен странным поведением предполагаемой жертвы. Но он колебался всего несколько секунд. Затем он двинулся в атаку, стремительно и уверенно, как делал, наверное, тысячи раз в своей невообразимо долгой жизни.

Сигнал расплылся и заполнил весь экран.

— Даю свет, — сказал Званцев.

Он включил сразу все прожектора: два по сторонам люка и один под днищем. Свет был очень ярким. Прозрачная вода казалась желтовато-зеленой. Акико коротко вздохнула. Званцев покосился на нее. Она сидела на корточках над иллюминатором, держась рукой за край пульта. Из-под руки торчало голое поцарапанное колено.

— Смотрите! — хрипло завопил Белов. — Смотрите, вот он!

Сначала светящаяся мгла за иллюминатором была неподвижной. Затем какие-то тени зашевелились в ней. Мелькнуло что-то длинное и гибкое, и через секунду они увидели кальмара. Вернее, они увидели широкое бледное тело, два жестких равнодушных глаза в нижней его части, а под глазами, словно чудовищные усы,

два пучка толстых шевелящихся щупалец-рук. Все это в одно мгновение надвинулось на иллюминатор и заслонило свет прожектора. Субмарину сильно качнуло, что-то противно, как ножом по стеклу, заскрежетало по обшивке.

— Вот так! — сказал Званцев. — Насладились?

— Какой огромный! — с благоговением произнес Белов. — Акико-сан, вы заметили, какой он огромный?

— Оо-ика, — сказала Акико.

— Пожилой, заслуженный субъект, — подтвердил Званцев.

Белов сказал:

— Никогда не встречал упоминания о таких крупных экземплярах. Я оцениваю его межглазное расстояние в два с лишним метра. Как ты думаешь, Званцев?

— Около того...

— А вы, Акико-сан?

— Полтора-два метра, — ответила Акико помолчав.

— Что в обычных пропорциях дает... — Белов пошептал, загибая пальцы. — Дает длину туловища по меньшей мере метров пятнадцать, а вес...

— Слушайте, — перебил их Званцев. — Что делать дальше?

Акико заглянула в желто-зеленую мглу за иллюминатором, выпрямилась и расправила плечи, закинув назад голову. Потом она перехватила взгляд Званцева, ссутулилась и смущенно прошептала:

— Извините, господин субмарин-мастер...

Белов сказал:

— Надо как-то оторваться от него и сфотографировать целиком.

Субмарину снова качнуло, и снова послышался отвратительный скрип роговых челюстей о металл.

— Это тебе не кит, голубчик, — злорадно пробормотал Званцев.

Потом он подумал и сказал:

— Можно попробовать кое-что. Добровольно он от нас теперь не отстанет и будет ползать по субмарине часа два, не меньше. Я попробую рывком освободиться от него, стряхнуть его, — понимаете? — и тогда он по-

падет под струю кипятка из турбин. Мы быстро развернемся, сфотографируем и расстреляем его. Хорошо?

Субмарина раскачивалась все сильнее. Видимо, кальмар расвирепел и пытался согнуть ее пополам. На несколько секунд в иллюминаторе показалась одна из его «рук» — лиловая кишка толщиной в телеграфный столб, усаженная шевелящимися присосками.

— Какой огромный! — повторил Белов. — Слушай, Званцев, а нельзя ли вместе с ним всплыть?

Званцев запрокинул лицо и, прищурившись, поглядел на Белова снизу вверх.

— На поверхность? — переспросил он. — Пожалуйста... Сейчас он не отцепится от нас. Сколько, ты говоришь, он может весить?

— Тонн семьдесят, — сказал Белов неуверенно.

Званцев свистнул и снова повернулся к пульту.

— Но это на воздухе, — поспешно добавил Белов, — а в воде...

— Все равно, не меньше десятка тонн. «Ольга» не вытянет. Готовьтесь, будем переворачиваться.

Азико покорно опустилась на корточки, не спуская глаз с иллюминатора. Она очень боялась пропустить что-нибудь интересное.

Если бы не стажеры, особенно Белов, можно было давно уже прикончить этого гада и приняться искать его родственников. Званцев не сомневался, что где-то на дне впадины скрываются дети, внуки и правнуки чудовища — будущие, а может быть, и уже действующие пираты на новых трассах миграций китов.

«Ольга» вернулась в горизонтальное положение.

— Духота... — проворчал Белов.

— Держитесь крепче, — предупредил Званцев. — Готовы? Вперед!

Он до отказа повернул рукоятку скорости. Полный ход, тридцать узлов! Пронзительно взвыли турбины. Позади что-то стукнуло, донесся неясный вопль. «Бедный Белов», — подумал Званцев.

Он сбросил скорость и завертел штурвальчик рулевого управления. Субмарина описала полукруг и вернулась к кальмару.

— Теперь смотрите, — сказал Званцев.

Кальмар висел в двадцати метрах перед носом субмарины, бледный, странно плоский, с обвисшими скрюченными щупальцами и обвисшим туловищем. Он был похож на паука, которого прижгли спичкой. Глаза его были задумчиво скошены вниз и вбок, словно он размышлял над чем-то. Званцев никогда прежде не видел живого кальмара так близко и разглядывал его с любопытством и отвращением. Это был действительно необычайно крупный экземпляр. Может быть, один из самых крупных в мире. Но в эту минуту ничто в нем не позволяло предположить могучего и страшного хищника. Званцеву почему-то вспомнились кучи размякших китовых внутренностей в огромных отмо-чечных чанах на китобойном комбинате в Петропавловске.

Прошло несколько минут. Белов лежал животом на плечах Званцева и трещал кинокамерой. Акико что-то бормотала в диктофон (кажется, по-японски), не сводя глаз с кальмара. У Званцева заныла шея, к тому же он боялся, что кальмар очнется и удерет или снова бросится на субмарину, и тогда все нужно будет начинать сначала.

— Вы еще не скоро? — осведомился Званцев.

— Очень... — ответил Белов сипло и невпопад.

Кальмар приходил в себя. По его лапам прошла зыбкая судорога. Громадные, величиной с футбольный мяч, глаза повернулись, словно шарниры в гнездах, и уставились на свет прожекторов. Потом лапы вытянулись в струнку, снова сжались, и бледно-лиловая кожа налилась темным цветом. Втиснутое в серый панцирь тело поднялось в уровень с головой. Кальмар был ошпарен, оглушен, но он готовился к новому прыжку. Кальмар не отступал.

— Ну? — спросил Званцев нетерпеливо.

— Ладно, — недовольно сказал Белов. — Можешь.

— Слезай с меня, — сказал Званцев.

Белов слез и положил подбородок на правое плечо Званцева. По-видимому, он уже забыл о глубинной болезни. Званцев взглянул на экран, затем положил палец на спусковой крючок.

— Ближе слишком, — пробормотал он. — Ну ничего. Выстрел!

Субмарина вздрогнула.

— Выстрел!

Субмарина вздрогнула еще раз. Кальмар медленно раскрывал лапы, когда под его глазами одна за другой взорвались две противокашалотные торпеды. Две вспышки и два громовых раската: «Бомбр-р-р! Бомбр-р-р!» Кальмара затянуло черным облаком, а затем субмарину бросило на хвост, она опрокинулась на левый борт и принялась танцевать на месте.

Когда волнение прекратилось, прожектора осветили буро-серую колышущуюся массу, из которой в пучину вываливались, крутясь, бесформенные дымящиеся лохмотья. Некоторые еще извивались и дергались в лучах света, отбрасывая в желто-зеленую толщу пыльные тени, и исчезали во мраке. А на экране локатора уже появились один за другим четыре, пять, семь сигналов, нетерпеливых и выжидающих.

— Акулы, — сказал Званцев. — Тут как тут.

— Акулы мерзость, — хрипло сказал Белов. — Вот кальмара... жалко... Такой экземпляр! Варвар ты, Званцев...

Званцев с трудом промолчал и включил свет. Акико сидела, прислонившись к стене, склонив голову на плечо. Глаза ее были закрыты, рот полуоткрыт. Лоб, щеки, шея, голые руки и ноги лоснились от пота. Диктофон лежал под ногами. Званцев подобрал его. Акико открыла глаза и смущенно улыбнулась.

— Сейчас будем возвращаться, — сказал Званцев.

Он подумал: завтра ночью перебыю остальных.

— Очень душно, господин субмарин-мастер, — сказала Акико.

— Еще бы, — сердито бросил Званцев. — Ароматы... И коньяк, и духи...

Акико опустила голову.

— Ну ничего, — сказал Званцев. — Сейчас будем возвращаться. Белов!

Белов не ответил. Званцев обернулся и увидел, что Белов поднял руки и ощупывает пазы люка.

— Что ты делаешь, Белов? — спросил Званцев.

Белов повернул к нему серое лицо и сказал:

— Душно здесь. Надо открыть.

Званцев ударил его кулаком в грудь, и он упал

Белов поднял руки и ощупывал пазы люка.

навзничь, запрокинув острый кадык. Званцев торопливо отвернул кислородный кран, затем поднялся и, перегнувшись через Белова, осмотрел замок. Замок был в порядке. Затем Званцев ткнул Белова пальцем под ребро. Акико следила за ним блестящими глазами.

— Господин Белов? — спросила она.

— Слишком плотный ужин, — сердито сказал Званцев. — И глубинная болезнь в придачу.

Белов вздохнул и сел. Глаза у него были сонные, он пощурился на Званцева, на Акико и сказал:

— Что случилось, друзья мои?

— Ты чуть не утопил нас, дурак.

Званцев поднял нос субмарины вертикально и начал подъем. Было четыре часа утра. Должно быть, «Кунашир» уже вышел к точке randevu. Дышать в кабине было нечем. Ничего, скоро все кончится. Когда в кабине включен свет, стрелка батиметра кажется розовой, а цифры — белыми. Шестьсот метров, пятьсот восемьдесят, пятьсот пятьдесят...

— Господин субмарин-мастер, — сказала Акико, — можно спросить?

— Можно...

— Ведь это удача, что мы так скоро нашли ика?

— Мы его не нашли. Это он нас нашел. Он, наверное, километров десять за нами тащился, присматривался. Кальмары всегда так.

— Званцев, — простонал Белов. — Нельзя ли поскорее?

— Нельзя, — сказал Званцев. — Терпи.

«Почему ему ничего не делается? — подумал Белов. — Может быть, он действительно железный? Или это привычка? Господи, только бы увидеть небо! Только бы увидеть небо, и я никогда больше не пойду в глубоководный поиск. Только бы удались фото. Я устал. А вот он совершенно не устал. Он сидит чуть ли не вверх ногами, и ему ничего не делается. А у меня от одного взгляда на то, как он сидит, тошнота».

Триста метров...

— Званцев, — снова сказал Белов. — Что ты будешь делать завтра?

Званцев ответил:

— К «Кунаширу» придут Хен Чоль и Вальцев со

своими субмаринами. Завтра вечером мы прочедем впадину и перебьем остальных.

Завтра вечером он снова спустится в эту могилу. И он говорит это спокойно и с удовольствием!

— Акико-сан!

— Да, господин Белов?

— Что вы завтра делаете?

Званцев взглянул на батиметр. Двести метров. Акико вздохнула.

— Не знаю, — сказала она.

Они замолчали. Они молчали до тех пор, пока субмарина не всплыла на поверхность. Субмарина качалась на легкой волне.

— Открой люк, — сказал Званцев.

Белов поднял руки, передвинул защелки замка и толкнул крышку вверх.

Погода изменилась. Ветра больше не было, туч тоже не было. Звезды были маленькие и яркие, в небе висел огрызок луны. Океан лениво гнал небольшие светящиеся волны. Волны плескались у башни люка.

Белов первым выкарабкался наружу, за ним вылезли Акико и Званцев. Белов сказал:

— Как хорошо!

Акико тоже сказала:

— Хорошо.

Званцев тоже подтвердил, что хорошо, и добавил, подумав:

— Просто замечательно!

— Разрешите, я искупаюсь, господин субмарин-мастер, — сказала Акико.

— Купайтесь, пожалуйста, — вежливо разрешил Званцев и отвернулся.

Акико разделась, сложила одежду на край люка и потрогала ногой воду. Красный купальник на ней казался черным, а ноги и руки — неестественно белыми. Она подняла руки и бесшумно соскользнула в воду.

— Пойду-ка я тоже, — сказал Белов.

Он тоже разделся и сполз в воду. Вода была теплая. Белов обогнул «Ольгу», подплыл к корме и сказал:

— Замечательно!

Затем он вспомнил лиловое щупальце толщиной в телеграфный столб и поспешно вскарабкался на суб-

марину. Подойдя к люку, на котором сидел и курил Званцев, он сказал:

— Вода теплая, как парное молоко. Дай сигарету.

Званцев дал ему сигарету, и они сидели и молча курили, пока Акико плескалась в воде. Голова ее черным пятном качалась на фоне светящихся волн.

— Завтра мы перебьем их всех, — сказал Званцев. — Всех, сколько их там осталось. Нужно торопиться. Киты пойдут над впадиной через неделю.

Белов, вздохнув, щелчком отбросил окурок. Акико подплыла и ухватилась за край люка.

— Господин субмарин-мастер, можно завтра я опять с вами? — спросила она с отчаянной смелостью.

Званцев ответил медленно:

— Конечно, можно.

— Спасибо, господин субмарин-мастер...

На юге над горизонтом поднялся и уперся в небо луч прожектора. Это был сигнал с «Кунашира».

— Пошли, — сказал Званцев поднимаясь. — Вылезайте, Акико-сан.

Он взял ее за руку и легко поднял из воды. Белов мрачно сообщил:

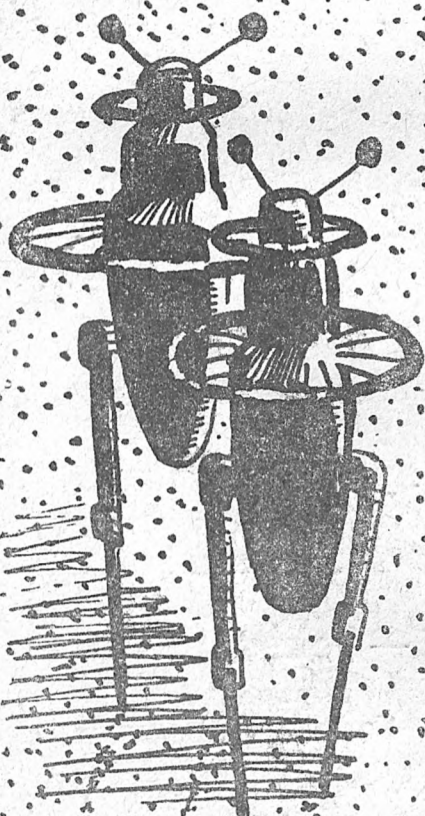
— Я посмотрю, какая получилась пленка. Если плохая, я тоже спущусь с вами.

— Только без коньяка, — сказал Званцев.

— И без духов, — добавила Акико.

— И вообще я спущусь с Хен Чолем, — сказал Белов. — Втроем в этих кабинах слишком тесно.

ЗАБЫТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

1

«Тестудо» остановился перед шлагбаумом. Шлагбаум был опущен, над ним медленно мигал малиновый фонарь. По сторонам уходили в темноту ажурные решетки металлической ограды.

— Биостанция, — негромко сказал Беркут. — Давайте выйдем.

Полесов выключил двигатель. Когда они вылезли, фонарь над шлагбаумом потух, и вдруг густо взревела

сирена. Иван Иванович вздохнул полной грудью и сказал, разминая ноги:

— Сейчас кто-нибудь прибежит и станет уговаривать не рисковать жизнью и здоровьем. Для чего мы здесь остановились?

Метрах в тридцати справа от шоссе в теплом сумраке смутно белели стены старых коттеджей. Через бурьян вела узкая тропинка. Одно из окон осветилось, стукнула рама, кто-то сильным голосом осведомился:

— Новокаин привез? — И, не дожидаясь ответа, добавил сварливо: — Сто раз я тебе говорил — останавливайся подальше, не буди людей!

Снова стукнула рама, и стало тихо.

— Гм!.. — хмыкнул Иван Иванович. — Ты привез новокаин, Беркут?

Возле коттеджа появился темный силуэт, и прежний голос позвал:

— Валентин!

— Он нас, видно, с кем-то путает, — сказал Иван Иванович. — Так что же, будем отдыхать? Может быть, поедем дальше?

— Нет, — сказал Полесов.

— Это почему же — нет?

На тропинке зашумел бурьян, меж стволов сосен замелькал огонек папиросы. Огонек описывал замысловатые кривые, рассыпая длинные струи гаснущих искр.

— Сначала разведка, — сказал Полесов.

Человек с папиросой продрался наконец через бурьян, вышел на шоссе и сказал:

— Проклятая крапива! Ты привез новокаин, Валентин? Кто это с тобой?

— Видите ли... — снисходительно начал Иван Иванович.

— Дьявол! Это не Валентин! — удивился человек с папиросой. — А где Валентин?

— Представления не имею, — сказал Иван Иванович. — Мы из ИНКМ.

— Из... ага, — сказал незнакомец. — Очень приятно. Вы извините, — он стыдливо запахнул халат, — я несколько неглиже. Начальник биостанции Круг-

лис... — представился он. — Но я думал, что приехал Валентин. Значит, вы геологи?

— Нет, мы не геологи, — мягко возразил Беркут. — Мы из Института неклассических механик. Мы физики.

— Физики? — Биолог бросил папиросу. — Позвольте... Физики? Так это вы едете в эпицентр?

— Совершенно верно, — подтвердил Беркут. — С вашего разрешения, это именно мы едем в эпицентр. Разве вас не предупредили?

Биолог перевел взгляд на исполинскую черную массу «Тестудо». Затем он обошел Беркута, приблизился к машине и похлопал ладонью по броне.

— Дьявол! — сказал он с восхищением и завистью. — Танк высшей защиты, да? Черт... Везет вам, физикам. А я быюсь второй год и не могу получить разрешение на глубокую разведку. А мне она нужна позарез. Я бы там... Слушайте, товарищи, — проговорил он унылым голосом, — возьмите меня с собой. Что вам стоит, в конце концов?

— Нет, — сразу ответил Полесов.

— Мы не имеем права, — мягко сказал Беркут. — Нам очень жаль...

— Понимаю, — буркнул биолог и вздохнул. — Да, меня предупредили. Только я не ждал вас так скоро.

— До Лантанида нас подбросили по воздуху, — объяснил Беркут.

Наступила глубокая сонная тишина, от которой сразу стало темнее. Потом невдалеке кто-то крикнул несколько раз, странно и тоскливо. В чаще леса сорвалась с шуршанием тяжелая шишка, царапнула густые ветви и гулко ударилась о землю.

— Филин, — сказал биолог.

— Не похоже, — усомнился Полесов.

Биолог засопел.

— Мальчик, — сказал он, — вы когда-нибудь слышали, как кричит филин?

— Не один раз.

— А вы когда-нибудь слышали, как кричит филин с той стороны?

— То есть?

— Из-за кордона, из-за шлагбаума... с той стороны?

— Н-не знаю, — сказал Полесов неуверенно.

— Мальчик, — повторил биолог.

Все снова замолчали, и в темноте снова закричал странный филин.

— Что же мы стоим? — спохватился биолог. — До утра далеко. Пойдемте, я вас устрою на ночь.

— Может быть, все-таки... — сказал Иван Иванович.

— Нет, сначала разведка, — повторил Полесов. — Я думаю, там, впереди, очень плохая дорога...

— На той стороне вообще нет дороги, — заметил биолог.

— ...и вообще неизвестно, что делается, — продолжал Полесов. — Я пуцую киберразведчиков в ночной рейд. Они соберут информацию, и утром мы тронемся.

— Правильно, — сказал биолог. — Вот это серьезный подход к делу.

Полесов забрался в танк и зажег фары. От ослепительного света мрак вокруг сгустился, зато ярко вспыхнули белые кольца на шесте шлагбаума и заискрились металлические прутья ограды. Боковой люк танка мягко отвалился. Послышался дробный стук, в полосе света на шоссе выскочили смешные серебристые фигурки на тонких ножках, похожие на огромных кузнечиков. Несколько секунд они стояли неподвижно, затем сорвались с места, нырнули под шлагбаум и пропали в высокой траве на той стороне.

— Это киберразведчики? — с уважением спросил биолог.

— Прекрасные машины, не правда ли? — сказал Беркут. — Петр Владимирович! — негромко позвал он. — Мы пошли. Догоняйте.

— Ладно, — отозвался из танка Полесов.

В коттедже биолога было три комнаты. Биолог сбросил халат, натянул брюки и свитер и отправился на кухню. Беркут и Иван Иванович устроились на диване. Иван Иванович сейчас же задремал.

— Значит, вы в эпицентр, — сказал биолог из кухни. — В эпицентре, конечно, есть на что посмотреть.

Особенно сейчас. Кстати, вы имеете хоть какое-нибудь представление о том, что происходит в эпицентре?

— Очень смутное, — ответил Беркут. — Кое-что рассказывали летчики, но близко ведь никто туда не подходил.

— Я сам видел, собственными глазами. Вспышки... Ну, вспышки многие видели. А вот молнии, которые бьют из земли в небо, голубой туман... Вы слышали про голубой туман?

— Слышали, — сказал Беркут.

Иван Иванович открыл один глаз.

— Я видел его два раза с вертолета, — сообщил Круглис. — Месяц назад, еще до гибели «Галатей». Туман возникает в эпицентре или где-то в районе эпицентра, расползается таким широким кольцом и пропадает километрах в ста от кордона. Что это может быть, товарищи физики?

— Не знаю, товарищ Круглис.

— Значит, никто не знает. Мы, биологи, тем более. Очевидно только, что происходит нечто совершенно необычное. Сорок восемь лет после взрыва! Уже уровень радиации снизился в десять раз, уже адгезивы, которыми связали активную пыль, и те распались начисто, и вдруг — пожалуйста! (Иван Иванович открыл второй глаз.) Начинаются какие-то вспышки, пожары, черт, дьявол... — Биолог помолчал, погребел посудой; стало слышно, как уютно свистит закипающий чайник. — Пожаров, правда, больше не бывает. Должно быть, все выгорело, что могло сгореть. Но вспышки... Первая случилась четыре месяца назад, в начале мая. Вторая — в июне. А теперь они повторяются чуть ли не раз в неделю. Яркие бело-голубые вспышки, и мощности, по-видимому, необычайной. Судите сами...

Биолог появился в дверях с подносом.

— Судите сами, — повторил он, ловко расставляя посуду. — От кордона до эпицентра больше двухсот километров, а полыхает на полнеба... Прошу к столу... И сразу за вспышкой идет голубой туман.

— Да, мы слышали об этом, — сказал Беркут.

Биолог снова отправился на кухню, но остановился в дверях.

— Вам известно, что последняя вспышка была вчера ночью? — спросил он.

— Да, спасибо, — сказал Беркут.

— Должен же кто-нибудь начать!.. — проворчал Иван Иванович. — Слушайте, где Полесов?

Биолог пожал плечами, скрылся в кухне и вернулся с шумящим чайником.

— Давайте чай пить, — сказал он. — Подставляйте стаканы.

Иван Иванович допивал второй стакан, когда дверь распахнулась и вошел Полесов. Он был очень бледен и держался за правую щеку.

— Что с вами, Петр Владимирович? — спросил Беркут.

— Кто-то ужалил меня, — сказал Полесов.

— Вероятно, комар?

— Вероятно, — Полесов злобно оскалился. — Только у него пулемет вместо жала, у этого комара.

— Комар с той стороны, — сказал биолог. — Очень просто. Садитесь, пейте чай.

— А кто это орет в кюветах? Я думал, там кто-нибудь тонет.

— Лягушки, — сказал биолог. — Тоже с той стороны.

Иван Иванович со стуком поставил стакан на блюдце, вытер багровое лицо и спросил:

— Мутации?

— Мутации, — подтвердил биолог. — Здесь настоящий заповедник мутаций. Во время взрыва и после, когда уровень радиации был высок, животные в зоне пострадали ужасно. Понимаете? Сразу после взрыва зону огородили, и они не успели разбежаться. Первое поколение сейчас уже вымерло, все последующие изуродованы. Мы здесь восьмой год наблюдаем за ними, иногда ловим, иногда ставим автокинокамеры. К сожалению, нам запрещают уходить на ту сторону глубже чем на пять километров... Один наш сотрудник все же рискнул. Принес фотографии, образцы и прихворнул немного. Нам здорово влетело тогда.

Биолог закурил.

— Вы сами увидите, что там творится. Возникли совершенно новые формы, странные и удивительные.

Мы все-таки набрали большой материал. Многие виды просто вымерли. Например, медведи вымерли начисто. Другие приспособляются, хотя и не знаю, можно ли употреблять этот термин. Вернее сказать, дали мутации, жизнеспособные в условиях повышенной активности. Но, знаете ли...

— А как они реагируют на все это? — спросил Иван Иванович. — На вспышки и так далее?

— Скверно реагируют, — сумрачно ответил биолог. — Очень скверно. Боюсь, нашему заповеднику приходит конец. Раньше они очень редко подходили к ограде. Крупных животных мы почти и не видели. А вот прошлым месяцем сотни дьявольских уродов вдруг средь бела дня устремились прямо на шлагбаум. Зрелище не для слабонервных. Мы выловили несколько штук, остальных отпугнули ракетами. Не знаю уж, от чего они спасались: от вспышек, от голубого тумана или еще от чего-нибудь... Вероятно, от голубого тумана. Думаю, в конце концов они все вымрут. И комаров здесь за последние месяцы стало больше. И птиц, и лягушек. Вот тот филин, например... — Он ткнул окурком в пепельницу и закончил неожиданно: — Так что будьте осторожны там.

— Ничего, — сказал Полесов. — Все-таки у нас танк высшей защиты.

Биолог внимательно поглядел на его распухшую щеку и сказал:

— Знаете что? Давайте я вам укольчик небольшой сделаю. Чем черт не шутит...

Полесов поколебался секунду, взглянул на Беркута и встал.

— Пожалуй, — пробормотал он.

2

Утром Беркут проснулся оттого, что совсем близко кто-то заревел страшным ревом. Беркут отбросил простыни и подошел к окну. У соседнего коттеджа стоял начальник биостанции Круглис и незнакомый человек в белом халате. Круглис курил и морщился, а человек в халате говорил, размахивая руками.

Утро было солнечное. Между стволами сосен в ро-

зовой дымке темнела угловатая туша «Тестудо». После «Тестудо» возился Полесов. Вероятно, разведчики уже вернулись, подумал Беркут. Он аккуратно убрал постель в стенную нишу, принял душ и со вкусом позавтракал: выпил два стакана крепкого чая и съел два ломтя ветчины. Ветчина была отличная — обезжиренная, розовая, как утренний туман, и такая же нежная.

На крыльце Беркут столкнулся с Иваном Ивановичем.

— Доброе утро, — приветствовал его Иван Иванович. — А я иду тебя будить. Разведчики вернулись.

— Что-нибудь интересное?

Иван Иванович раскрыл было рот, но позади коттеджа кто-то опять заревел глухо и протяжно. Беркут вздрогнул.

— Это дикий кабан, — сказал Иван Иванович. — Его поймали на той стороне.

— По-моему, это больше похоже на рев медведя.

— Что ты! — возразил Иван Иванович. — Медведи вымерли, как известно.

— Ладно, — сказал Беркут. — Пусть их. Что принесли разведчики?

— Опять неожиданность. В общем, пойдём к Полесову.

Они пошли по тропинке, и мокрый от росы бурьян хлестал их по ногам.

— Здесь такая крапива! — сказал Иван Иванович. — Сволочь, а не крапива!

Полесов стоял, прислонившись к броне, и рассеянно крутил в пальцах узкую ленту фотопленки. Правая щека у него была заметно полнее левой.

— Доброе утро, Петр Владимирович, — сказал Беркут.

— Доброе утро, товарищ Беркут, — ответил Полесов и осторожно потрогал щеку.

— Болит?

Полесов вздохнул и сказал:

— Киберы вернулись. Я просмотрел информацию, и она мне не нравится.

— Нет дороги?

— Не знаю... — Полесов опять потрогал щеку. —

Здесь что-то очень странное. Вот... — Он протянул Беркуту пленку.

Пленка была совершенно черная.

— Засвечена? — спросил Беркут.

— Засвечена. С начала до конца. Словно ее со вчерашнего вечера держали в реакторе. Не понимаю, как это могло получиться. Максимальный уровень радиации, который зафиксировали разведчики, — полтора десятка рентген в час. Сущие пустяки. Но самое главное — киберы почему-то не дошли до эпицентра.

— Не дошли?

— Они вернулись, не выполнив задания. Прошли всего сто двадцать километров и вернулись, словно получили команду «назад». Или испугались. Откровенно говоря, мне это не нравится.

Некоторое время все молчали и глядели за шлагбаум. Дорога там еще была, но бетон потрескался и густо пророс гигантским лопухом. Недалеко от шлагбаума из лопухов торчал большой красный цветок, над ним крутилась белокрылая бабочка. Дальше над дорогой нависала, зацепившись верхушкой за ветви соседних деревьев, сухая осина с голыми растопыренными сучьями.

— Значит, информации у нас практически нет, — проговорил Беркут задумчиво.

Полесов смотал пленку и сунул ее в карман комбинезона.

— Можно послать разведчиков еще раз, — сказал он.

— Мы и так потеряли много времени, — нетерпеливо сказал Иван Иванович и поглядел на Беркута: — Давайте двигаться. На месте разберемся.

— Можно выслать разведчиков по пути. — Полесов тоже поглядел на Беркута.

— Ладно, — согласился Беркут. — Будем двигаться. Петр Владимирович, сходите, пожалуйста, к биологам и передайте, что мы уходим. И поблагодарите от всех нас.

— Слушаюсь, товарищ Беркут.

Полесов отправился к коттеджам и через минуту вернулся с Круглисом.

— Мы уходим, — сообщил Беркут. — Большое спасибо за приют.

— Пожалуйста, — медленно сказал биолог. — Счастливого пути.

— Спасибо. Здесь у вас было замечательно. Просто как на курорте.

Дикий кабан снова заревел по-медвежьему из-за деревьев.

— Вы извините, — сказал Беркут, — но мы, право же, не можем вас взять с собой. Не можем, не имеем разрешения.

— Понимаю. — Биолог усмехнулся. — Жаль, конечно... Ничего, придет когда-нибудь и наш черед.

— Наверное, после нас пошлют вас.

— Да, вполне возможно. Счастливого пути. Желаю удачи.

— Спасибо, — повторил Беркут и пожал биологу руку.

— До свидания, спасибо, — сказал Полесов. — Я постараюсь поймать для вас какого-нибудь филина.

Они залезли в танк, люк захлопнулся. Биолог помахал рукой и отступил к обочине. Медленно поднялся автоматический шлагбаум. Тяжелая машина дрогнула, загудела и двинулась вперед, оставляя в бурьяне широкие колеи. Биолог провожал ее глазами. Вот она прошла под завалившейся осиной и задела ее. Дерево треснуло, ломаясь пополам, и с глухим стуком рухнуло поперек просеки, которая когда-то была автострадой.

3

«Тестудо» стоял, сильно накрепившись, тихий и совершенно неподвижный. После шестнадцати часов гула и сумасшедшей тряски тишина и неподвижность казались иллюзией, готовой исчезнуть в любую минуту. По-прежнему у них были стиснуты зубы и напряжены мускулы, по-прежнему звенело в ушах. Но ни Полесов, ни Беркут, ни Иван Иванович не замечали этого. Они молча глядели на приборы. Приборы безбожно врал.

Два часа назад, в полночь, пеленгирующие станции дали Полесову его координаты. «Тестудо» находился

в распадке в семидесяти километрах к юго-востоку от эпицентра. В ноль пятнадцать Лантанид впервые не послал очередного вызова. Связь прервалась. В ноль сорок семь репродуктор голосом Леминга гаркнул: «...немедленно!» В час десять пошел сильный дождь. В час восемнадцать погас экран инфракрасного проектора. Полесов пощелкал переключателями, выругался, включил фары и уперся лбом в замшевый нарамник перископа. В час пятьдесят пять он оторвался от перископа, чтобы попить, взглянул на приборы, зарычал и остановил машину. Приборы безбожно вращались.

Снаружи была черная сентябрьская ночь, лил проливной дождь, но стрелка гигрометра нагло стояла на нуле, а термометр показывал минус восемь. Стрелки дозиметра весело бегали по шкале и свидетельствовали о том, что радиоактивность почвы под гусеницами «Тестудо» колеблется очень быстро и в весьма широких пределах. И вообще, если судить по показаниям манометров, танк находился на дне водоема на глубине двадцати метров.

— Приборы шалют, — бодро сказал Беркут.

Никто не возразил.

— Какие-то внешние влияния...

— Хотел бы я знать, какие, — сказал Полесов, кусая губу.

Беркут хорошо видел его лицо, смуглое, длинное, с красным пятном на правой щеке.

— Ах, как бы нам это помогло! — сказал Иван Иванович.

— Да, — сказал Полесов.

Это помогло бы, потому что позволило бы скорректировать приборы. И самое главное — скорректировать приборы на пульте управления. Для Ивана Ивановича их показания были, вероятно, филькиной грамотой, но Полесов видел, что они врут так же бессовестно, как и все остальные. Это было очень странно и опасно: приборы управления были отгорожены от всех и всяких внешних влияний тройным панцирем сверхмощной защиты «Тестудо». И люди были отгорожены от внешних влияний только тройным панцирем «Тестудо». На мгновение Полесов почувствовал скверную слабость под ложечкой.

— Что там снаружи? — спросил Иван Иванович.

— Ничего. Туман...

Иван Иванович встал, попросил Полесова подвинуться и прильнул к перископу. Он увидел изломанные, перекрученные стволы сосен, черные, словно обугленные ветви, густую поросль двухметровой травы. И туман. Серый неподвижный туман, повисший над мокрым миром в лучах прожекторов. В нескольких метрах от танка стояли киберразведчики. Они жались к танку и были похожи на дворняжек, почуявших волка. Они не хотели идти в туман. Точнее, не могли.

Иван Иванович сел.

— Голубой туман, — шепло сказал он.

— Ну, и что? — спросил Полесов.

Иван Иванович не ответил. Беркут тоже поглядел в перископ. Затем он сел и расстегнул воротник куртки. Ему стало душно. Он выпрямился и глубоко вздохнул. Удушье исчезло.

— Что будем делать? — спросил Полесов.

— Слушайте, товарищи, — сказал вдруг Беркут, — вы ничего не чувствуете?

— Ничего... — ответил Иван Иванович, уставившись на приборы. Он запнулся. — Иголочки! — сказал он тонким голосом.

Только теперь Полесов ощутил неприятное покалывание в кончиках пальцев. Словно микроскопические иглы, тонкие, как пчелиные жала. И почему-то было трудно дышать. Пальцы немели.

— Похоже... на горную болезнь, — с трудом выговорил он.

Иван Иванович вскочил, оттолкнул Полесова и снова прижался затылком к нарамнику перископа. Снаружи был только туман. Киберразведчики исчезли. Иван Иванович тяжело глотнул воздух и повалился на свое кресло. Его пухлые щеки блестели от пота.

— Ваш танк и ваши киберы!.. — сказал он. — Танк высшей защиты!..

— В таком танке, — медленно ответил Полесов, — я в прошлом году прошел через Горящее Плато на Меркурии.

— И ваши киберы! — продолжал Иван Ивано-

вич. — Трусят ваши киберы. В первый раз вижу киберов, которые трусят. И ваша высшая защита!

— Не надо, Иван Иванович, — сказал Беркут.

«Высшая защита не помогает, — думал Полесов. — То, что врут приборы, и трудно дышать, и колют иглолочки, — это еще полбеды. Беда будет, если сдаст двигатель, нарушится настройка магнитных полей реактора, которые держат кольцо раскаленной плазмы. Стоит разладиться настройке, и «Тестудо» превратится в пар со всей своей высшей защитой. Самое лучшее — поскорее убраться отсюда».

— И нам придется возвращаться, — продолжал Иван Иванович. — И мы ничего не узнаем, потому что понадеялись на ваш танк и на ваших киберов. Надо было рискнуть и прорываться на турболете.

Иголки кололи уже плечи и бедра.

— Хорошо, — сказал Полесов. — Пристегнитесь.

Иван Иванович замолчал. Физики пристегнулись к креслам широкими мягкими ремнями.

— Готовы? — спросил Полесов.

— Готовы...

Полесов выключил свет и положил ладони на рычаги управления. Глухо заворчал двигатель, танк качнулся. Что-то захрустело под гусеницами. Впереди был плотный, непроглядный туман. Быстрые иголки бежали теперь в спине. Омерзительное ощущение. И не хватает воздуха. «Тестудо», гудя и дрожа, становится на корму. Выше, выше... Толчок, лязгают челюсти. Впереди туман. Еще выше, к самому небу! Слепая машина взбирается по склону бесконечно высокой горы, а с той стороны — пропасть. А в реакторе с воем рвется из магнитных цепей лиловое пламя плазмы. Сейчас...

Полесов оторвался от перископа и мельком взглянул на приборы. Если показания приборов правильны, реактор «Тестудо» через секунду взорвется. Но приборы врут. Их сбивают внешние влияния, которые забираются под тройную шкуру высшей защиты.

Танк перевалил через вершину и начал спуск. Руки онемели, иглолочки пляшут где-то рядом с сердцем. Скоро одна уколёт — и конец. Скоро плазма лизнет стенки реактора — и конец. Рядом болтается в своих ремнях Беркут, безвольный, как кукла.

Очнувшись, Беркут увидел освещенный экран, словно окно из темной комнаты на лесную поляну. Тумана больше не было. Экран работал прекрасно, были видны мокрые кусты, и мокрая трава, и мокрые голые стволы. Неба не было видно. На поляну вышло огромное животное и остановилось, уставившись на «Тестудо». Беркут не сразу понял, что это лось. У животного было тело лося, но не было его горделивой осанки: ноги искривлены, голова гнулась к земле под чудовищной грудой роговых наростов. У лося вообще очень тяжелые рога, но у этого на голове росло целое дерево, и шея не выдерживала многопудовой тяжести.

— Что это? — нехорошим голосом спросил Иван Иванович.

Беркут понял, что Иван Иванович тоже был в обмороке.

— Лось, — сказал он и позвал: — Петр Владимирович!

— Я, товарищ Беркут, — отозвался Полесов. У него тоже был нехороший голос.

— Выбрались, кажется?

— Кажется... Неужели это лось?

— Это лось с той стороны, — сказал Иван Иванович голосом биолога. Он удивительно хорошо умел подражать голосам других людей.

— Как вы себя чувствуете, товарищи? — спросил Беркут.

— Прекрасно, — ответил Иван Иванович.

— У меня болит щека, — ответил Полесов. — Но приборы опять в порядке.

Лось понуро подошел почти вплотную и теперь стоял, шевеля ноздрями.

— У него нет глаз, — сказал вдруг Полесов ровным голосом.

У лося не было глаз. Вместо глаз белела скользкая плесень.

— Спугните его, Петр Владимирович, — прошептал Беркут. — Пожалуйста!

Полесов включил сирену. Лось постоял, шевеля ноздрями, повернулся и медленно, судорожно переставляя ноги, побрел прочь. Он шагал мучительно неуверенно, как будто вместо полного шага каждый раз

делал только половину. Голова его была придавлена к земле, впалые бока влажно блестели.

— Как бог черепаху... — пробормотал Иван Иванович.

Они смотрели на лося, как он бредет, путаясь в высокой мокрой траве. Потом лось скрылся за деревьями. Беркут сказал:

— Петр Владимирович, вы просто молодец!

— Что такое? — спросил Полесов.

— Вы нас вытащили из такого мешка...

— Чепуха, — сказал Полесов спокойно.

— Нет, в самом деле, я просто не представляю, как вам это удалось. Я, например, лежал без памяти, как девчонка.

Полесов промолчал. Он включил двигатель и выпустил разведчиков. Киберы выскочили, осмотрелись и поспешили вперед. Теперь они ничего не боялись. «Тестудо» с гулом покатился вслед за ними.

4

Поздним утром «Тестудо» разбросал последний завал и выкарабкался на край гигантской котловины. Тайга была позади — темно-зеленая, мокрая после ночного дождя, тихая и строгая под ослепительным солнцем. Там, где прошел танк, осталась широкая просека, по сторонам которой валялись обугленные, заляпанные белой плесенью стволы.

Внизу, в котловине, лежали развалины старинной лаборатории. Земля была голая и черная, от нее шел пар. Пар искажал перспективу, черные руины дрожали и расплывались в струях теплого воздуха.

— Боже мой! — дребезжащим голосом проговорил Иван Иванович. — Бож-же мой!

Он хорошо помнил это место, хотя прошло уже полвека. На обширной, залитой белым бетоном площади сверкало под солнцем великолепное чудовище — двухкилометровое кольцо мезонного генератора, окруженное стеклянными башнями регулирующих устройств. И в один день, в одну стомиллионную долю секунды всего этого не стало. Зарево видели на сотни километров, а удар отметили все сейсмостанции Сибири.

— Все-таки разрушения не так уж велики, — сказал Беркут, словно утешая. — Я думал, здесь ничего нет, только голая земля.

— Бож-же мой, — повторил Иван Иванович. Он потер пальцами небритый, скрипящий подбородок и сказал: — Вон там была релейная станция, я ее строил. Там — хозяйство Чебоксарова, светлая ему память... Ничего не осталось.

— Вот что, — сказал Полесов. — Я не знаю, где и что вы здесь собираетесь искать, но сейчас я пушу киберов. Вам все равно потребуется информация. Пусть киберы разведают, что и как.

— Ах да, информация... — Иван Иванович насмешливо выпятил нижнюю губу. — Как же...

— Хорошо, — согласился Беркут. — А мы тем временем позавтракаем.

Иван Иванович ерзал на месте и глядел на экран. Глазки его блестели. Полесов поиграл переключателями. На экране было видно, как разведчики соскочили на землю, побежали по склону котлована и скрылись в развалинах. Тогда Полесов вытащил консервы и хлеб в непроницаемой упаковке. Все трое принялись за еду, прихлебывая горячий кофе из термосов.

— Ты где был во время взрыва, Иван Иванович? — спросил Беркут.

— В Лантаниде.

— Тебе повезло.

— Ну, не одному мне, к счастью, — сказал Иван Иванович. — Людей здесь почти и не было. Ведь лаборатория была телемеханическая... Зато теперь все ядерные лаборатории перенесли на Луну и на спутники... Гляди-ка, водитель наш...

Беркут обернулся. Полесов спал, положив голову на пульт управления и зажав между коленями термос с кофе.

— Вымотался наш водитель, — сказал Иван Иванович.

Полесов проснулся, убрал тарелки, откинулся на спинку кресла и снова заснул. Через несколько минут Иван Иванович радостно заорал:

— Разведчики возвращаются!

Среди развалин показались блестящие живые

точки. Полесов протер глаза, с хрустом потянулся. Затем он нагнулся над пультом и стал читать запись.

— Радиация не очень высокая: двадцать — двадцать пять рентген. Температура... Давление... Влажность... Все в обычных пределах... Так, белок. Бактерии...

— Молодцы бактерии, — сказал Иван Иванович. — Дальше!

— Дальше... Вот опять запретная зона. Площадь — около гектара. Киберы покрутились вокруг и отошли. И, конечно, опять засвечена пленка.

— Это что, опять голубой туман?

— Нет. То есть, не знаю. Просто запретная зона.

— Дайте координаты, Петр Владимирович, — попросил Беркут и поглядел на Ивана Ивановича.

Иван Иванович поспешно достал и развернул на коленях схему.

Полесов стал диктовать.

— Точно, — сказал Иван Иванович. — Она. К югу от башни фазировки. Там был маленький бетонный домик. Будочка. Совершенно точно.

Некоторое время Иван Иванович и Беркут молча смотрели друг на друга. Полесов видел, как дрожащие пальцы Ивана Ивановича мяли и разглаживали плотную бумагу схемы. Наконец Беркут спросил:

— Приступим?

Иван Иванович встал, стукнувшись макушкой о низкий потолок кабины, мотнул головой и полез в шкафчик, где лежали защитные костюмы.

— погоди, куда ты? — остановил его Беркут. — Петр Владимирович, пожалуйста, подведите машину к этой... запретной зоне.

— К запретной зоне? — медленно переспросил Полесов.

Он поглядел на экран. Развалины лежали под высоким солнцем, молчаливые и черные, противоположный край котловины трясся в жарком мареве. Никаких признаков жизни, никаких признаков движения, только неуловимые токи горячего воздуха. Почему-то Полесов вдруг вспомнил скользкую белую плесень на глазах у лося.

— Надо же кому-то начинать, — сказал Беркут. — Начнем мы.

Через час «Тестудо» остановился в сотне метров к югу от башни фазировки — груды оплавленного камня с торчащими прутьями стальной арматуры. Экран работал прекрасно. На обугленной земле была видна каждая песчинка. Земля поднималась невысоким валом, окружавшим обнаженный свод какого-то подземного сооружения. Свод был серый, шершавый, и в центре его зияло круглое черное отверстие.

— Здесь? — спросил Беркут.

— Здесь, — сипло отозвался Иван Иванович.

Они торопливо натянули защитные костюмы. Перед тем как опустить спектролитовый наличник шлема, Беркут сказал Полесову:

— Сидите в машине и держите с нами радиосвязь. Если связи не будет, не паникуйте и не вздумайте лезть за нами.

Он сказал это очень жестким голосом, странно было слышать его. Беркут всегда казался Полесову немножко мямлей. Но на этот раз он сказал как надо.

— И еще... Если все-таки удастся связаться с Лемингом, расскажите ему, как идут дела. Скажите, что дела идут хорошо. До свидания.

Они вылезли из танка, впереди Беркут, за ним Иван Иванович с мотком троса через плечо. Полесов видел, как они перебрались через земляной вал, прошли по бетону и остановились над черным отверстием. Они были похожи на водолазов в желтых сморщенных спецкостюмах и головастых шлемах. Иван Иванович сбросил трос и заделал его конец в бетон. Беркут спросил:

— Как слышите меня, Петр Владимирович?

Полесов ответил, что слышит хорошо.

— Вы, Петр Владимирович, только не беспокойтесь! Все будет в порядке. Мы осмотрим внизу помещения и сразу вернемся.

— Пошли, пошли! — заторопил Иван Иванович.

Он полез первым, и Полесов слышал, как он кричит и бормочет вполголоса. Беркут стоял нагнувшись, уперев руки в колени.

— Есть! — слышался в наушниках голос Ивана Ивановича. — Я на полу. Спускайся, Беркут.

Беркут махнул рукой и тоже исчез в отверстии. Минут пять все было тихо. Потом голос Беркута спросил:

— Что это?

— Обыкновенный трансформатор, — ответил Иван Иванович. — Только очень старый.

— Такое впечатление, будто его жевали...

Физики замолчали. Полесову показалось, что кто-то тяжело дышит в микрофон. Он потрогал верньер. Кто-то с хрипом, словно астматик, равномерно втягивал и выпускал воздух.

— Как дела? — на всякий случай спросил Полесов.

Голос Беркута донесся глухо, как из-под подушки:

— Все хорошо, Петр Владимирович. Мы идем дальше.

В приемнике щелкнуло, и наступила тишина. Полесов достал из кармана тубик со спорамином, проглотил таблетку и посмотрел на экран. По ту сторону земляного вала, недалеко от опушки тайги, валялись исковерканные обломки. Изломы металлопласта ярко искрились на солнце. Это была «Галатея» — автоматический турболет, высланный в эпицентр для разведки месяц назад. «Галатея» взорвалась над эпицентром по неизвестным причинам, и с тех пор Леминг запретил воздушные разведки. Полесов проговорил в микрофон:

— Товарищ Беркут, вы меня слышите? Иван Иванович!

Ему не ответили, и он подумал, что пора, пожалуй, вылезать. Но сначала он решил еще раз попробовать соединиться с Лантанидом. Он нажал клавишу настройки и был буквально отброшен от аппарата громоздким рыком:

— «Тестудо»! «Тестудо»! Отвечай, «Тестудо»!

— «Тестудо» слушает, — сердито сказал Полесов.

— «Тестудо»? Я — Леминг. Куда вы запропастились? Почему не отвечали?

Полесов сказал, что не было связи.

— Где вы находитесь?

— В эпицентре.

Последовало короткое молчание, затем Леминг уже значительно спокойнее осведомился:

— Нашли?

— Что именно? — спросил Полесов.

— Как — что? Двигатель времени, конечно. Это ты, Беркут?

Полесов сказал, что он не Беркут и что Беркут и Иван Иванович спустились в какое-то подземелье.

— Значит, спустились все-таки, поросята? — сказал Леминг. — Так. Ну, с ними я еще поговорю. Слушайте, водитель. Немедленно отведите машину подальше от этого... подземелья и ждите. Понятно? Отвести и ждать!

— Понял, — сказал Полесов. — Отвести машину и ждать.

— Действуйте. Связи с Беркутом нет?

Полесов подумал и выключил передатчик.

— Двигатель времени, — сказал он вслух. — Ладно...

Он встал, надел спецкостюм и вылез из машины. Ноги по щиколотку ушли в черный прах. Он перебрался на бетонный купол и подошел к люку. Тонкий трос уходил в крошечную темноту. Полесов оглянулся. «Тестудо» стоял за земляной насыпью и следил за ним блестящими выпуклыми глазами прожекторов. Полесов присел на корточки и полез в люк, напрягая все мышцы.

Внизу было совершенно темно. Полесов включил нащлемную фару. Пятно света скользнуло по изрытым стенам, по остаткам развороченных приборов, по полу, покрытому слоем пыли, тонкой, как пудра. Затем Полесов увидел следы в пыли и быстро пошел, обходя нагромождения обломков, цепляясь ногами за оборванные провода. И он опять услышал, как кто-то хрипло и равномерно дышит в радиэфоне.

Поворот. Длинный узкий коридор. Еще поворот. Полесов кубарем скатился по металлической лестнице. В кончиках пальцев появилось знакомое ощущение: сотни крошечных иголок вонзаются под кожу. Полесов побежал. Еще одна лестница, еще один коридор. Ритмичный хрип в наушниках вырос в мощный свирепый рев. «О-о-о... А-а-а... О-о-о... А-а-а».

Пот заливал глаза, резало в груди. Иголочки кололи локти и колени. Еще один поворот. Полесов остановился. Яркий голубой свет на секунду ослепил его. Затем он разглядел на голубом фоне две черные тени. Беркут стоял, склонившись над Иваном Ивановичем, а Иван Иванович сидел, по-турецки скрестив ноги и упираясь ладонями в голубой пол.

Полесов подбежал к ним и схватил Ивана Ивановича под мышки. Иван Иванович был необычайно тяжел. Ноги его волочились, и он то и дело выскальзывал из рук Полесова. Но Полесов подтащил его к двери, взвалил на спину и оглянулся на Беркута. Беркут неторопливо шел следом, и руки его болтались по сторонам тела, как рукава пальто, надетого внакидку. Позади него Полесов увидел две прозрачные колонны. В колоннах билось, медленно пульсируя, голубое пламя, и рев в радиophone пульсировал вместе с ним.

5

Иван Иванович, багровый и благожелательный от стаканчика коньяка, сказал:

— Да, это было здорово, доложу я вам!

— Еще? — спросил Полесов.

— Нет, хватит.

— А вам, товарищ Беркут?

Беркут улыбнулся:

— Спасибо, Петр Владимирович, не хочу. Свяжитесь с Лемингом, если вам не трудно.

Полесов завинтил флягу и подсел к передатчику. Беркут откинулся на спинку сиденья, продолжая улыбаться. Тело было легким, свежим, даже следа не осталось от томительного бессилия, свалившего его на обратном пути из подземных коридоров. Иван Иванович блаженно пыхтел и поглаживал себя по животу. Должно быть, он тоже был доволен.

— Есть связь, — сообщил Полесов.

— Леминг! — крикнул Беркут в микрофон. — Леминг, я Беркут.

— Беркут? — рявкнуло в ответ. — Почему ты нарушил мои инструкции?

— Спокойно, Леминг. — Беркут попытался согнать

с лица улыбку, но это ему не удалось. — Мы целы и невредимы. Леминг, мы не ошиблись. Слышишь, Леминг? Двигатель времени уцелел и работает вовсю. Двигатель времени работает, слышишь?

После паузы Леминг сказал:

— Слышу.

— Срочно доставь сюда энергоснимающее устройство, — продолжал Беркут. — Совершенно срочно. Миллионы киловатт уходят в воздух и заражают воздух, слышишь, Леминг?

— Слышу. Немедленно убирайтесь оттуда.

— Спокойно, Леминг! Убираться отсюда не надо. Пришли людей. Больше людей. Пришли Кузьмина, Еселеву, Акопяна. Обязательно пришли Акопяна. И поторопись, Леминг, надо упредить следующий взрыв. Только через голубой туман на вездеходах не пройти. Попроси у межпланетников еще несколько танков высшей защиты. Они тоже не очень спасают, но все-таки...

— Представь себе, я уже подумал об этом, — сказал Леминг чрезвычайно язвительно. (Иван Иванович сделал большие глаза и поднял указательный палец.) — Танки с оборудованием находятся в пути и будут у вас завтра утром. А люди будут у вас через четверть часа. Я выслал три турболета.

— Не стоило бы. — Беркут покосился на экран, где у опушки тайги блестели под солнцем обломки «Гала-теи». — Здесь уже есть один турболет.

— Чепуха. Они пройдут над бывшей автострадой на бреющем полете. Ничего им не сделается. — Леминг покашлял, затем нарочито небрежным голосом осведомился, есть ли у Беркута какие-нибудь соображения относительно этого... как его... голубого тумана.

Иван Иванович затрясся в беззвучном хохоте, широко разевая темно-розовую пасть с крепкими желтоватыми зубами. Беркут ответил:

— Есть соображения. Несомненно, это твоя возлюбленная неквантованная протоматерия. Вернее, продукт ее взаимодействия с воздухом или водяными парами.

— Я так и думал, — сказал Леминг. — Ладно. Ждите. Не рискуйте. До свидания!

Беркут отодвинулся от микрофона и тоже засмеялся. Только Полесов не смеялся. Он был бледен и осунулся от утомления. Он принял еще одну таблетку спорамина, поэтому спать ему не хотелось, но он чувствовал себя неважно. К тому же он впервые в жизни не понимал, что происходит вокруг него, и это его злило и мучило. Его злил самодовольный Иван Иванович и даже мягкий Беркут, хотя он признавал, что это совсем никуда не годится. В конце концов он поборол гордость и резко спросил:

— Что такое «двигатель времени»?

Физики поглядели на него, затем друг на друга.

Беркут покраснел и, запинаясь, сказал:

— Мы совсем забыли... Простите, Петр Владимирович... Сначала мы не были уверены, а потом эта удача... Это было так неожиданно... Ах, как нехорошо получилось!

— Двигатель времени, — сказал Иван Иванович с усмешечкой, — есть не что иное, как вечный двигатель. Перпетуум, так сказать, мобиле.

— Не надо, Иван. Сейчас я вам все объясню, Петр Владимирович. Только вы не обижайтесь на нас, пожалуйста. Вы знакомы с тау-механикой?

Полесов угрюмо покачал головой. Он все еще злился, хотя Беркут опять нравился ему.

— Тогда это сложнее. Но я все-таки постараюсь объяснить.

Он очень старался объяснить. Полесов тоже очень старался понять. Речь шла о свойствах времени, о времени как о физическом процессе. По словам Беркута, это была необычайно сложная проблема. Много лет назад, при исследовании проблемы источников энергии звезд, была впервые выдвинута своеобразная, еще экспериментально не подтвержденная теория времени как физического процесса, связанного с энергией. В основу этой теории легли постулаты, рассматривающие время как материальный процесс, несущий определенную энергию. Потом были найдены (сначала теоретически, а затем и экспериментально) количественные характеристики условий освобождения энергии, связанной с ходом времени. Так родилась механика «физического времени», иначе называемая тау- или Т-механикой.

Одним из замечательных следствий тау-механики явился вывод о принципиальной возможности использования хода времени для получения энергии. Был рассчитан ряд механических систем, позволяющих осуществить эту возможность на практике. К сожалению, производительность таких систем была ничтожна. Они дали только экспериментальное подтверждение основной теории, но не могли служить в качестве практических источников энергии. Это еще не были «двигатели времени». Задача была решена лишь после возникновения тау-электродинамики. И даже тау-электродинамическим системам требовались десятки лет, чтобы выход энергии в них стал положительным и сколько-нибудь существенным.

Семьдесят лет назад по решению Всемирного Ученого Совета были заложены и пущены в порядке эксперимента четыре такие системы, четыре псевдосвечных двигателя, «двигатели времени». Один на Луне — в кратере Буллиальд, и три на Земле — на Амазонке, в Антарктиде и здесь, в тайге. Потом какой-то «умник в Ученом Совете» предложил отдать готовую строительную площадку в тайге под телемеханическую мезонную лабораторию. Предложение приняли, лабораторию построили, и сорок восемь лет назад она взлетела на воздух. Деятельность лаборатории, разумеется, не имела никакого отношения к «двигателю времени», но двигатель сочли разрушенным, потому что разрушения были действительно очень велики. Проникнуть на территорию, где размещалась опытная установка, оказалось невозможно, да и не было, казалось, надобности. Внимание исследователей сосредоточилось на остальных трех системах, и эксперимент в тайге был забыт. Но двигатель уцелел. Он работал, выжимал энергию «из времени», накапливал ее и вот четыре месяца назад выбросил первую порцию.

— Вот, в общем, и все. — Беркут нерешительно улыбнулся. — Теперь поняли?

— Спасибо, — сказал Полесов.

— А вы почитайте Леминга, — предложил Беркут. — Есть прекрасная монография Леминга «Тау-электродинамика».

Полесов кашлянул.

Полесов взвалил Ивана Ивановича на спину.

— Прозрачные колонны в подземелье, — сказал Беркут, — это энергоотводы. Двигатель расположен этажом ниже. Энергия стекает в эти колонны, накапливается в них и время от времени выбрасывается. А в каком виде выбрасывается, в общем-то, никто не знает.

— Леминг знает, — ввернул Иван Иванович.

Беркут посмотрел на него и сказал:

— Леминг вот считает, что энергия выделяется в виде протоматерии — неквантованной основы всех частиц и полей. Потом протоматерия самопроизвольно квантуется — во-первых, на частицы и античастицы, во-вторых, на электромагнитные поля. Так вот, та часть протоматерии, которая не успела проквантоваться, может вступать во взаимодействие с ядрами и электронами окружающей среды. Так, возможно, возникает этот голубой туман. Эта протоматерия должна проникать всюду, для нее нет преград, и она воздействует на приборы, на киберов, как вы их называете, и на наши организмы. Я, наверное, не очень ясно объясняю.

— Нет, отчего же, — сказал Полесов. Он вспомнил, как дергались стрелки приборов, контролирующих настройку магнитных полей. — Отчего же, — повторил он, — я кое-что понял. Спасибо. А как остальные двигатели?

— Остальные пока молчат, — сказал Беркут. — Да нам пока хватит дела и с этим.

— Мы построим здесь город-лабораторию, — сказал Иван Иванович, жадно глядя на экран. — Мы заложим новые двигатели, более совершенные. Я еще доживу до того времени, когда мы забросим в Пространство первые корабли, которые будет нести само Время. — Он вдруг повернулся к Полесову и сказал: — А тау-механику нужно знать, юноша. Основам тау-механики уже учат в школе.

— Неправда, Иван Иванович, — сказал Беркут.

— Правда. Мне внук рассказывал. Но я не об этом. У меня есть к вам предложение, Полесов. Нам здесь понадобится водитель с крепкими нервами. Как вы на это смотрите?

Полесов покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Мне придется вернуться на

Меркурий. Там тоже нужны водители с крепкими нервами.

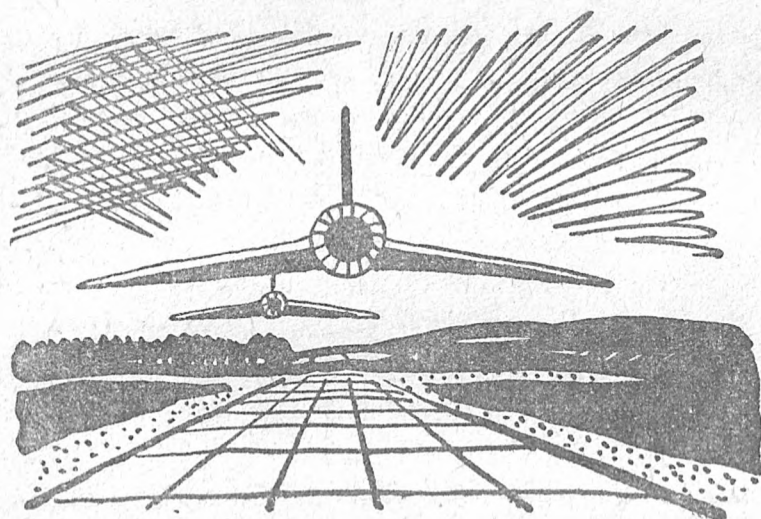
Иван Иванович насупился.

— Была бы честь предложена, — проворчал он.

— Вот они, — сказал Беркут.

Из-за тайги одна за другой беззвучно взлетели серебристые птицы, низко прошли над черной землей и сели, сложив крылья. Открылись люки, из них стали выскакивать люди в желтых защитных костюмах и больших шлемах.

— Аюпян прилетел, — сказал Беркут. — Пошли, товарищи.

ШЕСТЬ СПИЧЕК

1

Инспектор отложил в сторону блокнот и сказал:

— Сложное дело, товарищ Леман. Очень странное дело.

— Не нахожу, — сказал директор института.

— Не находите?

— Нет, не нахожу. По моему, все ясно.

Директор говорил очень сухо, внимательно разглядывая пустую, залитую асфальтом и солнцем площадь под окном.

У него давно болела шея, на площади не происходило ровно ничего интересного. Но он упрямо сидел отвернувшись. Так он выражал свой протест. Директор был молод и самолюбив. Он отлично понимал, что имеет в виду инспектор, но не считал инспектора вправе касаться этой стороны дела. Спокойная настойчивость инспектора его раздражала. «Вникает! — думал он со злостью. — Все ясно, как шоколад, — но вникает!»

— А мне вот не все ясно, — вздохнул инспектор.

Директор пожал плечами, взглянул на часы и встал.

— Простите, товарищ Рыбников, — сказал он, — у меня через пять минут семинар. Если я вам не нужен...

— Пожалуйста, товарищ Леман. Но мне хотелось бы поговорить еще с этим... «личным лаборантом». Горчинский, кажется?

— Горчинский. Он еще не вернулся. Как только вернется, его сейчас же пригласят к вам.

Директор кивнул и вышел. Инспектор, прищурившись, поглядел ему вслед. «Легковат, голубчик, — подумал он. — Ладно, дойдет очередь и до тебя».

Но очередь до директора еще не дошла. Сначала следовало разобраться в главном. На первый взгляд, действительно, все было как будто ясно. Инспектор Управления охраны труда Рыбников уже сейчас мог бы приняться за «Отчет по делу Комлина Андрея Андреевича, начальника физической лаборатории Центрального института мозга». Андрей Андреевич Комлин производил над собой опасные эксперименты и уже четвертый день лежит на больничной койке в полусне-полубреду, запрокинув щетинистый круглый череп, покрытый странными кольцеобразными синяками. Говорить он не может, врачи вводят в его организм укрепляющие вещества, и на консилиумах часто и злое еще звучат слова: «сильнейшее нервное истощение», «поражение центров памяти», «поражение речевых и слуховых центров...»

В деле Комлина инспектору было ясно все, что могло интересовать Управление охраны труда. Неисправность аппаратуры, небрежное с ней обращение, неопытность работников — все это здесь ни при чем.

Нарушений правил безопасности — во всяком случае, в общепринятом смысле — не было. Наконец, Комлин проводил опыты над собой втайне, и никто в институте ничего об этом не знал, даже Александр Горчинский, «личный» комлинский лаборант, хотя некоторые сотрудники лаборатории держатся на этот счет другого мнения.

Инспектор был не только инспектором. Чутьем старого научного работника он ощущал, что за отрывочными сведениями о работе Комлина, которыми он располагал, за странным несчастьем с Комлиным кроется история какого-то необычайного открытия. Перебирая в памяти показания сотрудников лаборатории, он убеждался в этом все больше.

За три месяца до несчастья лаборатория получила новый прибор. Это был нейтринный генератор, устройство для создания и фокусировки пучков нейтрино. Именно с появлением нейтринного генератора в физической лаборатории и началась цепь событий, на которые своевременно не обратили внимания те, кому это следовало сделать, и которые привели в конце концов к большой беде.

Именно в это время Комлин с видимой радостью переложил всю работу по незаконченной теме на своего заместителя, а сам с лаборантом Александром Горчинским заперся в комнате, где был установлен нейтринный генератор, и занялся, как он объявил, подготовкой серии предварительных опытов.

Чем они там занимались, стало известно лишь недавно, за два дня до несчастного случая, когда Комлин (совместно с Горчинским) сделал замечательный, «потрясший основы медицины» доклад о нейтринной акупунктуре. Но в течение трех месяцев работы с генератором Комлин трижды привлек внимание сотрудников.

Началось с того, что в один прекрасный день Андрей Андреевич обрелся наголо и появился в лаборатории в черной профессорской шапочке. Сам по себе этот факт, возможно, и не запомнился бы, но через час из «нейтринника» выскочил всклокоченный и бледный Горчинский и, по чьему-то образному выражению, «роня шкафы», кинулся к лабораторной аптечке. Выхва-

тив из нее несколько индивидуальных пакетов, он в том же темпе вернулся в «нейтринник», захлопнув за собой дверь. При этом один из сотрудников успел заметить, что Андрей Андреевич стоял у окошка, сияя голым черепом и придерживая правой рукой левую. Левая рука была измазана чем-то темным, вероятно кровью. Вечером Комлин и Гөрчинский тихо вышли из «нейтринника» и, ни на кого не глядя, прошли к выходу из лаборатории. Оба имели довольно удрученный вид, причем левая рука Комлина была обмотана бинтом.

Запомнилось и другое. Месяц спустя после этого происшествия младший научный сотрудник Веденеев встретил Комлина вечером в уединенной аллее Голубого парка. Начальник лаборатории сидел на скамейке с толстой, потрепанной книгой на коленях и что-то бормотал вполголоса, уставившись прямо перед собой. Веденеев поздоровался и присел рядом, Комлин сейчас же перестал бормотать и повернулся к нему, странно вытягивая шею. Глаза у него были «какие-то такие», и Веденееву захотелось немедленно удалиться. Но уходить сразу было неудобно, поэтому Веденеев спросил:

— Читаете, Андрей Андреевич?

— Читаю, — сказал Комлин. — Ши Най-ань, «Речные заводи». Очень интересно.

Веденеев по молодости лет почти не был знаком с китайской классикой и почувствовал себя еще более неловко, но Комлин вдруг захлопнул книгу, сунул ее Веденееву и попросил раскрыть наугад. Слегка смущенный, Веденеев повиновался. Комлин взглянул на страницу («один раз, мельком»), кивнул и сказал:

— Следите по тексту.

И принялся обычным своим звонким и ясным голосом рассказывать о том, как некто Ху Янь-чжо, взмахнув стальными плетками, ринулся на неких Хе Чжэня и Се Бао и как некто «Коротколапый тигр» Ван Ин и его супруга «Зеленая»... Тут только Веденеев понял, что Комлин читает страницу наизусть. Начальник лаборатории не пропустил ни одной строчки, не перепутал ни одного имени, пересказал все слово в слово и букву в букву. Закончив, он спросил:

— Были ошибки?

Ошеломленный Веденеев потряс головой. Комлин захохотал, забрал у него книгу и ушел. Веденеев не знал, что подумать. Он рассказал об этом случае некоторым из своих товарищей, и те посоветовали ему обратиться за разъяснениями к самому Комлину. Однако Комлин встретил вопрос Веденеева с таким искренним изумлением, что Веденеев, замявшись, перевел разговор на другую тему.

Но наиболее странными казались события, имевшие место буквально за несколько часов до несчастья.

В тот вечер Комлин, веселый, остроумный, славный, как никогда, показывал фокусы. Зрителей было четверо: Александр Горчинский, небритый и влюбленный в начальника, как девчонка, и молоденькие девушки-лаборантки — Лена, Дуся и Катя. Девушки задержались, чтобы закончить сборку схемы для завтрашней работы.

Фокусы были занимательные.

Для начала Комлин предложил кого-нибудь загибнотизировать, но все отказались. Тогда он сказал:

— Леночка, сейчас я буду отгадывать, что ты спрячешь в ящик стола.

Из трех спрятанных вещей он отгадал две, и Дуся сказала, что он подсматривает. Комлин возразил, что он не подсматривает, но девушки принялись над ним подшучивать, и тогда он заявил, что умеет взглядом гасить огонь. Дуся схватила коробок, отбежала в угол комнаты, зажгла спичку, и спичка, разгоревшись, вдруг погасла. Все страшно удивились и посмотрели на Комлина: он стоял, скрестив руки на груди и грозно хмуря брови, в позе иллюзиониста-профессионала.

— Вот это легкие! — сказала Дуся с уважением.

От нее до Комлина было шагов десять, не меньше. Тогда Комлин предложил завязать ему рот платком. Когда это было сделано, Дуся снова зажгла спичку, и спичка снова погасла.

— Неужели вы задуваете носом? — поразилась Дуся.

А Комлин сорвал платок, захохотал и, подхватив Дусю, прошелся с ней вальсом по комнате.

Затем он показал еще два фокуса: ронял спичку, и она падала не вниз, а как-то вбок, каждый раз отклоняясь от вертикали вправо на довольно большой угол («Опять вы дуете...» — неуверенно сказала Дуся); положил на стол кусок вольфрамовой спиральки, и спиралька, забавно вздрагивая, ползла по стеклу и падала на пол. Все, конечно, были страшно удивлены, и Горчинский стал приставать к нему, чтобы он рассказывал, как это делается. Но Комлин вдруг сделался серьезным и предложил перемножить в уме несколько многозначных чисел.

— Шестьсот пятьдесят четыре на двести тридцать один и на шестнадцать, — робко сказала Катя.

— Записывайте, — странным, напряженным голосом приказал Комлин и начал диктовать: — Четыре, восемь, один... — тут голос его упал до шепота, и он закончил скороговоркой: — Семь — один — четыре — два... Справа налево.

Он повернулся (девушек поразило, что он как-то сразу сник, сгорбился, словно стал меньше ростом), включая ноги пошел в «нейтринник» и заперся там. Горчинский некоторое время с тревогой смотрел ему вслед, а затем объявил, что Андрей Андреевич сосчитал правильно: если читать названные им цифры справа налево, то получится произведение — два миллиона четыреста семнадцать тысяч сто восемьдесят четыре.

Девушки работали до десяти, и Горчинский помогал им, хотя толку от него было мало. Комлин все не выходил. В десять они пошли домой, пожелав через дверь Комлину спокойной ночи. Наутро Андрея Андреевича отвезли в госпиталь.

Официальным результатом трехмесячной работы Комлина была нейтринная акупунктура — метод лечения, основанный на облучении мозга нейтринными пучками. Новый метод был необычайно интересен сам по себе, но какое отношение к нейтринной акупунктуре имела раненая рука Комлина? А необычная память Комлина? А фокусы со спичками, спиральками и устным умножением?

— Скрывал, от всех скрывал, — пробормотал инспектор. — Не был уверен или боялся подставить това-

рищей под удар? Сложное дело. Очень странное дело.

Щелкнул видеофон. На экране появилось лицо секретарши.

— Простите, товарищ Рыбников, — сказала секретарша, — товарищ Горчинский здесь и ждет вашего вызова.

— Пусть войдет, — сказал инспектор.

2

На пороге появилась громадная фигура в клетчатой рубаше с засученными рукавами. Над могучими плечами возвышалась могучая шея, увенчанная головой, заросшей густыми черными волосами, сквозь которые, однако, просвечивала маленькая плешь (или даже две плечи, как показалось инспектору) — фигура вдвигалась в кабинет спиной. Прежде чем инспектор успел удивиться, обладатель клетчатой рубашки, продолжая пятиться, сказал: «Пожалуйста, Иосиф Петрович», — и пропустил в кабинет директора. Затем вошедший аккуратно затворил дверь, неторопливо повернулся и отвесил короткий поклон. Лицо обладателя клетчатой рубашки и странных манер было украшено короткими, но весьма пушистыми усиками и казалось довольно мрачным. Это и был Александр Горчинский, «личный» лаборант Комлина.

Директор сел в кресло и молча уставился в окно. Горчинский остановился перед инспектором.

— А вы... — начал инспектор.

— Спасибо, — прогудел лаборант и сел, упершись в колени ладонями и глядя на инспектора серыми настороженными глазками.

— Горчинский? — спросил инспектор.

— Горчинский Александр Борисович.

— Очень приятно. Рыбников, инспектор Управления охраны труда.

— Оч-чень рад, — сказал Горчинский с оттяжкой.

— «Личный» лаборант Комлина?

— Не знаю, что это такое. Лаборант физической лаборатории Центрального института мозга.

Инспектор покосился на директора. Ему показа-

лось, что у того в уголках глаз искрится ехидная улыбочка.

— Так, — сказал Рыбников. — Над какими вопросами работали последние три месяца?

— Над вопросами нейтринной акупунктуры.

— Подробнее, пожалуйста.

— Есть доклад, — веско сказал Горчинский. — Там все написано.

— А я все-таки попросил бы вас поподробнее, — сказал инспектор очень спокойно.

Несколько секунд они глядели друг на друга в упор: инспектор — багровея, Горчинский — шевеля усами. Потом лаборант медленно прищурился.

— Извольте, — прогудел он. — Можно и поподробнее. Изучалось воздействие сфокусированных нейтринных пучков на серое и белое вещество головного мозга, а равно и на организм подопытного животного в целом.

Горчинский говорил монотонно, без выражения и даже, кажется, слегка покачивался в кресле.

— ...Попутно с фиксацией патологических и иных изменений организма в целом производились измерения тока действия, дифференциального декремента и кривых лабильности — неустойчивости — в различных тканях, а также замеры относительных количеств нейроглобулина и нейростромина...

Инспектор откинулся на спинку кресла и с восхищенной яростью думал: «Ну, погоди ты мне...» Директор по-прежнему глядел в окно, дробно постукивая пальцами по столу.

— ...последние, равно как и нейрокератин... — гудел лаборант.

— А скажите, товарищ Горчинский, что у вас с руками? — спросил инспектор неожиданно. Он терпеть не мог обороны. Он любил наступать.

Горчинский глянул на свои лежащие на подлокотниках кресла исцарапанные, покрытые синими зарубцевавшимися шрамами руки и сделал движение, словно хотел сунуть их в карманы, но только медленно сжал чудовищные кулаки.

— Обезьяна ободрала... — сказал он сквозь зубы. — В виварии.

— Вы делали опыты только над животными?

— Да, я делал опыты только над животными, — сказал Горчинский, чуть выделяя «я».

— Что случилось с Комлиным два месяца назад? — Инспектор наступал.

Горчинский пожал плечами:

— Не помню.

— Я вам напомню. Комлин порезал руку. Как это случилось?

— Порезал, и все! — грубо сказал Горчинский.

— Александр Борисович! — предостерегающе сказал директор.

— Спросите у него самого.

Светлые, широко расставленные глаза инспектора сузились.

— Вы меня удивляете, Горчинский, — тихо сказал он. — Вы убеждены, что я хочу вытянуть из вас что-нибудь такое, что может повредить Комлину... или вам, или другим вашим товарищам. А ведь все гораздо проще. Все дело в том, что я не специалист по центральной нервной системе. Я специалист по радиооптике. Всего лишь. И судить по собственным впечатлениям не имею права. И поставлен на эту работу не для того, чтобы фантазировать, а для того, чтобы знать. А вы мне истерики закатываете. Стыдно...

Наступило молчание. И директор вдруг понял, в чем сила этого немолодого, упорного человека. Видимо, понял это и Горчинский, потому что он сказал наконец, ни на кого не глядя:

— Что вы хотите узнать?

— Что такое нейтринная акупунктура? — сказал инспектор.

— Это идея Андрея Андреевича, — устало проговорил Горчинский. — Облучение нейтринными пучками некоторых участков коры вызывает появление... вернее, резкое возрастание сопротивляемости организма разного рода химическим и биологическим ядам. Зараженные и отравленные собаки выздоравливали после двух-трех нейтринных уколов. Это какая-то аналогия с акупунктурой — китайским лечением иглоукалыванием. Отсюда и название метода. Роль иглы играет пучок нейтрино. Конечно, аналогия чисто внешняя...

— А методика? — спросил инспектор.

— Череп животного выбривается, к голой коже пристраиваются нейтринные присоски... Это небольшие устройства для фокусировки нейтринного пучка. Пучок фокусируется в заданном слое серого мозгового вещества. Это очень сложно. Но еще сложнее было найти участки, точки коры, вызывающие фагоцитную мобилизацию в заданном направлении.

— Очень интересно, — совершенно искренне сказал инспектор. — И какие болезни можно так излечивать?

Горчинский ответил, помолчав:

— Многие. Андрей Андреевич полагает, что нейтринная акупунктура мобилизует какие-то неизвестные нам силы организма. Не фагоциты, не нервная стимуляция, а что-то еще, несравненно более мощное. Но он не успел... Он говорил, что нейтринными уколами можно будет лечить любое заболевание. Интоксикацию, сердечные болезни, злокачественные опухоли...

— Рак?

— Да. Ожоги... возможно, даже восстанавливать утраченные органы. Он говорил, что стабилизирующие силы организма огромны, и ключ к ним — в коре головного мозга. Нужно только обнаружить в коре точки приложения уколов.

— Нейтринная акупунктура... — медленно, словно пробуя звуки на вкус, произнес инспектор. Потом он спохватился: — Отлично, товарищ Горчинский. Очень вам благодарен. (Горчинский криво усмехнулся.) А теперь будьте добры, расскажите, как вы нашли Комлина. Ведь вы, кажется, были первым, кто обнаружил его...

— Да, я был первым. Пришел утром на работу. Андрей Андреевич сидел... лежал в кресле за столом...

— В «нейтриннике»?

— Да, в помещении нейтринного генератора. На черепе у него была обойма с присосками. Генератор был включен. Мне показалось, что Андрей Андреевич мертв. Я вызвал врача. Все.

Голос Горчинского дрогнул. Это было так неожиданно, что инспектор задержался с очередным вопросом. «Так-так», — отстукивал директор, глядя в окно.

— А вы не знаете, какой эксперимент ставил Комлин?

— Не знаю, — глухо сказал лаборант. — Не знаю. На столе перед Андреем Андреевичем стояли лабораторные весы, лежали два спичечных коробка. Из одного спички были вынуты...

— Пойдите. — Инспектор оглянулся на директора и снова взглянул на Горчинского. — Спички? Спички... При чем здесь спички?

— Спички, — повторил Горчинский. — Они лежали кучкой. Некоторые были склеены по две, по три. На одной чашке весов лежали шесть спичек. И там был листок бумаги с цифрами. Андрей Андреевич взвешивал спички. Это точно, я проверял сам. Цифры совпадают.

— Спички, — пробормотал инспектор. — Зачем это было ему нужно, хотел бы я знать... У вас есть хоть какие-нибудь соображения по этому поводу?

— Нет, — ответил Горчинский.

— Вот и сотрудники ваши рассказывали... — Инспектор задумчиво потер рукой подбородок. — Фокусы эти... с огнем, со спичками... Видимо, Комлин работал еще над какими-то экспериментами, помимо нейтринной акупунктуры. Но над какими?

Горчинский молчал.

— И опыты над собой он делал неоднократно. У него кожа на черепе сплошь покрыта следами этих ваших присосков.

Горчинский молчал по-прежнему.

— Вы никогда прежде не замечали у Комлина способности быстро считать в уме? Я имею в виду — до того, как он показывал вам свои фокусы.

— Нет, — сказал Горчинский, — не замечал. Ничего подобного не замечал. Теперь вы знаете все, что знаю я. Да. Андрей Андреевич делал опыты над собой. Испытывал на себе нейтринную иглу-луч. Да, полоснул себя бритвой по руке... Хотел проверить на себе, как нейтринная игла заживляет раны. Не вышло... тогда. И он вел параллельно какую-то работу в тайне от всех. От меня тоже. Что за работа, не знаю. Знаю только, что она связана с нейтринным облучением. Все.

— Кто-нибудь, кроме вас, знал об этом? — спросил инспектор.

— Нет. Никто не знал.

— И вы не знаете, какие эксперименты производил Комлин без вашего участия?

— Нет.

— Вы свободны, — сказал инспектор. — Можете идти.

Горчинский поднялся и, не поднимая глаз, повернулся к выходу. Инспектор глядел на его затылок. На затылке белели проплешины — не одна, а именно две, как и показалось ему в самом начале.

Директор смотрел в окно. Низко над площадью повис небольшой вертолет. Сверкая ртутным серебром фюзеляжа и тихонько покачиваясь, он принялся медленно поворачиваться вокруг оси. Сел. Откинулась дверца, из нее вылез пилот в сером комбинезоне, легко прыгнул на асфальт и пошел к зданию института, на ходу раскуривая папироску. Директор узнал вертолет инспектора. «На заправку ходил», — рассеянно подумал он.

Инспектор спросил:

— А не ведет нейтринная акупунктура к поражению психики?

— Вряд ли, — ответил директор. Комлин утверждает, что не ведет.

Инспектор откинулся на спинку кресла и стал глядеть в матово-белый потолок.

Директор сказал негромко:

— Горчинский уже не сможет работать сегодня. Напрасно вы так...

— Нет, — возразил инспектор, — не напрасно. И простите, товарищ Леман, вы меня удивляете. Сколько, по-вашему, у нормального человека может быть лысин? И эти шрамы на руках... До-остойный ученичок Комлина.

— Люди любят свое дело, — сказал директор.

Несколько секунд инспектор молча глядел на директора, катая на скулах желваки.

— Плохо они его любят, — сказал он, — по старинке любят, товарищ Леман. И вы их, этих людей, плохо любите. Мы богаты. Самая богатая страна в мире. Мы даем вам любую аппаратуру, любых подопытных животных, в любом количестве. Работайте, исследуйте, экспериментируйте... Так почему же вы так легкомы-

сленно транжирите людей? Кто вам позволил так относиться к человеческой жизни?

— Я...

— Почему вы не выполняете постановления Президиума Верховного Совета? Когда наконец прекратится это безобразие?

— Это первый случай в нашем институте, — сердито сказал директор.

Инспектор покачал головой.

— В вашем институте... А в других институтах? А на предприятиях? Комлин — это восьмой случай за последние полгода. Варварство! Варварский героизм! Лезут в автоматические ракеты, в автобатискафы, в атомные реакторы на критических режимах... — Он с трудом усмехнулся. — Ищут кратчайшие пути к истине, к победе над природой. И нередко гибнут. И вот ваш Комлин — восьмой. Разве это допустимо, профессор Леман?

Директор упрямо насунился.

— Бывают обстоятельства, когда это неизбежно. Вспомните о врачах, прививавших себе холеру и чуму.

— Эти мне исторические аналогии... Вспомните, в какое время мы живем!

Они помолчали. Близился вечер, в дальних от окон углах кабинета росли прозрачные серые тени.

— Между прочим, — сказал вдруг директор, не глядя на собеседника, — я распорядился вскрыть сейф Комлина. Мне принесли его рабочие записи. Думаю, вам тоже будет интересно ознакомиться с ними.

— Разумеется, — сказал инспектор.

— Только, — директор слабо улыбнулся, — в них слишком много... м-м... специального. Я мельком проглядел кое-что и боюсь, вам будет трудно. Я возьму их на сегодняшний вечер к себе и, если хотите, попытаюсь составить для вас конспект...

Инспектор откровенно обрадовался.

— Только не возлагайте на меня больших надежд, — поспешно предупредил директор. — Эти нейтринные иглы... Это было для всех как гром среди ясного неба. Никто и представить себе не мог чего-либо подобного. Комлин здесь пионер, первый в мире. Так что это может оказаться не под силу и мне.

Директор ушел.

Может быть, записи Комлина помогут? Инспектору очень хотелось, чтобы они помогли. Он представил себе Комлина с обоймой нейтринных присосков на голлом черепе, взвешивающего склеенные спички. Нет, это не акупунктура. Это что-то совсем новое, и Комлин, видимо, сам не верил себе, если проводил такие страшные опыты над собой, таясь от товарищей.

Славное время, хорошее время. Четвертое поклнение коммунистов. Смелые, самоотверженные люди. Они по-прежнему неспособны беречь себя, напротив — они с каждым годом все смелее идут в огонь, и требуются огромные усилия, чтобы сдержать этот океан энтузиазма в рамках мудрой экономии. Не по трупам своих лучших представителей, а по следам могучих машин и точнейших приборов должно идти человечество к господству над природой. И не только потому, что живые могут сделать много больше, чем сделали мертвые, но и потому, что самое драгоценное в мире — это Человек.

Инспектор тяжело поднялся и побрел к двери. Передвигался он без торопливости. Это, во-первых, было у него в крови, во-вторых, сказывался возраст, а в-третьих — нога.

«Ноют старые раны», — бормотал он себе под нос, когда ковылял через пустую приемную директора, сильно припадая на правую ногу.

3

Ранним утром следующего дня, как раз в тот час, когда врачи, так и не сумевшие разобраться в причинах заболевания, с радостью отметили, что к больному Комлину возвращается речь, — именно в этот час Рыбников и Леман снова сидели в директорском кабинете за огромным пустынным столом. Инспектор держал на коленях блокнот, перед директором лежала пачка бумаг — записки, диаграммы, чертежи и даже рисунки — рабочие записи Андрея Андреевича Комлина.

Директор говорил быстро, иногда бессвязно, уставившись покрасневшими от бессонной ночи глазами куда-то сквозь инспектора и иногда останавливаясь, словно прислушиваясь с изумлением к собственным словам.

Инспектор слушал, и связь событий становилась для него все более понятной. Вот что он узнал.

Облучением мозга нейтринными пучками Комлин занялся не случайно. Во-первых, этот вопрос был совершенно неясен. Методика получения пучков нейтрино «практической» плотности была разработана совсем недавно, и, получив нейтринный генератор, Комлин решил немедленно опробовать его.

Комлин многого ждал от этих опытов. Излучения высоких энергий (нуклоны, электроны, гамма-лучи) нарушают молекулярную и внутриядерную структуру белков мозга. Они разрушают мозг. Они неспособны давать каких-либо изменений в организме, кроме болезненных, патологических. Эксперимент подтверждает это. Другое дело — нейтрино, крохотная, лишенная электрического заряда элементарная частичка без массы покоя. Комлин рассчитывал, что воздействие нейтрино не вызовет ни взрывных процессов, ни молекулярной перестройки, что нейтрино будет вызывать в ядрах мозговых белков умеренное возбуждение, будет усиливать ядерные поля и, быть может, вызовет в мозговом веществе совершенно новые, неизвестные еще науке силовые поля. Как оказалось, все предположения Комлина блестяще подтвердились.

— Я понял в записях далеко не все, — прервал свой рассказ директор, — а кое-чему просто не могу поверить. Поэтому я расскажу лишь о самом главном — и о том, что может пролить свет на таинственную историю с фокусами. Хотя это тоже достаточно невероятно.

Начав опыты над животными, Комлин сразу же натолкнулся на многообещающую идею нейтринной акупунктуры. Подопытная обезьяна поранила лапу. Рана затянулась и зажила необыкновенно быстро. Так же быстро исчезли у нее из легких темные пятна — следы туберкулеза, столь обычного для обезьяны в умеренном климате.

Несколько собак было отравлено различными видами биологических ядов. Нейтринная «игла» вылечила животных очень быстро, причем хроматография показала, что почти весь яд был выделен животными в несвязанном виде. «Игла Комлина» (так Горчинский называл этот метод) излечивала туберкулез у обезьян в де-

сятки раз быстрее и успешнее самых мощных антибиотиков.

В своем известном докладе Комлин высказывал предположение о существовании в организме человека и животных скрытых целебных сил, пока еще неизвестных науке, но уже выявивших себя при опытах с нейтринной акупунктурой. Подробно излагалась программа перехода от опытов над животными к опытам над человеком — программа, предусматривающая переход от самых простейших и явно безопасных нейтринных уколов к более сложным и комбинированным. Предполагалось привлечение к опытам больших коллективов врачей, физиологов и психологов. Но...

Инспектор не ошибся, Комлин работал не только с нейтринной акупунктурой. Очень скоро опыты с нейтринным генератором показали, что необычайная мобилизация целебных сил организма — важное, но вовсе не единственное следствие облучения мозга пучками нейтрино. Подопытные животные вели себя странно. Правда, не все и не всегда. Излеченные кратковременным воздействием нейтринной иглы обычно не обнаруживали никаких отклонений в своем поведении, но «любимцы», над которыми производились многочисленные и разнообразные опыты, приводили обоих исследователей в изумление. И там, где молодой лаборант Горчинский видел только забавные или досадные шутки природы, интуиция большого ученого подсказала Комлину новое открытие.

Пес Генька (полное имя «Генератор») обнаружил вдруг склонность показывать цирковые фокусы, которым его никто никогда не учил: ходил на задних и даже на передних лапах, «здоровался», и Горчинский застал его однажды за странным занятием. Пес сидел на табуретке, уставившись в одну точку, и через правильные промежутки времени приподнимался и коротко гавкал, после чего садился снова. Горчинского он не узнал и зарычал на него.

Комлина поразила случай с павианом Корой. Кора сразу после облучения сидела в камере с Комлиным и мирно с ним «беседовала». Вдруг ее точно током ударило. Обезьяна увидела что-то в углу, грозно и жалобно заворчала и принялась пятиться. Ни уговоры, ни ласки

не помогали. Кора, отбежав в противоположный угол, сжалась в комок и просидела так целый час, следя глазами за чем-то невидимым, и время от времени издавала резкий вопль — сигнал опасности. Затем это прошло, но Комлин с удивлением заметил, что с тех пор Кора, входя в камеру, прежде всего оглядывалась на злосчастный угол.

Однажды Горчинский прибежал к Комлину с криком: «Скорее! Скорее!» — и потащил его в обезьянник. В одной из камер обезьянника сидел молодой гамадрил и жевал банан. Ни в банане, ни в гамадриле ничего странного не было, но и сторож и Горчинский в один голос утверждали, что были свидетелями чего-то совершенно фантастического. По их словам, гамадрила они застали в тот момент, когда он с видимым интересом наблюдал за кусочком бумаги, неторопливо, но уверенно ползущим по полу по направлению к нему, гамадрилу. Гамадрил потянулся к бумажке лапой, и Горчинский бросился искать Комлина. Сторож утверждал, что обезьяна съела бумажку, во всяком случае, в камере ее обнаружить не удалось. Попытка воспроизвести удивительное явление не увенчалась успехом.

— Вот что Комлин написал по этому поводу, — сказал директор, протягивая инспектору кусок миллиметровки.

Инспектор прочел: «Массовая галлюцинация? Или новое? Массовая галлюцинация с участием гамадрила — сама по себе вещь удивительная. Но тут что-то есть. С этим зверьем — обезьянами и собаками — ничего не узнаешь. Надо самому».

Комлин начал проводить опыты над собой. Скоро об этом узнал Горчинский и не замедлил последовать примеру начальника. Кажется, по этому поводу у них даже был небольшой скандал. В конце концов Горчинский обещал больше не экспериментировать, а Комлин обещал пробовать только самые простые, непродолжительные и безопасные уколы. Горчинский так и не узнал до самого дня катастрофы, что Комлин больше не занимался нейтринной акупунктурой.

— К сожалению, — продолжал свой рассказ директор, — в записках Комлина сохранилось довольно мало сведений относительно поистине поразительных

результатов его экспериментов. Записи становятся все более отрывочными и неудобочитаемыми, чувствуется, что зачастую Комлин не может подобрать слов для описания своих ощущений и впечатлений, выводы его теряют стройность и полноту.

Несколько страниц, вырванных из тетради, Комлин посвятил необычайной способности запоминать, появившейся у него после одного из экспериментов. Он записал: «Мне достаточно взглянуть на предмет один раз, и я вижу его во всех подробностях, как наяву, отвернувшись или закрыв глаза. Мне достаточно бросить беглый взгляд на страницу книги, чтобы затем прочесть ее по «изображению», отпечатавшемуся у меня в памяти. Кажется, на всю жизнь я запомнил несколько глав из «Речных заводов» и всю четырехзначную таблицу логарифмов от первой до последней цифры. Огромные возможности!»

Встречаются среди записей и соображения общего характера. «Память, мысль, рефлекс и навыки, — написал Комлин твердым почерком, словно раздумывая, — имеют определенную, пока неясную для нас материальную основу. Это азбука. Нейтринный пучок просачивается в эту основу и создает новую память, новые рефлекс, новые навыки. Так было с Генькой, Корой, со мной (мнемогенез — творение ложной памяти)».

Наиболее интересному и удивительному из всех открытий Комлина были посвящены последние несколько страничек, соединенных канцелярской скрепкой. Директор взял эти странички и поднял их над головой.

— Здесь, — сказал он очень серьезно, — ответ на ваши вопросы. Это нечто вроде конспекта или черновика будущего доклада. Прочесть?

— Читайте, — сказал инспектор.

— «Усилием воли нельзя даже заставить себя мигнуть. Нужна мышца. Нервная система играет роль датчика импульса, не больше. Ничтожный разряд, и сокращается мышца, способная передвинуть десятки килограммов, совершить работу, огромную в сравнении с энергией нервного импульса. Нервная система — это запал в пороховом погребе, мышца — порох, сокращение мышцы — взрыв.

Известно, что усиление процесса мышления усили-

вает электромагнитные поля, возникающие где-то в клетках мозга. Это биотоки. Сам факт, что мы способны это обнаружить, означает, что процесс мышления воздействует на материю. Правда, не непосредственно. Я решаю дифференциальное уравнение, поле мозга усиливается и смещает стрелку прибора, измеряющего это поле. Чем не психодвигатель? Поле—мышца мозга!

Появляется способность считать чрезвычайно быстро. Как я это делаю, сказать не могу. Считаю, и все. $1919 \times 237 = 454\,803$. Считаю в уме в течение четырех секунд по секундомеру. Это прекрасно, но не совсем понятно. Электромагнитное поле резко усиливается, а как другие поля мозга, если они существуют? «Мышца» развита. Но как ею управлять?..

Получается! Вольфрамовая спираль. Вес 4,732 грамма. Подвешена в вакууме на нейлоновой нити. Я просто смотрел на нее, и она отклонилась от начального положения на пятнадцать с небольшим градусов. Это уже нечто. Режим генератора...» Я говорил с Горчинским, —сказал директор, закончив чтение ряда цифр,—сегодня ночью. Он видел вакуумный колпак с подвешенной спиралькой. Потом прибор исчез. Видимо, Комлин разобрал его. «Психодинамическое поле — мышца мозга — работает. Не знаю, как это у меня получается. И ничего нет странного в том, что не знаю. Что нужно сделать, чтобы согнулась рука? Никто не ответит на этот вопрос. Чтобы согнуть руку, я сгибаю руку. Вот и все. А ведь бицепс — очень послушный мускул. Мышцу надо тренировать. Поля мозга тоже нужно научить работать. Вопрос — как?

Интересно, «усилием мысли» ни одной вещи я не могу поднять. Только передвигаю. И не по произволу. Спичку и бумагу — всегда вправо. Металл — к себе. Лучше всего обстоит дело со спичками. Почему?

Психодинамическое поле действует через колпак из стекла и не действует через газету. Чтобы воздействовать на предмет, мне надо видеть его. Гашу свечу. Расстояние — в пределах «нейтринника».

Убежден, что возможности мозга неисчерпаемы. Необходимы только тренировка и определенная активация, возбуждение белковых молекул и целых нейронов. Придет время, и человек будет считать в уме луч-

ше любой счетной машины, сможет за несколько минут прочесть и усвоить целую библиотеку...

Это страшно утомляет. Раскалывается голова. Иногда могу работать только под непрерывным облучением и к концу весь покрываюсь потом. Не надорваться бы. Сегодня работаю со спичками».

На этом записи Комлина кончались.

Инспектор сидел зажмурившись и думал о том, что, быть может, идее Комлина суждено принести богатые плоды. Но все это еще будет, а пока Комлин лежит в госпитале. Инспектор открыл глаза, и взгляд его упал на кусок миллиметровки. «...С этим зверьем — обезьянами и собаками — ничего не узнаешь. Надо самому», — прочитал он. Может быть, Комлин прав?

Нет, Комлин неправ. Неправ дважды. Он не должен был идти на такой риск, и, уж во всяком случае, не должен был идти на такой риск в одиночку. Даже там, где не могут помочь ни машины, ни животные (инспектор снова взглянул на кусок миллиметровки), человек не имеет права вступать в игру со смертью. А то, что делал Комлин, было именно такой игрой. И вы, профессор Леман, не будете директором института, потому что не понимаете этого и, кажется, восхищаетесь Комлиным. Нет, товарищи, говорю я вам! Под огонь мы вас не пустим! В наше время мы можем позволить себе отмерять семьдесят семь раз, прежде чем отрезать. В наше время вы, ваши жизни дороже для нас, чем самые грандиозные открытия.

Вслух инспектор сказал:

— Я думаю, что можно писать акт расследования. Причина несчастия понятна.

— Да, причина понятна, — проговорил директор. — Комлин надорвался, пытаясь поднять шесть спичек.

Инспектора провожал директор. Они вышли на площадь и неторопливо двинулись к вертолету. Директор был рассеян, задумчив и никак не мог приспособиться к неспешной, ковыляющей походке инспектора. У самой машины их догнал Александр Горчинский, взлохмаченный и мрачный. Инспектор, уже пожав руку директору, взбирался в кабину — это было трудно ему.

— Ноют старые раны, — пробурчал он.

— Андрею Андреевичу уже значительно лучше, — негромко сказал Горчинский. — Через месяц он будет здоров.

— Знаю, — сказал инспектор, усаживаясь наконец с довольным кряхтеньем.

Подбежал пилот, торопливо вскарабкался на свое место.

— Будете писать рапорт? — осведомился Горчинский.

— Буду писать рапорт, — ответил инспектор.

— Так... — Горчинский, шевеля усами, посмотрел инспектору в глаза и вдруг спросил высоким тенорком: — Скажите, пожалуйста, вы не тот Рыбников, который в шестьдесят восьмом году в Кустанае самовольно, не дожидаясь прибытия автоматов, разрядил какие-то штуки?

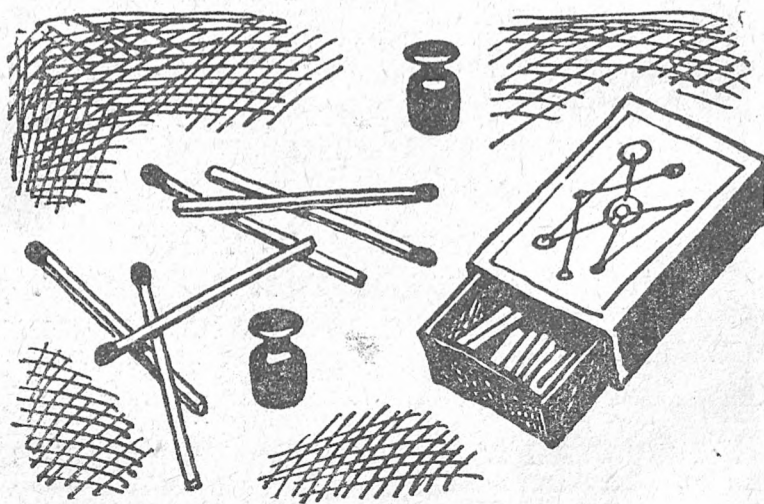
— Александр Борисович! — резко сказал директор.

— ...Тогда еще что-то случилось с вашей ногой...

— Прекратить, Горчинский!

Инспектор промолчал. Он крепко стукнул дверцей кабины и откинулся на мягком сиденье.

Директор и Горчинский стояли на площади и, задржав головы, смотрели, как большой серебристый жук со слабым гудением проплыл над семнадцатизэтажной бело-розовой громадой института и исчез в синем предвечернем небе.

ИСПЫТАНИЕ „СКИБР“

1

Ночь была ясная и лунная. Было очень холодно и тихо. Но они не замечали ни холода, ни тишины, ни лунного света. Потом Акимов увидел, что Нина сутулится и прячет ладони под мышки, и накинул на нее свою куртку. Нина остановилась.

— Ты рад, что я прилетела? — спросила она.

— Очень. А ты?

— Очень. Очень, милый! — Она встала на цыпочки и поцеловала его. — Я ужасно счастлива. Просто ужасно.

Акимов обнял ее за плечи и повернул лицом к долине.

— Смотри, — сказал он. — Это Серая Топь.

Над долиной висели серые полосы тумана. Вдали они сливались в плотное серебристое полотно, за которым застывшими волнами чернели холмы. Еще дальше в мутно-голубом небе были видны бледные тени вершин горного хребта. Было очень тихо, пахло росой на увядшей траве.

— Серая Топь, — повторил Акимов. — Наш полигон.

Нина прижалась к нему, пряча подбородок в куртку.

— Ты похудел, — сказала она. — Тебе не холодно?

— Нет.

— И ты стал выше.

— Не может быть, — сказал он. Он вытянул губы дудкой и выдохнул в лунный свет облачко пара. — Я себя отлично чувствую, малыш.

Они пошли дальше. Акимов продолжал обнимать ее за плечи, и это было удивительно хорошо, хотя и немного неудобно, потому что он был гораздо выше ее. Нина смотрела под ноги и старалась наступить на толстую тень, скользившую впереди по тропинке.

«Нам пора быть вместе, — подумал Акимов. — Мы знаем друг друга два года, а вместе были всего несколько недель. Как будто я межпланетник! И мы начинаем забывать друг друга. Например, я забыл, как она сердится. Помню только, что она очень забавна, когда сердится. Просто прелесть. Завтра я прогоню скибров по Серой Топи, и мы вернемся домой».

Он остановил ее и сказал торжественно:

— Завтра мы вернемся домой. Завтра мы будем дома вместе и навсегда.

— Вместе и навсегда... — повторила она с наслаждением. — Вместе и навсегда! Даже не верится.

Потом она сказала:

— А вот Быков... — Она не знала, почему вспомнила Быкова. — Вот Быков вернется домой нескоро.

Он промолчал.

— Быков будет лететь долгие годы. День за днем, месяц за месяцем. Далеко впереди сверкает звездочка... — Она заглянула ему в глаза. — А ты бы полетел?

— Еще бы! — сказал он. Он даже усмехнулся. — Только меня не возьмут.

— Почему?

— Потому что я слишком узкий специалист. А в такие экспедиции отбирают людей с двумя, с тремя специальностями... Мне не чета.

— Все равно, — сказала она. — Ты лучше всех.

Она улыбнулась и закрыла глаза. Можно было идти с закрытыми глазами. Он вел ее.

«Завтра мы вернемся домой, — подумала она. — А Быков улетит к звездам. Почему я думаю о нем? Большой, угрюмый Быков... Когда нас познакомили, он как-то странно поглядел на меня — словно прицеливался. Или мне показалось? У него широкое лицо и маленькие холодные глаза. Лицо, как у большинства межпланетников, покрыто пятнистым коричневым загаром. В турболете Быков молчал и перелистывал журналы...»

Она поглядела на Акимова снизу вверх.

— Слушай, — сказала она, — эти твои... скибры, они очень важны для космолетчиков?

— Вероятно.

— Я тоже думаю, что важны. Иначе зачем было Быкову приезжать за ними самому, правда?

— Правда.

«Действительно, почему Быков приехал сам?» — подумал он.

— Здесь ступеньки.

Она не заметила, как они поднялись на холм. Каменные ступеньки вели на широкую бетонную площадку. Посреди площадки темнел плоский купол из гофрированной пластмассы. Купол был мокрый от росы, и на нем лежали скользкие лунные блики.

— Что это? — спросила Нина.

Акимов сказал:

— Наша мастерская. Здесь мы держим наше Панургово стадо. Хочешь посмотреть?

— Конечно, хочу.

— Кстати, ты немножко согреешься.

Акимов повел ее к куполу. Толстая тень бежала те-

перь сбоку по бетону. Бетон был тоже мокрый от росы и блестел под луной. Они обошли купол кругом. Акимов пошарил в кармане, достал плоский свисток и приложил к губам. Нина не успела зажать уши. Она ощутила неприятный толчок в барабанные перепонки и сморщилась. Сегмент купола, шурша, сдвинулся, открывая низкую прямоугольную дверь.

— Терпеть не могу ультразвук! — жалобно сказала Нина. — По-твоему, обыкновенный замо́к хуже?

— Это не я, — сказал Акимов. — Это выдумки Сермуса. Входи.

Они вошли, и дверь сейчас же закрылась за ними. Мастерская осветилась. Нина тихонько ойкнула, попятилась и наступила Акимову на ногу. Акимов взял ее за плечи.

— Не бойся, малыш, — сказал он весело.

В нескольких шагах перед ними стоял странный механизм. Нина уже несколько лет работала мастером-наладчиком автоматов и видела немало странных машин, но таких чудовищ не видела никогда. Он был похож на гигантского муравья, вставшего на дыбы. Приплюснутое овальное брюхо покоилось на шести суставчатых рычагах, а над ним, как восклицательный знак, торчала не то грудь, не то шея, увенчанная тяжелой рогатой головой с крохотными тусклыми глазками. Перед грудью, словно передние лапы кенгуру, висели сложенные втрое мощные манипуляторы. Машина была величиной с годовалого теленка и выкрашена в сиреневый цвет. На спине ее четко выделялась черная двойка.

Нина огляделась. В стороне стояли еще два таких же чудовища. На их спинах были выведены единица и тройка. Она спросила:

— Это и есть скибры?

— Да, — сказал Акимов. — «СКИБР». Система кибернетических разведчиков. Собственно, это «кентавры». Хороши?

Она ответила шепотом:

— Хороши! Они похожи знаешь на кого? На богомоллов.

— На богомоллов? — Акимов с интересом оглядел машины, словно видел их впервые. — Пожалуй. Да,

очень похожи на насекомых. Но мы назвали их «кентаврами». Тоже похожи, правда? Пойдем.

Они направились к столу в глубине мастерской. Головы богомол-кентавров словно по команде повернулись к ним. Это было неожиданно и как-то неправдоподобно. Нина остановилась.

— Они следят за нами? — спросила она вполголоса.

— Не за нами, — сказал Акимов. — За тобой. Меня они знают. И потом, это не они, а он.

— Кто?

— Он. «Оранг».

Только теперь Нина заметила позади «кентавров», занумерованных единицей и тройкой, нечто вроде цистерны на широких гусеницах. В верхней части цистерны оживленно мигали разноцветные огоньки.

— «Оранг»? — сказала Нина. — Теперь, конечно, все понятно. Все очень просто и ясно.

— Я тебе объясню. Понимаешь... — Акимов подвел Нину к столу и усадил на единственную табуретку.

— Понимаешь, «СКИБР» — это система роботов, кибернетическая система. «Оранг» — управляющий орган системы, ее «большой мозг», а «кентавры» — ее эффекторы, исполнительные органы. Собственно, «Оранг» и три «кентавра» — это единый организм, части которого не связаны между собой механически. «Оранг» управляет «кентаврами», как мы управляем своими руками, ногами... глазами, скажем. Но управляет на расстоянии. Вот сейчас «Оранг» рассматривает тебя глазами своих «кентавров».

— Пусть бы уж он лучше не рассматривал, — сказала Нина, демонстративно поворачиваясь к роботам спиной. Но она не удержалась и спросила: — И это все ты изобрел сам?

— Нет, что ты! — Акимов даже засмеялся. — Конечно, нет. Я всего-навсего программист. Систему строили шесть заводских лабораторий и два института. Нам — Сермусу и мне — осталась только доводка — тонкое программирование. Правда...

Нина оглянулась и увидела, что «кентавр» с тройкой на спине как-то боком приближается к ним, неторопливо переступая шестью лапами-рычагами и тихонько покачивая головой.

— Вам что, товарищ? — спросила Нина.

«Кентавр» остановился.

— Видишь, «Оранг» хочет познакомиться с тобой поближе, — сказал Акимов. — Он очень любит знакомиться.

— В другой раз, если можно, — сказала Нина. — Когда-нибудь в другой раз.

Акимов засмеялся и достал из кармана ультразвуковой свисток. Нина зажала уши. Акимов свистнул, и «кентавр» прежним неспешным аллюром, не поворачиваясь, вернулся к «Орангу». Нина проводила его любопытным взглядом.

— Странная форма для машины, — заметила она. — Настоящий богомол.

Акимов сказал:

— По-моему, для эффекторного механизма форма очень рациональная. К тому же выдумали ее не мы.

— Кто же?

— «Оранг».

Нина прикусила губу и оглянулась на «Оранга». Сиреневая цистерна на гусеницах выглядела очень мирно.

— Слушай, — сказала Нина, — как устроен «мозг» этой системы? Ведь это не полупроводники, конечно?

— Ага, — засмеялся Акимов, — все-таки интересно? Специалист остается специалистом.

Нина и глазом не моргнула.

«СКИБР» представлял собой чрезвычайно сложный механизм, непрерывно воспринимающий обстановку и непрерывно реагирующий на нее в соответствии с требованиями основной программы — собирать и передавать самую разнообразную информацию об этой обстановке. Создание такого механизма потребовало отказа от классических форм кибернетической техники — полупроводников, губчатых метапластов, волноводных устройств. Необходимо было принципиально новое решение. Оно было найдено в использовании замороженных почти до абсолютного нуля квантово-вырожденных сложных кристаллов с непериодической структурой, способных претерпевать изомерные переходы в соответствии с поступающими сигналами. Были отыска-

ны и средства регистрации этих переходов и превращения их в сигналы на эффекторы.

Нина вздохнула:

— Нет, для меня это слишком сложно: Вырожденные кристаллы... Изомерные переходы...

— Я всегда говорил тебе, чтобы ты занялась теорией, — назидательно сказал Акимов.

— А время? Ведь я рисую.

— Да... Конечно. Я совсем забыл.

Он наклонился, взял ее руки в свои и приложил ее ладони к своим щекам. Щеки были горячие и колючие.

— Тебе бриться надо, — шепнула она.

— Угу...

Он испытывал блаженство. «Навсегда и вместе, — подумал он. — Вместе и навсегда».

Сиреневые страшилища почтительно таращились на них, «Оранг» меланхолично мигал цветными огоньками.

— Слушай, — спросила Нина, — а почему они сиреневые?

Акимов пожал плечами:

— Откуда я знаю? Если бы они были оранжевыми, ты спросила бы, почему они оранжевые. Это «Оранг» решает. Сегодня утром они были желтыми.

Нине стало смешно. Она прыснула и закашлялась. Акимов похлопал ее по спине.

— Я серьезно говорю, — сказал он. — Ведь это самоорганизующаяся система. И характеристики системы определяет сам «Оранг». И чем он руководствовался, окрашиваясь в сиреневый цвет, знает только он сам. Мы можем только догадываться. Может быть, это он из-за тебя.

— Поразительный нахал, — сказала Нина. — Интересно, что он этим хочет сказать? Подумай, ведь он и тебя мог бы выкрасить в сиреневый цвет. Или в желтый.

Она снова вспомнила Быкова и замолчала. Акимов сидел, закрыв глаза, и думал, какие у нее мягкие, теплые, сильные руки.

— Слушай, — сказала Нина, — ты думаешь, они помогут Быкову? Ты думаешь, Быков серьезно рассчитывает на них?

— Вероятно. Во всяком случае, с ними лучше, чем без них. Все-таки меньше риска. Вот Быков сажает корабль на неизвестной планете. О ней ничего нельзя сказать заранее. Сейчас нельзя даже наверняка сказать, что она существует. Он сажает корабль. Может быть, там камни взрываются под ногами. Или океаны из фтороводорода. Или электрические разряды в миллионы вольт. В общем, неизвестно и опасно. И Быков посылает на разведку роботов. Вот этих скибров. Роботы узнают все, расскажут, посоветуют, что делать. Так я себе это представляю.

— Тогда это очень важно, — проговорила Нина.

— Да...

«Если Быков решит садиться, — подумал Акимов. — Если вообще будет где садиться. Но главное — почему Быков приехал сам? Почему не приехал его кибернетист?»

— Мне уж-жасно хочется, чтобы Быкову понравились ваши скибры, — сказала Нина.

— Мне тоже. Завтра он посмотрит. Наше стадо в порядке генеральной репетиции пройдет по Серой Топи. Десять километров сюрпризов и развлечений.

— Каких сюрпризов?

— Всевозможных. — Он взглянул на часы: — Малыш, у нас еще целых шесть часов! Пойдем ко мне, я напою тебя чаем. Чудесным горячим чаем...

Они вышли из мастерской (сиреневые «кентавры» качнулись им вслед, но не двинулись с места) и остановились на краю бетонной площадки.

Ночь шла на убыль. Туман над Серой Топью стал плотнее, небо на востоке посветлело. Над бледными тенями далекого горного хребта висела яркая звезда — искусственный спутник «Цифэй», с которого фотонный исполин Быкова будет стартовать в межзвездное пространство.

2

Утром с юга приползли тяжелые тучи, и на землю посыпалась мелкая водяная пыль. Но туман над Серой Топью разошелся. Стали видны кусты с пожелтевшими листьями, кочковатые пригорки в щетинистой травке, темные болотные лужи.

Около одиннадцати к мастерской подъехал вездеход на шаровых шасси. Из вездехода вышел огромный грузный человек с темным, почти коричневым неподвижным лицом — Антон Быков, знаменитый межпланетник, сын и внук межпланетников, командир фотонного корабля «Луч». Он молча протянул руку — сначала Акимову, затем Сермусу — и медленно кивнул Нине, которая стояла в стороне, кутаясь в лиловый плащ.

— Здравствуйте, товарищ Быков. Можно начинать? — спросил Акимов.

— Можно, — сказал Быков. У него был глухой, бесцветный голос.

Сермус, очень взволнованный и поэтому непривычно суетливый, поднес к губам плоский свисток и беззвучно свистнул три раза. Дверь мастерской отползла в сторону. Сермус свистнул еще раз.

Первыми, как скаковые лошади из конюшни, выбежали сиреневые «кентавры», гуськом спустились по склону холма, огляделись, забавно поворачивая рогатые головы, и замерли. Послышалось стрекотание, и из мастерской выкатился «Оранг». Быков крикнул: «кентавры» и «Оранг» вдруг словно по волшебству окрасились в серо-стальной цвет.

«Оранг» перевалился через край площадки, осторожно сполз с холма и остановился рядом с «кентаврами».

— Фот наши шелесные тетишки, — сказал Сермус.

Акимову стало смешно. Во-первых, в «детешках» не было ни одного атома железа — они были построены из кремнийорганических пластиков, а привод их был биохимический, энергия генерировалась и использовалась непосредственно в их рабочих деталях. Во-вторых, сентенция Сермуса звучала не к месту высокопарно. Сермус был хороший парень, но обожал почувствованные слова. Акимов покосился на Быкова. Но Быков только кивнул, не отрывая взгляда от роботов.

Акимов кашлянул и сказал:

— Дано задание провести детальную разведку Серой Топпи точно с севера на юг в полосе шириной пятьсот метров. Длина маршрута — десять километров.

Маршрут осложнен различного вида искусственными препятствиями.

Он остановился, ожидая, что Быков спросит о препятствиях. Но Быков не спросил. Он смотрел на роботов и время от времени платком стирал с лица дождевую пыль. Акимов продолжал:

— При высадке на неизвестной планете рационально будет пускать скибров по спирали вокруг корабля. Здесь я не решился на это, так как в семи километрах к северу отсюда проходит шоссе. Большое движение.

— Вы опасаетесь, что роботы натворят на шоссе что-нибудь? — спросил Быков бесцветным голосом.

— Собственно... — Акимов посмотрел на Сермуса, оглянулся на Нину и улыбнулся: — Год назад у нас была небольшая неприятность.

Быков наконец отвернулся от роботов и уставился на Акимова. У Быкова были маленькие, без ресниц, острые бледные глаза.

— А именно? — спросил он.

Год назад, когда тонкая доводка программы была еще далеко не завершена, Акимов и Сермус выпустили систему в первый пробный поход. «Кентавры» должны были пройти через сосновый лес к шоссе, дойти до мачты релейной передачи и вернуться обратно, спилив предварительно дерево в тридцать сантиметров толщиной. Сначала все шло хорошо. «Кентавры» довольно аккуратно прошли через лес, понюхали шоссе, подошли к мачте... и спилили ее.

— Спилили мачту релейной передачи? — удивился Быков.

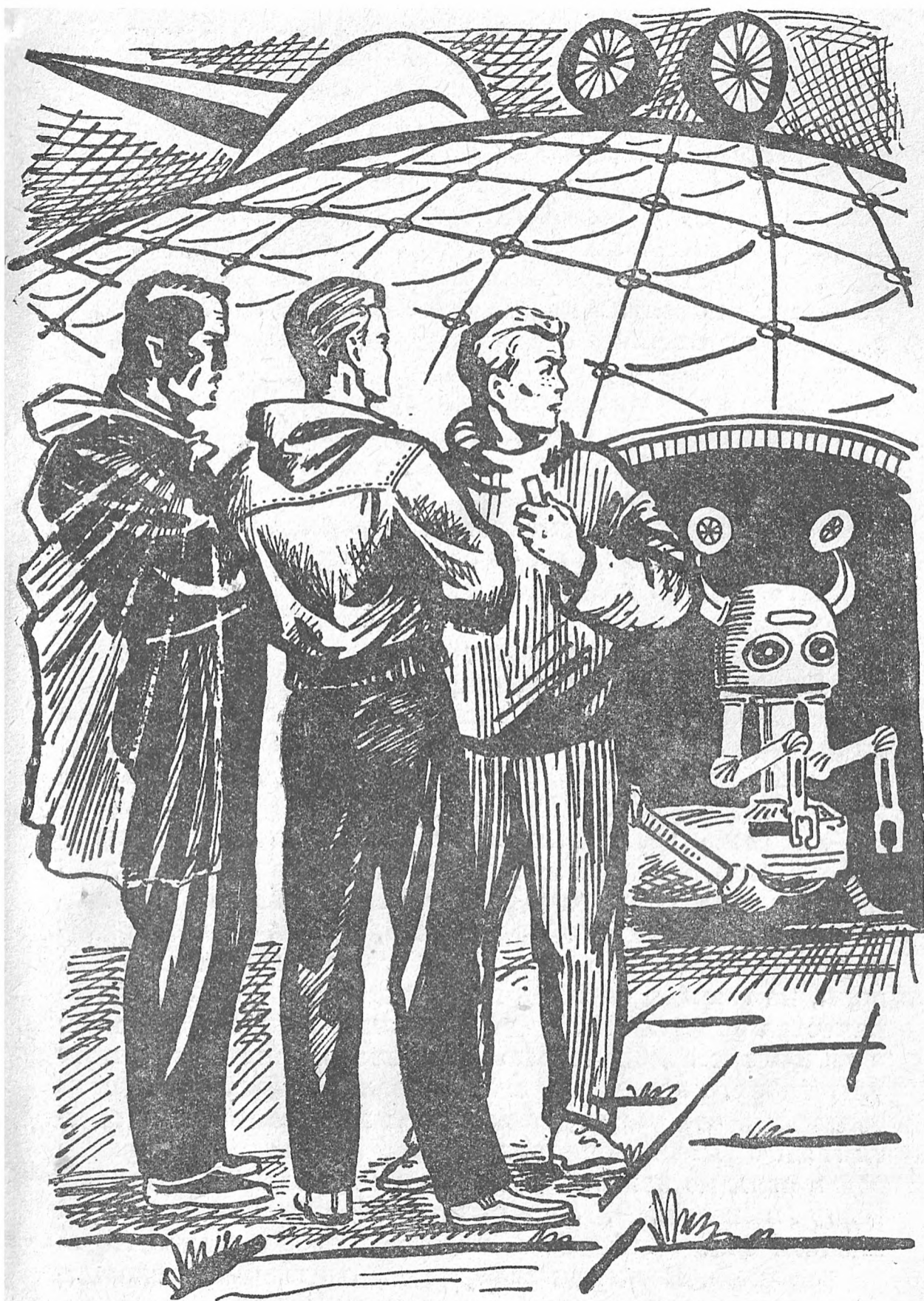
— Да. И у нас были неприятности с радистами.

Быков покачал головой и сказал:

— Это еще не так страшно. Вот если бы вместо мачты там оказался кто-нибудь из радистов... Радист, перепиленный пополам при исполнении служебных обязанностей.

Акимов ответил на эту вспышку межпланетного юмора вежливой улыбкой. Но Сермус, как всегда, все принял всерьез.

— О нет, — горячо сказал он. — Это нефосможно. Роботы никогда не причинят фрета лютям.

Первыми, как скаковые лошади из конюшни, выбежали сиреневые «кентавры».

— Теперь, разумеется, ничего подобного случиться не может, — сказал Акимов. — Но, знаете, уйти от зла... Все готово, Сермус?

— Котово.

— Пускай.

Сермус поднял к губам свисток, и испытание «СКИБР» началось. «Кентавры» неторопливо пошли вперед. Они шли зигзагами, то сходились, то расходились, шлепали по лужам и продирались через кусты. «Оранг», помигивая цветными огоньками, полз метрах в двадцати от них, подминая под гусеницы мокрую осоку.

Акимов повернулся к Быкову:

— В мастерской есть телевизоры. Можно наблюдать за системой со стороны или глазами «кентавров», как хотите.

— Я предпочел бы ехать вслед за ними.

— Можно и так, — согласился Акимов. — Но «Оранг» будет передавать данные разведки в мастерскую.

— Меня не интересуют данные разведки, — сказал Быков и пошел к вездеходу.

— Но метот перетачи информации... — растерянно начал Сермус.

— Меня не интересуется метод передачи информации, — сказал Быков не оборачиваясь.

«Что же тебя интересует тогда, старая черепаха?» — подумал Акимов. Ему очень захотелось двинуть Быкова кулаком в толстую коричневую шею. Быков ему не нравился. Кроме того, теперь было очевидно, что Быков, космогатор и старый межпланетный волк, не сможет оценить по достоинству великолепные качества скибров. В лучшем случае Быков похлопает в ладоши и одобрительно улыбнется. Если он умеет улыбаться, черти бы его побрали!.. Но тут Акимов вспомнил, что через два-три часа испытание закончится и он с Ниной вернется домой, а Быков на долгие годы, если не навсегда, улетит к звездам. Он посадил Нину в вездеход, сел рядом и прижался к ней плечом. Она улыбнулась, но в ее улыбке было что-то неуверенное. Вездеход заворчал и медленно покатился, переваливаясь через кочки, за огоньками «Оранга».

Дождь продолжался, но спектролитовый колпак вездехода оставался чистым и прозрачным. Впереди, метрах в пятидесяти, маячили за пеленой водяной пыли серые фигурки «кентавров». «Оранг» сильно отстал от них и полз теперь рядом, справа от вездехода, удивительно похожий на мокрого серого слоненка, неуклюжего и добродушного. Акимов сказал в широкую спину Быкова:

— При необходимости «кентавры» могут удаляться от «мозга» на расстояние до пяти, шести и даже до восьми километров.

Широкая спина даже не шевельнулась. Акимов почувствовал, что краснеет.

— В случае нарушения связи, — сказал он, повысив голос, — «кентавры» сами возвращаются и ищут «мозг». Тогда они переходят на световую и звуковую сигнализацию. Сами ищут, — повторил он отдельно.

Нина положила пальцы на его руку. Сермус смущенно покашлял в пухлую ладонь. Вездеход круто накренился, объезжая замшелый пенек, и в этот момент Акимов увидел глаза Быкова. Он увидел их всего на одну секунду в овальном зеркале перед местом водителя. Глаза разглядывали Акимова с каким-то странным, напряженным выражением. Вездеход выпрямился, и в зеркале запрыгала полуседая щетина над коричневым лбом.

Сермус кашлянул еще раз и сказал, галантно наклонившись к Нине:

— Феликолепные машины, не прафта ли, Нина Ифанофна?

Нина улыбнулась ему и поглядела на Акимова. Акимов хмурился и кусал губы. Во всяком случае, он больше не сердился. Нина сказала:

— Они слишком умны, эти ваши машины.

Сермус засиял и несколько раз кивнул головой.

— О, пока не столь утифительно, Нина Ифанофна. Интересное путет посше.

Прошло минут сорок. Половина маршрута осталась позади. «Кентавры» бежали деловито и немного суетливо, словно борзые на сворке, временами останавливаясь, чтобы не то осмотреть, не то обнюхать почву под ногами. Длинные шеи-груды и рогатые головы

плавно покачивались на ходу. «Кентавры» без задержки проламывались сквозь густой кустарник, расчищая широкие просеки для «Оранга», с ходу перебирались вброд через ручьи и топкие участки, оставляя за собой для «Оранга» надежные гати из высохших веток и охапок сухой травы.

На берегу рыжего заболоченного озера, самого скверного места Серой Топи, «кентавры» замешкались, запрыгали назад и вперед по брюхо в грязи. Затем они бросились в воду и поплыли, взбивая желтую пену, а «Оранг» пошел в обход, протиснулся между озером и границей пятисотметровой полосы и встретил их на противоположном берегу, облепленных тиной и скользкими водорослями.

Нина захлопала в ладоши. Сермус улыбнулся:

— Он перехитрил нас. Но это пока не столь утифительно.

Он огляделся, подумал и повернулся к Акимову:

— Фремя?

Акимов кивнул. Тогда Сермус достал из нагрудного кармана черный коробок радиодфона и нажал кнопку вызова.

— Архангельский слушает, — послышался слабый голос.

— Кофорит Сермус. Фремя, Коля.

— Есть, Эрнест Карлович!

Сермус спрятал радиодфон и стал смотреть вперед, вытянув шею, через голову водителя.

Вездеход шел почти бесшумно, поэтому они сразу же услышали доносившийся откуда-то прерывистый механический рев и скрежет и лязг металла. Нина почувствовала на спине неприятный холодок. Где-то в глубине ее подсознания эти звуки будили странные образы, жуткие и отвратительные. Вероятно, виноват был ее прадед, артиллерист, по семейным преданиям четыре года имевший дело с фашистскими танками на дымных полях Великой войны.

Да, это был танк. Старинная боевая машина, широкая и приземистая, вся в ярких пятнах оранжевой ржавчины. Танк появился сбоку на гребне холма и, разбрызгивая грязь, покатился на остановившихся «кентавров».

— Имитация активного нападения, — сказал Акимов. — На танке киберводитель, настроен на частоту управления системы.

— Где вы его откопали? — проворчал Быков. — Он не стреляет?

— Нет, — сказал Акимов.

«Действительно, где они его откопали?» — подумала Нина. Последние танки пошли в домны десятки лет назад, и раздобыть этот уникальный экземпляр было, вероятно, не просто.

«Кентавры» ждали. «Оранг» тихонько отполз ближе к вездеходу. Казалось, он колеблется, не зная, что предпринять. В искусственном мозгу с неуловимой быстротой менялись пространственные ориентации кристаллических решеток, возникали и мгновенно распадались диковинные, никем и никогда не зарегистрированные молекулярные связи, проносились электронные вихри и вихрики... «Оранг» думал — искал аналогии, сопоставлял, рассчитывал. Но ему еще не хватало данных. Нина подумала о настоящих живых людях, о тех, кто когда-то, давным-давно, впервые увидел перед собой танки.

— Танк раздавит их? — шепнула Нина.

— Тогда наша работа ни к черту не годится, — ответил Акимов. Чтобы лучше видеть, он привстал, держась за спинку сиденья. — Ага, наконец-то!

«Кентавры» перестроились, вытянулись цепочкой навстречу танку. Танк двигался на крайнего слева, помеченного единицей. Сетка дождя искажала перспективу, и казалось, что он уже среди «кентавров». Нине бросилась в глаза удивительная легкость, пожалуй, даже грация шестиногих роботов рядом с громоздкой зловещей машиной. Они даже пританцовывали на месте, словно боксеры перед схваткой.

В последний момент, когда испачканные мокрой землей гусеницы нависли над «кентавром», тот прыгнул в сторону. Танк проскочил несколько метров, окатив «единицу» водопадом грязной воды, выпустил клуб сизого дыма и с ревом развернулся на одной гусенице.

«Кентавры» вновь перестроились. «Единица» затанцевала на месте, «двойка» и «тройка» перебежали,

отрезая танку дорогу к «Орангу». «Оранг» неторопливо, даже как-то с ленцой, попятился еще немного. Огоньки на его корпусе погасли. Танк с громом и лязгом ринулся вперед, похожий на чудовищного носорога, ослепшего от ярости. «Кентавры», пританцовывая, дождались его и снова легко расступились. Тогда на серых боках «Оранга» вновь вспыхнул сложный рисунок огоньков. И в тот же момент танк остановился. Он остановился мгновенно, как вкопанный, надрывный рев двигателя стих, и все три «кентавра» мигом вскарабкались на него, активно шевеля манипуляторами. «Оранг» стоял, уютно пофыркивая и совершенно равнодушно мигая разноцветными огоньками.

— «Оранг» переменял частоту настройки, — сказал Акимов.

— Я думала, «Оранг» его уничтожит, — проговорила Нина, переводя дух.

— Сачем? — вскричал Сермус очень пронзительно. — «Оранк» просто всял на сепя управление! Сачем разрушать, если можно использовать? Молотец, «Оранк»! Умнитца, «Оранк»!

— И что теперь будет? — деревянным голосом спросил Быков.

— Посмотрим, — ответил Акимов сдержанно.

— А вы что — не знаете?

— Предполагаю, — сказал Акимов.

И Нина тотчас положила ладонь на его рукав.

«Кентавры» перестали возиться на танке, прыгнули, выстроились в цепь и побежали дальше. «Оранг» двинулся следом, а танк вдруг затрясся, лязгнув гусеницами, неуклюже развернулся и пополз в хвосте, уныло переваливаясь на кочках. По его ржавым бокам стекали дождевые струйки. У него был очень покорный и смиренный вид.

— Мы отстаем, — сказал Быков. — Поехали.

Вездеход догнал «Оранга» и покатился рядом. «Оранг» деловито («как ни в чем не бывало», — подумала Нина) шлепал гусеницами по мокрой траве. Покоренный танк полз левее, расплескивая грязь, оставляя за собой длинный шлейф сизого дыма. «Кентавры» бежали метрах в тридцати впереди. Они были изумрудно-зеленого цвета.

Дождь немного усилился, когда впереди появилась длинная высокая стена, сложенная из огромных гранитных глыб. Стена пересекала поперек полосу маршрута и выглядела очень солидно. Сермус крепко потер ладошки и покашлял насмешливо.

«Кентавры» медленно подкрались к стене, пощупали ее манипуляторами и вдруг разбежались в разные стороны вдоль гранитной преграды — один направо, двое влево. «Оранг» повернулся к стене боком и стал ждать.

— Давайте отойдем немного, — сказал Акимов водителю, и вездеход отполз на несколько метров назад. — Так, хватит.

«Кентавры» снова собрались вместе и выстроились перед стеной в ряд. «Оранг» неторопливо подполз к ним и остановился рядом. Танк сиротливо торчал в стороне, всеми покинутый и забытый.

— Берегите глаза, — сказал Акимов.

Что-то треснуло, и по серому граниту скользнула ослепительная фиолетовая молния. Стена дрогнула. Друмм! Друмм! Над стеной взлетел фонтан серого дыма вперемешку с гранитной щебенкой. Друмм! Друмм! На граните вспыхивали малиновые пятна, и было видно, как разлетаются циклопические глыбы и стена оседает, разорванная широкими уродливыми трещинами. Друмм! Дррах! «Кентавры» и «Оранг» стояли перед стеной и по очереди расстреливали ее крошечными ампулами с замкнутыми в магнитные кольца струйками дейтериевой плазмы. Расстреливали спокойно, деловито, не торопясь.

Через минуту все было кончено. Стрельба прекратилась, стало очень тихо, слышно было, как что-то шипит и трещит в раскаленном щебне. «Кентавры» двинулись в широкий пролом, окутанный серым облаком дыма и пыли. «Оранг» подождал немного, пропустил вперед себя танк и тоже нырнул в горячее облако.

— Хорошо! — коротко сказал Быков.

Но Акимов снова поймал в зеркальце его взгляд — странный, какой-то напряженный, словно межпланетник хотел и не мог себя заставить сказать что-то. Прославленный Быков был чем-то встревожен, и эта тревога была непонятным образом связана с ним, Акимовым.

вым, рядовым инженером-программистом. Это было очень странно.

Вездеход, тяжело скрипя по гранитным обломкам, миновал пролом. Стена была толстая, очень толстая — не менее двух метров.

— Фот, фитите, Нина Ифанофна, — торжествуя сказал Сермус. — Фот тот столпик. Это конец маршрута.

Танк остановился. «Кентавры» торопливо приблизились к столбику, обнюхали его, окрасились в серо-стальной цвет и вернулись к «Орангу». Испытание окончилось.

— Вот и все, — сказал Акимов устало. — Теперь можно домой.

Нина счастливо улыбнулась.

— Вместе и навсегда, — прошептала она.

И тут Быков обернулся.

— Мне нравятся ваши машины, — сказал он. — Они нам нужны. И вот что... — Он помолчал. — Мне нужно поговорить с вами, Акимов. Если нетрудно, зайдите ко мне после обеда.

3

Вероятно, Быков просто не знал, с чего начать. Он щурился на серое небо за прозрачной стеной, кряхтел, гладил колени и барабанил по подлокотнику кресла толстыми, сильными пальцами. Пальцы были коричневые, в неправильных белых пятнах — следах космических ожогов. «Интересно, долго он будет молчать?» — подумал Акимов. Потом он подумал, что турболет в Новосибирск улетает через два часа. Потом он вспомнил, что оставил в мастерской подарок Нины — букет «вечных» цветов. Потом он подумал, что Нина, вероятно, уже упаковала чемоданы и теперь болтает с Сермусом. Сермус оставался в мастерской еще на неделю, и Акимову было немного неловко перед ним.

— Так вот, — сказал Быков бесцветным голосом. — Дело вот в чем...

После этого он опять замолчал на минуту, хрустнул пальцами и пожевал губами. Акимов нетерпеливо зарезал в кресле.

— Да. Дело вот в чем... — повторил Быков. — Скажите, Акимов, вы... Вы ведь работали над системой около двух лет, так?

— Так, — согласился Акимов.

— Сложное это дело — тонкое программирование?..

Тонкое программирование «мозга» нового типа потребовало строжайшей изоляции места работы от всех внешних влияний. Поэтому работы пришлось проводить не в исследовательском центре, а здесь, вдали от крупных предприятий, от мощных линий силовых передач, от шума и гула большого города, в изостатических помещениях на глубине пятидесяти метров под холмом с пластмассовым колпаком. И поэтому Акимов провел здесь два года почти безвыездно, в напряженной ювелирной работе.

Но Акимов не стал говорить об этом Быкову. Он сказал только:

— Да, довольно сложное.

— Чем вы думаете заниматься дальше? — спросил Быков.

Акимов неохотно сказал:

— Буду работать в Новосибирском университете. Нельзя тратить по два года на каждую систему. У нас с Сермусом есть кое-какие идеи. Программирование программирования.

У них были «кое-какие идеи», и эти идеи очень увлекли их: рассчитать криотронные кристаллизаторы, выращивать готовый, запрограммированный «мозг»... Привлечь к этому делу математиков, физиков, в первую очередь «гения кибернетики» профессора Сунь Си-тао из Кайфына. Но он не стал говорить и об этом.

Впрочем, Быков не настаивал. Он помолчал, побабанил пальцами по подлокотнику и с трудом произнес:

— Дело, собственно, в том, что... Да. Видите ли, две недели назад наш кибернетист сломал позвоночник. Спортивные игры, несчастный случай. Да. Он лежит в госпитале... Говорят, он уже никогда не сможет летать.

«Турболет улетает через полтора часа», — подумал Акимов. И вдруг он понял, о чем говорит Быков.

— Сломал позвоночник? — спросил он. — И никогда уже не сможет летать?

Быков кивнул, не поднимая глаз:

— Никогда. А мы стартуем через неделю.

Акимов встал, не спуская глаз с Быкова, и снова сел.

— Мы обратились в Институт экспериментальной кибернетики, — сказал Быков, — и нам порекомендовали вас. Вы абсолютно здоровы, вы отлично знаете свою систему, вы... Разумеется, если вы откажетесь, мы найдем кого-либо другого. Я понимаю, принять такое решение трудно... очень трудно...

— Нет, — поспешно сказал Акимов. — Я согласен. Разумеется, я согласен. Никто лучше меня не знает систему. Лучше меня и Сермуса. Но у Сермуса слабое здоровье...

— Я знаю.

Акимов почувствовал себя спокойнее и вдруг понял, почему Быков вел себя так странно. Звездолетчик Быков опасался, что кибернетист Акимов откажется от участия в полете. И звездолетчик Быков приехал сюда специально для того, чтобы уговаривать кибернетиста Акимова. Акимову стало смешно. Да, Быков — пожилой человек, и он уже забыл, что значит быть молодым и всей душой стремиться к неведомому. Акимов торопливо перебрал в памяти своих друзей и знакомых. Любой из них не стал бы колебаться и минуты.

— Кроме того, — продолжал Быков, — у Сермуса большая семья.

Тогда Акимов вспомнил ночь, многие ночи, яркий спутник «Цифэй» над горизонтом. И маленькую, хрупкую Нину, которая так счастлива, что они будут вместе и навсегда.

— Но мне понадобится помощник, — сказал он возможно спокойнее. — Сервомеханик.

Быков поднял на него бледные глаза и поджал губы.

— Сколько она весит? — спросил он резко.

— Кто? — не понял Акимов.

— Ваша жена, конечно.

Акимов вытер ладонью испарину на лбу.

— Не знаю точно. Кажется, сорок пять килограммов.

— Звездный перелет, — сказал Быков, — это не прогулка. Это опасно...

Акимов промолчал.

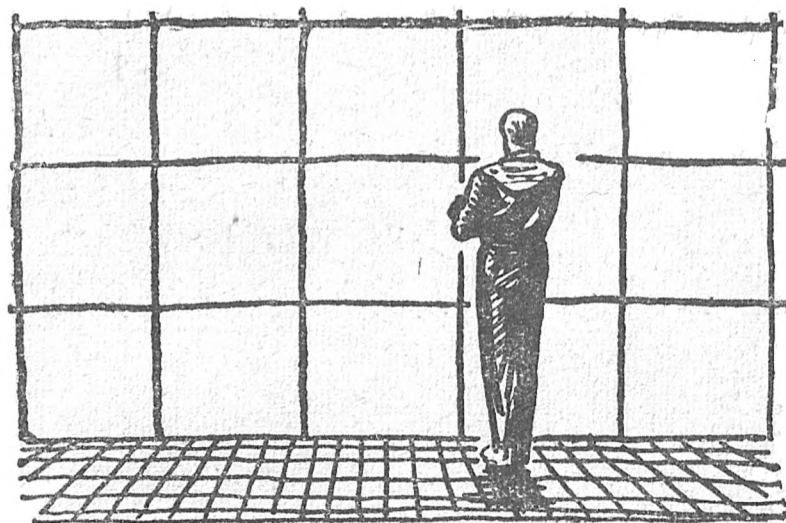
— Хорошо! — сказал Быков. — В экспедиции есть две женщины. Пусть будет и третья.

Акимов встал, кивнул и пошел к двери. На пороге он обернулся и сказал насмешливо:

— Не советую вам мерять людей на килограммы, товарищ Быков. С вашего разрешения, я сейчас попрошу Нину Акимову зайти к вам.

Быков отвернулся к прозрачной стене. Дождь прекратился, серые тучи разошлись, открывая синее небо, в каплях на стекле загорелись крошечные радуги. «Старый дурак! — подумал Быков. — Старый брюзгливый дурак! Интересно, сколько поколений еще потребуется, чтобы старые брюзгливые дураки перестали повторять: «Вот были люди в наше время...»?» Он сказал, не оборачиваясь:

— Да, пожалуйста, попросите, товарищ Акимов.

ЧАСТНЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

1

Поэт Александр Нудряшов

Валя Петров сам пришел ко мне сообщить об этом. Он стянул с головы берет, пригладил волосы и сказал:

— Ну вот, Саня, все решено.

Он сел в низкое кресло у стола и вытянул свои длинные ноги. Он посмотрел на меня и улыбнулся. Я спросил:

— Когда?

— Через декаду. — Он вертел в пальцах, склады-

вал и разглаживал берет. — Все-таки назначили меня. Я было совсем потерял надежду.

— Нет, почему же, — сказал я. — Ведь ты опытный межпланетник.

— Здесь это не имеет значения.

Я достал из холодильника лимонный сок и мед. Мы смешали и выпили.

— Стартуем с «Цифэя», — объявил он.

— Где это?

— Внеземная станция. Спутник Луны.

— Вот как, — сказал я. — Я думал, Цифэй — это созвездие.

— Созвездие — это Цефей, — пояснил он. — А «цифэй» по-китайски значит «старт». Собственно, это стартовая площадка для фотонных кораблей.

Он поставил бокал на стол, надел берет, встал, протянул руку.

— Ладно, — сказал он. — Я пойду.

— А Ружена? Ружена уже знает?

— Нет. Она еще не знает. Я еще не говорил ей.

Он снова сел в кресло. Мы помолчали.

— Это надолго? — спросил я.

Я знал, что это навсегда.

— Нет, не очень, — ответил он. — Собственно, мы рассчитываем вернуться через двести лет. Или двести пятьдесят. Ваших, земных, конечно. Очень большие скорости. Почти круглое «це». Ладно... Мне надо идти.

Но он не поднимался.

— Выпьем вина, — предложил я.

— Давай.

Мы чокнулись, выпили по бокалу золотистой «Явы».

— Знаешь, — сказал он, — даже не верится. Что ж, перед нами стартовал Горбовский, а перед Горбовским — Быков. Я третий. Готовятся еще две экспедиции. И будут, наверное, еще несколько. Ведь для нас это пустяки. Десять лет рейса, от силы пятнадцать.

— Да-да, конечно, — пробормотал я. — Эйнштейновское сокращение времени и все такое...

Он встал.

— Пойду... Ты будешь провожать меня?

Я кивнул. Он поправил берет и пошел к двери. У дверей остановился.

— Спасибо, Саня, — сказал он.

Я не ответил. Просто не мог сказать ни слова.

С Петровым на «Муромце» уходили еще пять человек. Трех я знал: Ларри Ларсена, Сергея Завьялова и Сабуро Микими. Ларсен даже был моим другом, хотя и не таким близким, как Валя. Провожавших было человек десять. Когда до старта осталось около часа, все расселись в кают-компаниях «Цифэя». На «Цифэе» не было тяжести, и нас обули в ботинки с магнитными подковами. Ружена и Валя держались за руки. Ружена сильно изменилась за это время. Она похудела, глаза ее стали еще больше, и она все время покусывала нижнюю губу. Она была очень красива, я даже не думал, что женщина может быть такой красивой. Валя держал ее за руку и улыбался. Мне показалось, что мысленно он уже со страшной скоростью несется среди отдаленных звезд. Он и Ружена молчали. Только один раз она что-то сказала вполголоса, и он погладил ее по руке.

Остальные тоже молчали. Молоденькая девушка в оранжевом, провожавшая межпланетника, которого я не знал, время от времени всхлипывала. Он краснел и похлопывал ее по плечу ладонью. Я испытывал удивление и недоверие. Мне не раз приходилось провожать людей в Пространство. Другим, наверное, тоже. Но сейчас все было по-другому. С этими шестерыми мы прощались навсегда. Я подумал, что они вернуться, когда никого из нас не останется в живых — ни меня, ни Ружены, ни девочки в оранжевом. Их встретят наши потомки. Может быть, даже их собственные потомки. Через столетия Валя Петров познакомится с девушкой, по фамилии Петрова. «Собственно, я знал одного Петрова, — скажет Валя. — Он был начальником Третьей звездной экспедиции. Мы были друзьями детства. Может быть, вы его внучка?» — «Кажется, — ответит девушка. — Только не внучка, а пра-пра-пра-пра...»

— Ты не огорчайся, — сказал Валя громко.

— Я не огорчаюсь, — ответила Ружена.

— Это ведь очень нужно.

— Я понимаю.

— Нет, — сказал Петров, — ты не понимаешь, Руженка! Ты совсем ничего не понимаешь. Вот и Александр не понимает. Сидит Александр и думает: «Ну зачем им это нужно?» Верно, Саня?

Он смеялся. Нет, он не угадал, о чем я думаю. Я знал Валентина с детства и очень любил его. Но он был совсем не такой, как я. Мне всегда казалось, что он издевается надо мной. Он принадлежал к другой породе людей. Он был немножко фанфарон и позер. И он был необыкновенный смельчак. Мало кто решался на штуки, которые он позволял себе, а те, кто решался, отступали или гибли. Но ему все удавалось. Он с улыбочкой шел над пропастями. Наверное, он очень любил себя такого — веселого, небрежного и неуязвимо-го. Другие тоже любили его. И Ружена любила его. Но что ему? Он и в двадцать четвертый век войдет, наверное, так же — весело улыбаясь и постукивая себя по изношенному ботинку тросточкой, вырезанной бог знает на какой планете.

В кают-компанию вполз беловолосый загорелый юноша и сказал:

— Пора, товарищи.

Мы встали. Девушка в оранжевом громко всхлипнула. Я поглядел на Ружену и Петрова. Они обнялись, и он зарылся носом в ее волосы.

— Все, — сказал он. — Прощай, ласонька.

Ружена молчала.

— Не огорчайся, — сказал он.

Она отстранилась от него и попыталась поправить прическу. Волосы не ложились.

— Иди, — попросила она. — Иди. Я не могу больше. Пожалуйста, иди. — У нее был низкий, непривычно ровный голос. — Прощай!

Он поцеловал ее и, не спуская с нее глаз, попятился к выходу. Он пятился, щелкая по полу магнитными подковами, и глядел на нее не отрываясь, словно боялся, что она выстрелит ему в спину. Лицо у него было белым, и губы тоже были белыми, но он улыбался. У люка его заслонили широкий Ларри Ларсен, незнакомый межпланетник, которого провожала девушка в

оранжевом, затем другой незнакомый межпланетник, затем Сережа Завьялов.

— До свидания, Руженка! — крикнул Петров.

Я только позже вспомнил, что он сказал «до свидания», и подумал, что он оговорился.

Когда они вышли и люк за ними захлопнулся, беловолосый юноша нажал какие-то кнопки в стене. Оказалось, что сферический потолок кают-компания служил чем-то вроде стереотелеэкрана. Мы увидели «Муромца». «Муромец» был первоклассным кораблем с прямоточным фотонным приводом на аннигиляции. Он захватывал и сжигал в реакторе космический газ и пыль и еще что-то, что бывает в Пространстве, и имел неограниченный запас хода. Скорость у него тоже была неограниченной — в пределах светового барьера, конечно. Он был огромных размеров, что-то около полукилометра в длину. Но нам он казался серебряной игрушкой, повисшей в центре экрана на фоне частых звезд.

Мы глядели на него, как заворуженные. Потом кто-то громко высморкался, кажется девушка в оранжевом. Экран осветился. Свет был очень яркий, как молния, белый с лиловым. Этот свет ослепил меня. А когда разноцветные пятна уплыли из глаз, на экране остались только звезды.

— Стартовали! — крикнул беловолосый юноша.

По-моему, он завидовал.

— Улетел... — прошептала Ружена.

Она подошла ко мне, неуклюже переставляя ноги в подкованных ботинках, и положила руку на мой рукав. У нее дрожали пальцы.

— Мне очень тоскливо, Саня. Я боюсь.

— Если позволишь, я буду возле тебя, — сказала я.

Но она не позволила. Мы вернулись в Новосибирск и расстались. Я сел за поэму. Мне хотелось написать большую поэму о людях, которые уходят к звездам, и о женщине, которая осталась на прекрасной зеленой Земле. Как она стоит перед уходящим другом и говорит низким, ровным голосом: «Иди. Я не могу больше. Пожалуйста, иди». А он улыбается белыми губами.

Через полгода рано утром Ружена позвонила мне.

Она была такой же бледной и большеглазой, как тогда на «Цифэе». Но я подумал, что в этом виноват сиреневый оттенок, какой иногда бывает у видеоэкрана.

— Саня, — сказала Ружена. — Я жду тебя на аэродроме, стратоплан ЛТ-347. Приезжай немедленно.

Я ничего не понял и спросил, что произошло. Но она повторила: «Жду тебя», и повесила трубку.

На ближайшей площади я сел в вертолет и помчался на аэродром. Утро было ясное и прохладное. Это немного успокоило меня. На аэродроме меня проводили к большому пассажирскому стратоплану, готовому к отлету. Стратоплан взлетел, едва я вскарабкался в кабину. Я больно стукнулся грудью о какую-то раму. Затем я увидел Ружену и сел рядом с ней. Она действительно была бледна и покусывала нижнюю губу.

— Куда мы летим? — осведомился я.

— На Северный ракетодром, — ответила она. Она долго молчала и вдруг сказала: — Валентин возвращается.

— Что ты?!

Что я мог еще сказать? Перелет длился два часа, и за эти два часа мы не сказали ни слова. Зато другие пассажиры говорили очень много. Все были очень возбуждены и настроены недоверчиво. Никто не понимал, почему «Муромец» возвращается. Я узнал, что вчера вечером была получена радиограмма от Петрова: начальник Третьей звездной сообщал, что на «Муромце» вышли из строя какие-то устройства и он вынужден идти на посадку на земной ракетодром, минуя внешние станции.

— Петров просто испугался, — сказал пожилой толстый человек, сидевший позади нас. — Это не удивительно. Это бывает в Пространстве.

Я глядел на Ружену и видел, как дрогнул ее подбородок. Но она не обернулась. Обращиваться не стоило. Петров не умел пугаться.

— Так было с Конгом, — подтвердил кто-то.

— А параллельный прием? — спросил молодой межпланетник. У него было изуродованное лицо и злые глаза.

И все стали рассуждать относительно параллельного приема. Оказывается, и до и после радиограммы Петрова с «Муромца» почему-то продолжали поступать сигналы, отправленные еще в первую неделю после отлета. Сигналы были страшно искажены, но в каждом из них явственно проступало рутинное «ВТ» — «все благополучно». Спор был в самом разгаре, когда стратоплан стал снижаться.

Мы опоздали. «Муромец» уже сел, и мы сделали над ним два круга. Я хорошо разглядел корабль. Это уже не была елочная игрушка. Посреди тундры под синим небом стояло, накренившись, громадное сооружение, изъеденное непонятными силами, покрытое странными потеками. От него поднимался розовый пар.

— Это — трусость? — проговорил межпланетник с изуродованным лицом.

Стратоплан приземлился километрах в десяти от «Муромца». Ближе было нельзя — «Муромец» заразил местность при посадке. Мы вышли. Верхняя часть корабля черной тенью висела над горизонтом. От земли поднималось влажное тепло, время тянулось бесконечно долго. Прибыло еще несколько стратопланов. Мы ждали. Наконец послышалось стрекотание, и низко над нашими головами прошел вертолет. Вертолет сел в сотне шагов от нас.

Затем произошло чудо.

Из вертолета вышли трое и медленно направились к нам. Впереди шел высокий худой человек в поношенном комбинезоне. Он шел и похлопывал себя по ноге тростью изумрудного цвета. За ним следовал приземистый мужчина с пушистой рыжей бородой и еще один, сухой и сутулый. Мы молчали. Мы еще не верили. Трое подошли ближе, и тогда Ружена закричала:

— Баля!

Человек в поношенном комбинезоне остановился, отбросил трость и почти бегом кинулся к нам. У него было странное лицо: без губ. Не то лицо было таким красным, что губы не выделялись на нем, не то губы были слишком бледными. Но я сразу узнал Петрова. Впрочем, кто, кроме Петрова, мог прилететь на «Муромце»? Но этот Петров был почти стар, и у него не

было левой руки — пустой рукав заправлен под пояс комбинезона. И все-таки это был Петров!

Ружена побежала к нему навстречу. Они обнялись. Человек с рыжей бородой и сутулый человек тоже остановились. Это были Ларри Ларсен и тот незнакомый пилот, которого полгода назад провожала девушка в оранжевом.

Мы молча окружили их. Мы смотрели во все глаза. Петров торжественно сказал:

— Здравствуйте, товарищи! Простите, многих из вас я, вероятно, позабыл. Ведь мы виделись в последний раз семнадцать лет назад...

Никто не проронил ни слова.

— Кто начальник ракетодрома? — спросил Петров.

— Я, — сказал начальник Северного ракетодрома.

— Мы потеряли свои авторазгрузчики, — сказал Петров. — Будьте добры, разгрузите корабль. Мы привезли много интересного.

Начальник Северного ракетодрома смотрел на него с ужасом и восхищением.

— Только не трогайте шестой отсек, хорошо? В шестом отсеке две мумии. Сергей Завьялов и Сабуро Микими... Мы привезли их, чтобы похоронить на Земле. Мы везли их пять лет. Так, Ларри?

— Так, — сказал Ларри Ларсен. — Сергея Завьялова мы везли пять лет. Микими мы везли четыре года. А Порта остался там. — Ларри улыбнулся, борода его затряслась, и он заплакал.

Петров повернулся к Ружене:

— Пойдем, Руженка. Пойдем. Мы вернулись и привезли Земле в подарок далекие миры. Ты видишь, я вернулся!

Она смотрела на него так, как никогда ни одна женщина не смотрела и не посмотрит на меня.

— Да... — сказала она. — Ты вернулся...

Она зажмурилась и помотала головой. Они пошли, обнявшись, через толпу, и мы расступились перед ними.

На «Цифэе» она прощалась с ним навсегда. А встретила его через полгода. Он уходил на двести

лет. А вернулся через семнадцать. Ему удалось это. Ему все всегда удавалось. Но как?

Я не знаю, как это объяснить и можно ли это объяснить. Я ведь только поэт. Я не физик.

2

Артистка Ружена Наснова

— Будет дождь, — сказал Валя.

Мы сидели на диване перед балконом и глядели в низкое небо над матовыми крышами города.

— Дождь, — повторил он. — Я очень давно не видел дождя. Там не было дождей.

— Почему? — спросила я.

— Не знаю. Не было...

Быстро темнело, и мы сидели, не зажигая света. Я обняла его за плечи.

— Не надо, Руженка, — сказал он тихо.

Я почувствовала под пальцами его пустой рукав.

— Не говори глупостей!

— Но это, наверное, очень неприятно.

— Не говори глупостей, — повторила я. — Лучше помолчи.

— Мы и так все время молчим...

Ветер колыхнул поднятую штору, и было слышно, как сзади в комнате зашуршала бумага.

— Как здорово — ветер! — сказал Валя и закрыл глаза.

— Ветра там тоже не было? — спросила я. Я прижалась лицом к его плечу.

— Тебя там не было, — услышала я.

В городе зажглись огни, тучи стали красноватыми и опустились еще ниже. Сразу хлынул дождь и забарабанил по стеклам.

— Хочешь, я закрою балкон?

— Ой, не надо! Сиди! — сказал он и очень больно стиснул мои пальцы.

— Валька! — прикрикнула я.

Он отпустил мою руку.

— Прости, Руженка, я не хотел...

Я посмотрела ему в глаза.

— Ты стал какой-то железный, — сказала я. — Твердый, как полено. И ужасно сильный.

— Так и должно быть, — усмехнулся он. — Я стал невозможно сильный. Все калеки сильные.

— Какая чепуха! Это не оттого...

— Да, не оттого, — согласился он. — Это от перегрузок.

— Не надо, — попросила я. — Не надо рассказывать. Подожди...

Я снова прижалась лицом к его плечу. Дождь все шел. У балконных дверей скопилась лужица, и струйка черной воды медленно поползла в комнату. Я снизу вверх поглядела на Валю. Он смотрел на черную струйку остановившимися глазами.

— Не надо, — прошептала я. — Не надо вспоминать. Постарайся сегодня ничего не вспоминать. Не будем сегодня вспоминать.

— Очень жалко Сергея, — медленно сказал он.

— Очень. Он был такой славный...

— Он был замечательный, — сказал Валя.

Я вспомнила Сергея, как всего год назад он приходил к нам, и другие межпланетники приходили к нам и ночи напролет кричали друг на друга на ужасном русско-французско-китайско-английском жаргоне, говорили о теории тяготения, о тау-механике, о каких-то специальных разделах математики. Я и не пыталась понять что-либо, а ведь они тогда обсуждали планы этого необыкновенного опыта.

Нет, ничего нельзя забыть. Не забыть, как тот откровенный толстяк сказал: «Петров просто испугался. Это бывает в Пространстве». Как приходил Саня Кудряшов и сидел вечерами, согнувшись у стола, жалкий и страшный. Я знала, что он так любит, что страшно сидеть с ним рядом, и думала, что это судьба. А Саня однажды сказал: «Ведь он мог просто погибнуть, Ружена. Просто погибнуть в самом обычном рейсе». Он сказал так, потому что хотел утешить меня, но я его до сих пор не могу простить. Я все время хотела быть одна. Рядом со мной кипела огромная прекрасная жизнь, мои родные люди учились, любили, строили, а я не могла быть с ними. Я перестала петь, никуда не выходила, ни с кем не разговаривала. Я за-

видовала. Или, может быть, я надеялась. Вероятно, с самого начала в глубине души я надеялась, что Валя может совершить невозможное. Разве это можно забыть? И вот он вернулся.

Валя встал, подошел к балкону и закрыл дверь. Я сказала:

— Будем пить чай. Хочешь?

— Угу... Еще как!

Он прошел через комнату и включил свет.

— Ничего не изменилось, — сказал он оглядываясь. — Будто и не было этих семнадцати лет.

— Только сто восемьдесят семь дней, — поправила я. — И семь часов в придачу.

— Да, конечно...

Глаза у него заблестели, и он стал похож на прежнего Валентина Петрова. Он был таким же много лет назад, в Дао-Рао, где мы познакомились во время подводной охоты. Никакой рыбы не было, мы просто постреляли из электрических ружей по водорослям, а потом долго сидели на песке и разговаривали. Он был веселый, стремительный и все время острил. Видно было, что он очень хочет понравиться, но понравился он не сразу. Он понравился, когда перестал острить.

Я принесла чайник, накрыла на стол и налила ему в его любимую чашку черного фарфора. Я села напротив и стала смотреть, как он пьет.

— Замечательный чай, — похвалил он. — Только ты умеешь делать такой.

— Я совершенно не умею делать чай, — сказала я. — Я в этом ничего не понимаю.

— Порта варил удивительный кофе, — сказал Валя.

И он стал рассказывать, как Порта варил кофе и они вшестером пили кофе из маленьких чашечек, которые Порта возил с собой во все свои экспедиции. Кофе был горячий и черный, и было удивительно вкусно отхлебывать его маленькими глотками и заедать сливовым вареньем, и Порта сокрушался, что на корабле нельзя курить. Он говорил, что кофе состоит из кофе, варенья и табачного дыма, но никто ему не сочувствовал, потому что из всех шестерых курил он один. Вахтенный загонял его в ванную и ставил под вентилятор, и Порта сидел там в мрачном одиночестве и

злился. Но он ничего не мог поделать — таковы были правила.

— Он ужасно сердился, — повторил Валя. — А потом, когда начались перегрузки...

Он замолчал и уткнулся в чашку.

— Ну? — сказала я.

— Потом он уже не сердился... — проговорил Валя. — Налей мне еще.

— Нет уж, — сказала я, — теперь ты рассказывай. Ты ведь еще ничего не рассказывал. Рассказывай про перегрузки.

Валя уставился на мои руки, пока я наливала ему чай.

— Слушай, ты сто лет не поила меня чаем.

— Рассказывай про перегрузки, — потребовала я. — Очень были большие?

— Перегрузки были ой-ей-ей, — сказал он. — Как об этом расскажешь? Это надо испытать.

— Очень интересная и исчерпывающая информация. Ой-ей-ей — это значит раза в три-четыре?

— Угу, — подтвердил он. Он сидел ссутулившись, глядя в скатерть.

— Валя! — окликнула я.

Он очнулся не сразу. Вероятно, он глядел на то, что мне никогда не увидеть. В раскрытом вороте рубашки темнела его сухая коричневая грудь с выступающими ключицами.

— Мы большие молодцы, — медленно проговорил он. — Мы настоящие звездолетчики.

— Валя, — сказала я, — как вам удалось вернуться так быстро?

Он поднял голову и улыбнулся. У него снова заблестели глаза.

— Я очень хотел этого, Руженка, — сказал он. — Я очень люблю тебя, потому я вернулся так быстро. Ну и, конечно, немного физики.

— Меня интересует как раз физика, — сердито сказала я.

— А как ты сама думаешь?

Я стала вспоминать мою школьную физику. Я никогда после школы не интересовалась физикой, но я добросовестно пыталась вспомнить.

— Ты говорил, что локальное время перелета — семнадцать лет?

— Да.

— Но земное время перелета — шесть месяцев, — нерешительно сказала я. — И вы шли на возлесветовых скоростях. Значит, релятивистские эффекты были велики... Но ведь специальная теория относительности дает обратный эффект. На Земле должно было пройти больше времени, чем на вашем корабле. И потом... Погоди, по-моему, специальная теория относительности здесь вообще неприменима. Вы же шли с перегрузками, все время с ускорением. Поэтому вы все время находились в гравитационном поле. Так?

— Умница, — проговорил он с нежностью. — Нет, ей-ей умница! Ты схватила самую суть.

Он полез через стол поцеловать мне руку и уронил чашку. Чашка покатила по скатерти, оставляя коричневую дорожку. Валя поднял чашку и уронил стул.

— А ну его к черту, — закричал он и пнул стул ногой. — Ты схватила самую суть, Руженка, и мне больше нечего тебе объяснять. Все равно ты больше ничего не поймешь, жалкая жрица муз.

Он все-таки поднял стул и уселся на него верхом, положив локоть на спинку.

— Я тебе только вот что скажу. Как ведет себя время в системах, движущихся ускоренно, не знал до нас никто. Были только разные частные случаи. Знаешь, как пишут: «Таким образом, при некоторых частных предположениях относительно силового поля...» и так далее. А мы теперь знаем, доказали на опыте, что при больших ускорениях на возлесветовых скоростях можно управлять временем. Можно сделать так, что звездолет вернется через сто лет, а пилоты состарятся на год. Что-то в этом роде будет с Быковым и Горбовским. Они вернутся молодыми, но Земля состарится. У них очень мало ускорение. А если лететь так, как летели мы, все будет наоборот. Постаревший пилот возвращается к своей по-прежнему юной супруге. Здорово я тебе все объяснил?

— Здорово! — сказала я.

— Велик ли я?

— Велик! — сказала я.

Он снова стал Вале́й Петро́вым. Он смеялся радостно, весело и очень гордился собой.

— Не я ли глава семьи?

— Ну конечно же! — смиренно согласилась я.

— А ты понимаешь, как все это здорово?

Еще бы! Я понимала. Он никогда больше не уйдет от меня надолго. Он будет возвращаться постаревший и окаменевший от перегрузок, но он будет возвращаться скоро. Мириады миров разделят нас, но никогда больше не разделят нас годы.

— Завтра нагрянут гости, — вдруг вспомнил Валя и потянулся. Было очень странно и непривычно видеть, как он потягивается с одной рукой. — И надо лететь в Совет космогании. И надо готовить доклад.

— Вы привезли много материала? — спросила я.

— Массу. Мы привезли фильм «Планета Ружена, на которой не бывает дождей».

— А там правда не бывает дождей? — спросила я. Мне было очень приятно.

Он ответил:

— Один раз мы там увидели облачко. По этому поводу Пор́та варил кофе. Но во всем другом Ружена — очень богатая планета. И там солнце не в пример нашему — белая звезда. По сравнению с ним наше солнце просто медный таз.

Он вскочил, выбежал из комнаты и вернулся сизумрудной тростью.

— Смотри, — сказал он. — Зеленая древесина. Это белковая растительность. Но Пор́та нашел там и небелковую жизнь.

Я прислонила трость к столу.

— А что случилось с Пор́та? — спросила я шепотом.

Валя не ответил, и я вспомнила, что он никогда не отвечал на такие вопросы.

— Мы привезли девятнадцать культур разных микробов, — сказал он. — Штук тридцать гербариев, такое вот зеленое дерево и целую батарею банок с заспиртованными организмами. И мы привезли такую коллекцию минералов! Я могу назвать тебе двадцать человек, которые облизнутся, увидев все это. Хотя бы Константин Робертович Ченчик.

Ченчик был председатель Комитета по внеземным ресурсам.

— Ты снова полетишь туда? — спросила я. Я старалась говорить совсем небрежно, как бы между прочим. Но он понял и засмеялся.

— Конечно, нет. Туда полетят другие. Там будет оборудована база. Ружена — отличное место для базы. С Ружены мы будем стартовать дальше — к системе ВК 902, а оттуда еще дальше — к красному гиганту ВК 1335. Это очень далеко.

Он вдруг вспомнил что-то и наморщил лоб.

— Руженка, — сказал он, — ты не знаешь, что это за блестящая башня стоит на ракетодроме?

Я не знала, о какой башне он говорит.

— Наверное, ее построили за эти полгода, — сказал Валя. Он засмеялся. — Знаешь, когда я понял, что опыт удался? Когда увидел тебя. А то мы глазели на эту башню, и Ларри божился, что это двадцать четвертый век. Теперь я вспоминаю и начальника ракетодрома, но тогда я не узнал его. Просто забыл за семнадцать лет, какой он, и мне показалось, что это новый.

— А ты меня сразу узнал? — спросила я.

— Ну еще бы!

— Я все время думала, что это сон, — сказала я. — Я и сейчас так думаю. Ты просто мираж...

— Твердый, как полено, — добавил он.

Я засмеялась, потом немножко поплакала и рассказала ему, как он год за годом летел один через черную пропасть, полную холодных звезд. Впереди звезды, позади звезды, и больше ничего.

Валя покачал головой.

— Все это так, — протянул он. — Только звезд тоже нет — ни впереди, ни сзади.

— Почему? — спросила я сквозь слезы.

— Допплеровская слепота... При возлесветовых скоростях эффект Допплера смещает излучение звезд в невидимые глазом области. Звезды можно видеть только с помощью специальных преобразователей. А если смотреть в обыкновенные телескопы, то вокруг тьма. Беспросветная тьма. Это очень неприятно, Руженка, — смотреть в обыкновенные телескопы. Кажется, что, кроме тебя, никого нет во всем мире...

Мне стало холодно, и я прижалась к нему.

— Пойдем спать, — сказал он. — Завтра будет тяжелый день.

— А вдруг я проснусь, а тебя нет?

— Так, наверное, и будет. Завтра я рано-рано улечу в Москву. Я даже будить тебя не буду.

— Разбуди, — попросила я.

Он быстро уснул, а я еще долго сидела рядом и смотрела на его лицо. Лицо казалось темным, почти черным в полумраке. Он спал спокойно, только один раз вдруг сказал быстро: «Осторожно, Ларри... Это же адская боль». И через минуту: «Выгони вон Артура. Он не привык смотреть на это».

Никогда больше он не уйдет надолго. Он будет возвращаться постаревшим и когда-нибудь вернется совсем старым, но никогда больше не придется ждать годами. Человек, управляющий временем, — мой муж.

3

Звездолетчик Валентин Петров

Третья звездная началась. «Муромец», неторопливо набирая скорость, пошел прочь от Солнца по перпендикуляру к плоскости эклиптики. Теперь мне предстояло рассказать о своем замысле товарищам. На Земле я думал, что самое сложное — это добиться согласия у Совета космогации. В том, что согласится экипаж, я не сомневался. Я посмотрел на Сережку — он сидел у пульта и жевал тянучки — и немного успокоился. Сережа согласился еще на Земле, и мы вместе отстаивали эту идею в Совете. Я кивнул ему, и мы вышли в кают-компанию. Там Ларри играл с Сабуро в шахматы, маленький Людвиг Порты копался в фильмотеке, а Артур Лепелье сидел прямой, как манекен, и глаза его были широко раскрыты. У него в глазах была девушка в оранжевом свитере. Я подумал, что он наверняка согласится.

— Вот что, — начал я. — Вы хорошо представляете себе, что такое звездная?

Они посмотрели на меня с изумлением. Конечно, они все хорошо представляли себе. Годы непрерывных будней и отречение от людей и Земли своего времени,

потому что к тому дню, когда мы вернемся, память о нас превратится в легенду. Они молча глядели на меня, затем Порта ответил неторопливо:

— О да, конечно, мы все представляем это хорошо. Я сказал:

— Я хочу вернуться на Землю раньше, чем через двести лет.

— Я тоже, — сказал Сабуро.

— Я тоже, — усмехнулся Ларсен. — Например, сегодня к ужину.

Артур Лепелье заморгал, а Порта с интересом спросил:

— Вы хотите уменьшить скорость?

— Я хочу вернуться домой гораздо раньше, чем через двести лет, — повторил я. — Есть возможность проделать всю работу и вернуться домой не через двести лет, а через несколько месяцев.

— Это невозможно, — сказал Сабуро Микими.

— Фантастика, — вздохнул Артур.

Ларри положил подбородок на огромные кулаки и спросил:

— В чем дело? Объясни, капитан.

До выхода в зону АСП (абсолютно свободного полета) оставалось еще около суток. Я сел в кресло между Ларсеном и Артуром и сказал Сергею:

— Объясни.

Известно, что чем ближе скорость звездолета к скорости света, тем медленнее течет в звездолете время, подчиняясь законам теории тяготения. Но этот закон справедлив только при малых ускорениях звездолета и при коротком времени работы двигателя. Если же на околосветовых скоростях звездолет идет с двигателями, работающими непрерывно, если ускорения при этом достаточно велики, если у светового барьера создаются перепады ускорений, тогда... Трудно сказать, что получится тогда. Современный математический аппарат бессилён дать общие результаты. Однако при некоторых частных предположениях относительно характера движения звездолета, теория тяготения не исключает возможности явлений иного порядка. Не исключено, что время в звездолете ускорит свое течение. Десятки лет пройдут на корабле, и только меся-

цы на Земле. «Муромец» — первый в истории прямоточный фотонный корабль. На нем можно поставить этот эксперимент. Правда, это невыносимо трудно. Это потребует многих лет полета с чудовищными перегрузками — в пять-шесть раз.

— Фантастика! — вздохнул Артур. В его глазах снова появилась девушка в оранжевом свитере.

Я очень рассчитывал на Порту. Он был биолог, но знал, по-моему, все, кроме дескриптивной лингвистики.

— Я слышал об этом, — сказал он. — Но это только теория. И это... — он неопределенно пошевелил пальцами.

Но нет, это была не только теория. Три года назад я испытывал «Муромца» в зоне АСП. Я сорок дней просидел в амортизаторе, ведя звездолет с ускорением, вчетверо большим, чем ускорение силы тяжести на Земле. Когда я вернулся, оказалось, что бортовой хронометр ушел на четырнадцать секунд вперед. Я провел в Пространстве на четырнадцать секунд дольше, чем это зафиксировали земные часы. Я рассказал об этом Горбовскому накануне старта Второй звездной. Горбовский поднял палец и произнес нараспев:

Сегодня в Космос пущена ракета.
Она летит в двенадцать раз быстрее света.
И долетит до цели в шесть утра —
Вчера.

Сейчас в кают-компании я снова рассказал про свой эксперимент и соврал, что выиграл полторы минуты.

— О! — сказал Порта. — Это хорошо.

— Но это должны быть лютые перегрузки, — предупредил я.

Об этом надо было сказать непременно, хотя в состав экспедиции я отобрал только опытных межпланетников, с безукоризненным здоровьем, хорошо переносящих удвоенную и даже утроенную тяжесть.

— Какие? — спросил Ларсен.

— Раз в семь...

— О! — сказал Порта. — Это плохо.

— Значит, я буду весить полтонны? — сказал Ларсен и захохотал так, что все вздрогнули.

— А Совет знает? — осведомился Сабуро. Он обладал большим чувством ответственности.

— Они не верят, что из этого что-нибудь получится, — ответил Сергей. — Но они разрешили... Если вы согласитесь, конечно...

— Я тоже не верю, — заявил Артур очень громко. — Перегрузки, частные предположения...

Они разом заспорили, и я ушел в рубку. Конечно же, они не испугались перегрузок, хотя все отлично знали, что это такое. Они все согласились, возражал только Артур, которому ужасно хотелось, чтобы его убедили. Через полчаса они все пришли в рубку. Я посмотрел на них.

— Надо действовать, капитан, — сказал Ларри.

— Мы выполним работу и вернемся домой, — сказал Артур. — Домой! Не просто на Землю, но Домой.

— И какой эксперимент! — воскликнул Микими.

— Но семикратные перегрузки?.. — Порта пошевелил пальцами.

— Да, семикратные, — подтвердил я. — Или восьмикратные. Или десяти...

— Это тяжело, — спокойно заключил Порта.

Это было так тяжело, что иногда казалось, что мы не выдержим. Первые месяцы я медленно наращивал ускорение. Микими и Завьялов составили программу для кибернетического управления, и ускорение автоматически увеличивалось на один процент в сутки. Я надеялся, что мы сумеем хотя бы немного привыкнуть. Это оказалось невозможным. Кости трещали, мускулы не выдерживали тяжести рук. Мы вынуждены были отказаться от твердой пищи и питались бульонами и соками. Через сто дней наш вес увеличился в три раза, через сто сорок — в четыре. Мы неподвижно лежали в эластичных гамаках и молчали, потому что очень трудно было двигать языком и челюстью. Через сто шестьдесят дней перегрузка превысила силу тяжести на Земле в пять раз. Только Сабуро Микими к тому времени мог пройти от кают-компания до рубки, не потеряв по дороге сознания. Не помогали амортизаторы, не помогал даже анабиоз. Попытка применить анабиотический сон в условиях такой перегрузки не привела ни к чему. Порта мучился больше всех, но, когда мы уло-

жили его в «саркофаг», он никак не мог заснуть. Он мучился, и мы мучились, глядя на него.

Я весил три с половиной центнера, а Ларри — четырехста кило. На него было страшно смотреть. На любого из нас было страшно смотреть. Лицо отекло, не было сил поднять веки, позвоночник трещал при каждом движении. Мы лежали перед «саркофагом» и глядели на Порта.

— Хватит, Валя, — простонал Сережа.

Мы поползли в рубку. Там стоял — стоял! — Сабуро. Челюсть его отвисла на грудь, с губы тянулась слюна.

— Хватит, Сабуро, — сказал я чужим голосом.

Сережа попробовал встать, улыбнулся и снова припал щекой к полу.

— Хватит, — прохрипел он. — Порта плохо. Он может умереть. Выключай реактор, Сабуро.

— До троекратного, — приказал я.

Сабуро, еле шевеля пальцами, царапал ногтями по пультам. И вдруг стало легче. Упоительно легко!

— Троекратное ускорение, — сообщил Сабуро и сел рядом с нами на мягкий пол.

Мы лежали, привыкая, затем поднялись и пошли в кают-компанию. Нам было много легче. Но скоро мы переглянулись и снова стали на четвереньки. Мы весили по двести — двести пятьдесят килограммов. Это было на сто шестьдесят седьмой день полета. «Муромец», пожирая рассеянную материю, несся со скоростью двести двадцать тысяч километров в секунду.

Потянулись месяцы. Собственная скорость «Муромца» перевалила за световую¹ и продолжала увеличиваться на тридцать два метра в секунду за секунду. Нам было очень тяжело. Я думаю, никто по-настоящему не верил в успех опыта. Зато каждый по-настоящему знал, к каким последствиям может привести успех. Все люди — мечтатели. И мы тоже, поддерживая от-

¹ «Сверхсветовая скорость» — это скорость, вычисленная по расстояниям, измеренным земным наблюдателем, и по промежуткам времени, измеренным по часам на ракете. Такая скорость, естественно, может превышать скорость света, но с точки зрения наблюдателя на ракете она, разумеется, все равно останется в пределах 300 тыс. км/сек.

висающие подбородки, мечтали за срок одной только жизни обежать дальние окраины Вселенной и подарить эти окраины людям.

Порта стало лучше, он много читал и усиленно занимался теорией тяготения. Время от времени мы укладывали его на несколько недель в «саркофаг», но ему это не нравилось: он не желал терять время. Ларри и Артур вели астрономические наблюдения, Сергей, Сабуро и я стояли вахты. В промежутках между вахтами мы рассчитывали ход Времени в ускоренно движущихся системах при различных частных предположениях. Ларри заставлял нас заниматься гимнастикой, и к концу года я уже мог без особого труда подтягивать на перекладине свои два центнера.

Между тем Тайя разгоралась все ярче в перекрестии нитей курсового телескопа. Тайя была целью первых трех звездных. Она была одной из ближайших к нашему Солнцу звезд, у которой давно уже были отмечены неравенства в движении. Считалось, что Тайя может иметь планетную систему. Перед нами к Тайе шел Быков на «Луче» и Горбовский на «Тариэле». Быков через каждые пятьдесят тысяч астрономических единиц сбрасывал мощные радиобакены. Новая трасса должна была быть отмеченной шестнадцатью такими радиобакенами, но мы уловили сигналы только семи. Может быть, бакены погибли, но скорее всего мы просто обогнали Быкова. Бакены были оборудованы воспринимаящим устройством, работающим на определенной частоте. Можно было оставить запись, чтобы ее прочли те, кто пойдет вслед. Один из бакенов в ответ на наш вызов просигналил: «Был здесь. Четвертый локальный год. Горбовский». Совершенно невозможно сказать, за сколько лет до нас он проходил.

Оказалось, что Тайя не имела планетной системы. Это была двойная звезда. Ее невидимый с Земли компонент оказался слабой красной звездой, почти погасшей, истощившей свои источники энергии. Мы были первыми Землянами, увидевшими чужие солнца. Тайя была желтая и очень походила на наше Солнце. Спутник ее был очень хорош. Он был малиновым, и по нему ползли вереницы черных пятен. Вдобавок он не был обыкновенной звездой: Ларсен обнаружил медленную

и неправильную пульсацию его гравитационного поля. Две недели мы крутились около него, пока Артур и Ларри вели наблюдения. Это были блаженные недели отдыха, нормальной тяжести, временами даже невесомости.

Затем мы пошли к соседней звезде — белой звезде ВК 71016. Этого потребовал Порта, и я не знаю, правильно ли я сделал, уступив ему. Порта был биолог, и его больше всего интересовали проблемы жизни. Он требовал планету — теплую, окутанную атмосферой, полную копошащейся жизни. Мы тоже хотели увидеть Новый Мир. Мы надеялись встретить себе подобных. Каждый из нас тайно мечтал об этом с того момента, как стал межпланетником. А до того, как стал межпланетником, мечтал во весь голос. И мы пошли к ВК 71016.

Мы летели к ней четыре года, и снова свирепые перегрузки прижимали нас к полу, и мы задыхались в амортизаторах, как раздавленные червяки. Но все же нам было гораздо лучше, чем в начале пути. Видимо, мы приспособлялись. С нас слезала кожа, выпадали ногти, мы ели восемь раз в сутки и почти совсем не спали, но мы приспособлялись. И мы долетели до белой звезды ВК 71016.

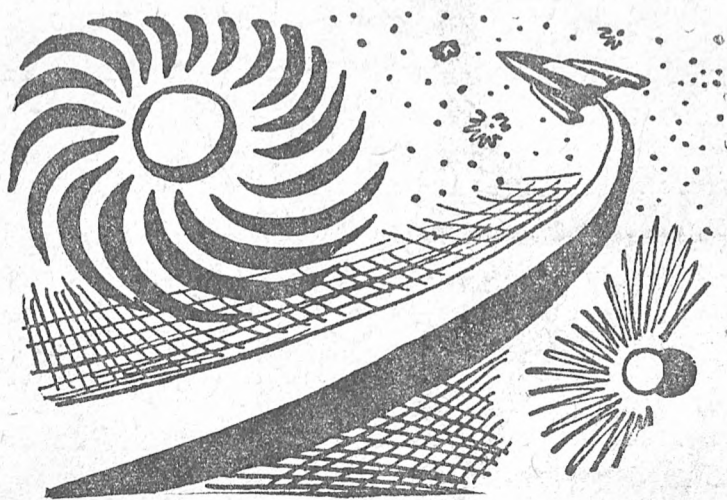
Да, она имела планетную систему. Четыре планеты, из которых одна обладала атмосферой и была немножко больше Земли. Это была прекрасная планета, зеленая, как Земля, покрытая океанами и обширными равнинами. Братьев по Разуму на ней не оказалось, но жизнь кипела на ней. Я сказал, что хочу назвать ее именем Ружены. Никто не возразил. Но планета встретила нас так, что мне не хочется вспоминать об этом. Она отвратительно встретила нас. Порта остался там, мы даже не знаем, где его могила. И там осталась моя рука. А Сережа Завьялов и Сабуро Микими оставили там столько своей жизни, что не сумели дожить до возвращения.

Обратно мы летели шесть лет при максимально возможных перегрузках. Мы торопились попасть в наше время, потому что до самого конца не знали, удался наш опыт или нет. Мы три года шли с семикратной перегрузкой и сбросили ускорение только потому, что

Ларсен, неудачно шагнув, проткнул ребром левое легкое. После этого мы год отдыхали на трехкратном ускорении. «Муромец» плохо слушался управления, и мне пришлось отказаться от внеземной станции и сесть прямо на Землю. Конечно, это стыдно, но я не хотел рисковать. Мы приземлились удачно. Потом мы с Ларсеном держали Артура, который хотел целовать землю, зараженную фотонным реактором. Потом мы сели в свой вертолет и вылетели к людям. Но, только увидев Ружену, я понял, что опыт удался.

Тяжелый, жестокий опыт, но он удался. Мы привезли людям своего времени чужие миры. Может быть, всю Вселенную, как мы мечтали в полете. Это славно — не отдаленным потомкам, не у памятников самим себе, а близким и родным людям своего века подарить ключи от Пространства и Времени. Конечно, мы были всего только исполнителями. Спасибо людям, которые создали теорию тяготения. Спасибо людям, которые создали прямоточную ракету. Спасибо людям, которые создали наш прекрасный мир и создали нас самих такими, какие мы есть.

Вот только Быков и Горбовский... Они вернутся, когда нас уже не будет, но я думаю, они не рассердятся на нас.

ПОРАЖЕНИЕ

Эмбриомеханика есть наука о моделировании процессов биологического развития и теория конструирования саморазвивающихся механизмов.

Примечание авторов

1

Маклаков сказал Ашмарину:

— Ты поедешь на остров Шумшу.

— Где это? — хмуро спросил Ашмарин.

— Северные Курилы. Летишь сегодня в двадцать тридцать. Грузопассажирским Новосибирск — Порт Провидения.

Механозародыши пред-

полагалось опробовать в разнообразных условиях. Институт вел работу главным образом для межпланетников, поэтому тридцать исследовательских групп из сорока семи направлялись на Луну и на другие планеты. Остальные семнадцать должны были работать на Земле.

— Хорошо, — медленно проговорил Ашмарин.

Он надеялся, что ему все же дадут межпланетную группу, хотя бы лунную. Ему казалось, что у него много шансов, потому что он давно не чувствовал себя так хорошо, как последнее время. Он был в отличной форме и надеялся до последней минуты. Но Маклаков почему-то решил иначе, и нельзя даже поговорить с ним по-человечески, потому что в кабинете торчат какие-то незнакомые с постными физиономиями. «Вот как приходит старость», — подумал Ашмарин.

— Хорошо, — повторил он спокойно.

— Северокурильск уже знает, — сказал Маклаков. — Конкретно о месте испытаний договоришься в Байкове.

— Где это?

— На острове Шумшу. Административный центр Шумшу. — Маклаков сцепил пальцы и стал глядеть в окно. — Сермус тоже остается на Земле, — сказал он. — Он поедет в Сахару.

Ашмарин промолчал.

— Так вот, — сказал Маклаков, — я уже подобрал тебе помощников. У тебя будут двое помощников. Хорошие ребята.

— Новички?

— Они справятся, — быстро сказал Маклаков, — они хорошо подготовлены. Хорошие ребята, говорю тебе. Знают, что делать по любую сторону от мушки.

Незнакомые в кабинете почтительно улыбнулись. Маклаков продолжал:

— Один, между прочим, тоже был Десантником.

— Хорошо, — безразлично сказал Ашмарин. — У тебя все?

— Все. Можешь отправляться, желаю удачи. Твой груз и твои люди в сто шестнадцатой.

Ашмарин пошел к двери. Маклаков помедлил и бросил вдогонку:

— И возвращайся скорее, камрад. У меня есть для тебя интересная тема.

Ашмарин притворил за собой дверь и немного постоял. Потом он вспомнил, что лаборатория 116 находится пятью этажами ниже, и пошел к лифту. В лифте он встретил Тацудзо Мисима, плотного бритоголового японца в голубых очках. Мисима спросил:

— Ваша группа куда, Федор Семенович?

— Курилы, — ответил Ашмарин.

Мисима поморгал припухшими глазками, вынул носовой платок и принялся протирать очки. Ашмарин знал, что группа Мисима отправляется на Меркурий, на Горящее Плато. Мисима было двадцать восемь лет, и он еще не налетал своего первого миллиарда километров. Лифт остановился.

— Саёнара, Тацудзо, Ёросику, — сказал Ашмарин.

Мисима улыбнулся во весь рот.

— До свидания, Федор-сан...

В лаборатории 116 было светло и пусто. В углу справа стояло Яйцо — полированный шар в половину человеческого роста, в углу слева сидели два человека. Когда Ашмарин вошел, они встали. Ашмарин остановился, разглядывая их. Им было лет по двадцать пять, не больше. Один — высокий, светловолосый, с некрасивым красным лицом. Другой — пониже, смуглый красавец испанского типа, в замшевой курточке и тяжелых горных ботинках. Ашмарин сунул руки в карманы, привстал на цыпочки и снова опустился на пятки. «Новички», — подумал он. Неожиданно заныло в правом боку, там, где не хватало двух ребер.

— Здравствуйте, — сказал он. — Моя фамилия Ашмарин.

Смуглый показал белые зубы.

— Мы знаем, Федор Семенович. — Он перестал улыбаться и представился: — Кузьма Владимирович Сорочинский.

— Гальцев Виктор Сергеевич, — сказал светловолосый.

«Интересно, кто из них был Десантником, — подумал Ашмарин. — Наверное, этот, испанец Кузьма Сорочинский». Он спросил:

— Кто из вас был Десантником?

— Я, — ответил светловолосый Гальцев.

— И за что же вас? — спросил Ашмарин. — Если не секрет...

— Не секрет, — сказал Гальцев. — Дисциплина...

Он посмотрел Ашмарину прямо в глаза. У Гальцева были светло-голубые глаза в пушистых женских ресницах. Они как-то не шли к его грубому красному лицу.

— Да, — сказал Ашмарин, — Десантнику надлежит быть дисциплинированным. Любому человеку надлежит быть дисциплинированным. Впрочем... Что вы умеете, Гальцев?

— Я биолог. Специальность — нематоды.

— А-а... — протянул Ашмарин и повернулся к Сорочинскому: — А вы?

— Инженер-гастроном! — неожиданно громко отрапортовал Сорочинский, снова показывая белые зубы.

«Прелестно! — подумал Ашмарин. — Специалист по червям и кондитер. Недисциплинированный Десантник и замшевая курточка. Хорошие ребята!.. Особенно этот горе-Десантник. Черт бы побрал Маклакова!» Ашмарин представил себе, как Маклаков, придирчиво и тщательно отобрав из двух тысяч добровольцев составы межпланетных групп, посмотрел на часы, посмотрел на списки и сказал: «Группа Ашмарина. Курилы. Ашмарин человек деловой, опытный человек. Ему вполне достаточно троих. Даже двоих. Это же не на Меркурий, не на Горящее Плато. Дадим ему хотя бы вот этого Сорочинского и вот этого Гальцева. Тем более что Гальцев тоже был Десантником».

— Вы подготовлены к работе? — спросил Ашмарин.

— Да, — сказал Гальцев.

— Еще как, Федор Семенович! — добавил Сорочинский. — Обучены!

Ашмарин подошел к Яйцу и потрогал его прохладную полированную поверхность. Потом спросил:

— Вы знаете, что это такое?

Гальцев поднял глаза к потолку, подумал и произнес монотонным голосом:

— Эмбриомеханическое устройство «МЗ-8». Механозародыш, модель восьмая. Автономная саморазвивающаяся механическая система, объединяющая в

себе программное управление «МХМ» — механохромо-
сому Маклакова, систему воспринимающих и исполни-
тельных органов, дигестальную систему и энергетиче-
скую систему. «МЗ-8» является эмбриомеханическим
устройством, которое способно в любых условиях на
любом сырье разворачиваться в любую конструкцию,
заданную программой. «МЗ-8» предназначен...

— А вы? — обратился Ашмарин к Сорочинскому.

Сорочинский ответил, не задумываясь:

— Данный экземпляр «МЗ-8» предназначен для
испытания в земных условиях. Программа стандарт-
ная, стандарт шестьдесят четыре: развитие зародыша
в герметический жилой купол на шесть человек, стам-
буром и кислородным фильтром.

Ашмарин посмотрел в окно и спросил:

— Вес?

— Примерно полтора центнера.

Разнорабочие экспериментальной группы могли
всего этого и не знать.

— Хорошо, — сказал Ашмарин. — Теперь я сооб-
щу вам то, чего вы не знаете. Во-первых, Яйцо стоит де-
вятнадцать тысяч человеко-часов квалифицированного
труда. Во-вторых, оно действительно весит полтора
центнера, и там, где понадобится, вы будете таскать
его на себе.

Гальцев кивнул. Сорочинский сказал:

— Будем, Федор Семенович.

— Вот и прекрасно, — сказал Ашмарин. — Вот
сразу и начинайте. Катите его к лифту и спустите в ве-
стибюль. Затем отправляйтесь на склад и получите ре-
гистрирующую аппаратуру. Затем можете идти по сво-
им делам. Явитесь со всем грузом на аэродром в во-
семь вечера. Постарайтесь не опоздать.

Он повернулся и вышел. Позади раздался тяжелый
гул: группа Ашмарина приступила к выполнению пер-
вого задания.

2

На рассвете грузопассажирский стратоплан сбросил
группу на птерокаре над Вторым Курильским проли-
вом. Гальцев с большим изяществом вывел птерокар из
пики, осмотрелся, поглядел на карту, поглядел на ком-

пас и сразу отыскал Байково — несколько ярусов двухэтажных зданий из белого и красного литопласта, охвативших полукругом небольшую, но глубокую бухту. Птерокар, выворачивая жесткие крылья, приземлился на набережной. Ранний прохожий (юноша в тельняшке и брезентовых штанах) объяснил им, где находится управление. В управлении дежурный администратор острова, он же старший агроном, пожилой сутулый айн, встретил их приветливо и пригласил к завтраку.

Выслушав Ашмарина, он предложил на выбор несколько невысоких сопок у северного берега. Он говорил по-русски довольно чисто, только иногда останавливался посредине слова, как будто не был уверен в ударении.

— Северный берег — это довольно далеко, — сказал он. — И туда нет хорошей дороги. Но у вас есть птерокар. И потом, я не могу предложить вам что-нибудь ближе. Я плохо понимаю в физических опытах. Но большая часть острова занята под бахчи, баштаны, парники. Везде сейчас работают школьники. Я не могу рисковать.

— Никакого риска нет, — сказал Сорочинский. — Совершенно никакого риска.

Ашмарин вспомнил, как однажды, два года назад, он целый час просидел на пожарной лестнице, спасаясь от пластмассового упыря, которому для самосовершенствования понадобилась протоплазма. Правда, тогда еще не было Яйца.

— Спасибо, — сказал он. — Нас вполне устраивает северный берег.

— Да, — сказал айн. — Там нет ни бахчей, ни парников. Там только береза. И еще где-то там работают археологи.

— Археологи? — удивился Сорочинский.

— Спасибо, — сказал Ашмарин. — Я думаю, мы отправимся сейчас же.

— Сейчас будет завтрак, — вежливо напомнил айн.

Они молча позавтракали.

— Спасибо, — поблагодарил Ашмарин, поднимаясь. — Я думаю, нам следует торопиться.

— До свидания, — сказал айн. — Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь... как это... без стеснения.

— Нет, мы не будем... как это... стесняться, — заверил Сорочинский.

Ашмарин вскользь взглянул на него, а в птерокаре сказал:

— Если вы, юноша, позволите себе еще такую выходку, я вас выставлю с острова.

— Извиняюсь, — сказал Сорочинский, сильно краснея. Румянец сделал его смуглое гладкое лицо еще более красивым.

На северном побережье действительно не было ни бахчей, ни парников, была только береза. Курильская береза растет «лежа», стелется по земле, и ее мокрые узловатые стволы и ветви образуют плотные, непроходимые переплетения. С воздуха заросли курильской березы представляются безобидными зелеными лужайками, вполне пригодными для посадки не очень тяжелых машин. Ни Гальцев, который вел птерокар, ни Ашмарин и Сорочинский понятия не имели о курильской березе. Ашмарин показал на круглую сопку и проворчал: «Здесь». Сорочинский робко взглянул на Ашмарина и сказал: «Хорошее место». Гальцев выпустил шасси и повел птерокар на посадку прямо в центр обширного зеленого поля у подножия круглой сопки. Крылья машины замерли, и через минуту птерокар с треском зарылся носом в хилую зелень курильской березы. Ашмарин услышал этот треск, увидел миллионы разноцветных звезд и на время потерял сознание.

Потом он открыл глаза и прежде всего увидел руку. Она была большая, загорелая, и свежепоцарапанные пальцы ее словно нехотя перебирали клавиши на пульте управления. Рука исчезла, и появилось темно-красное лицо с голубыми глазами в женских ресницах.

— Товарищ Ашмарин, — сказал Гальцев, с трудом шевеля разбитыми губами.

Ашмарин, кряхтя, попробовал сесть. Очень болел правый бок и, кажется, саднило лоб. Он потрогал лоб и поднес пальцы к глазам. Пальцы были в крови. Он поглядел на Гальцева. Тот вытирал рот носовым платком.

— Мастерская посадка, — сказал Ашмарин. — Вы меня радуете, товарищ специалист по нематодам.

Гальцев молчал. Он прижимал к губам скомканный носовой платок, и лицо его было неподвижно. Высокий дрожащий голос Сорочинского донесся будто издалека:

— Он не виноват, Федор Семенович.

Ашмарин медленно повернул голову и посмотрел на Сорочинского.

— Гальцев не виноват, — повторил Сорочинский и отодвинулся.

Ашмарин приоткрыл дверцу кабины, высунул голову наружу и несколько секунд разглядывал вырванные с корнем, изломанные стволы, запутавшиеся в шасси. Он протянул руку, сорвал несколько жестких глянцевиных листочков, помял их в пальцах и попробовал на зуб. Листочки были терпкие и горькие. Ашмарин сплюнул и спросил, не глядя на Гальцева:

— Машина цела?

— Цела, — ответил Гальцев сквозь платок.

— Что, зуб выбили?

— Кажется...

— До свадьбы заживет, — пообещал Ашмарин. — Попробуйте поднять машину на верхушку сопки.

Вырваться из зарослей было не очень просто, но в конце концов Гальцев посадил птерокар на вершине круглой сопки. Ашмарин, поглаживая ладонью правый бок, вылез и огляделся. Отсюда остров казался безлюдным и плоским, как стол. Сопка была голая и рыжая от вулканического шлака. С востока на нее наползали заросли курильской березы, к югу тянулись зеленые прямоугольники бахчей. До западного берега было километров семь, за ним в сиреновой дымке проступали бледно-лиловые горные вершины, а еще дальше и правее в синем небе неподвижно висело странное треугольное облако с четкими очертаниями.

Северный берег был гораздо ближе. Он круто уходил в море, над обрывом торчала нелепая серая башня — вероятно, колпак старинного японского дота. Возле башни белела палатка и копошились фигурки людей. Это были археологи, о которых говорил дежурный администратор. Ашмарин потянул носом. Пахло

соленой водой и нагретым камнем. И было очень тихо, не слышно было даже прибоя.

«Хорошее место,—подумал Ашмарин.—Яйцо надо оставить здесь, кинокамеры и прочее — на склонах, а лагерь оборудовать внизу, на бахчах. Арбузы, наверное, здесь еще зеленые». Затем он подумал об археологах. До них отсюда километров пять, но все равно их надо предупредить, чтобы они не очень удивлялись, когда механозародыш начнет развиваться. Интересно, что здесь делают археологи? Ашмарин позвал Гальцева и Сорочинского и сказал:

— Опыт проведем здесь. По-моему, место подходящее. Сырье — лава, туф, как раз то, что нужно. Приступайте.

Гальцев и Сорочинский подошли к птерокару и открыли багажник. Из багажника брызнули солнечные зайчики. Сорочинский залез в багажник, покряхтел и вдруг одним толчком выкатил Яйцо на землю. Хрустя по шлаку, Яйцо прокатилось несколько шагов и остановилось. Гальцев едва успел отскочить в сторону.

— Зря, — заметил он тихо. — Надорвешься.

Сорочинский прыгнул и сказал басом:

— Ничего, мы привычные.

Ашмарин походил вокруг Яйца, попробовал толкнуть. Яйцо даже не покачнулось.

— Прекрасно, — сказал Ашмарин. — Теперь кинокамеры...

Они долго возились, устанавливая кинокамеры: одну с инфракрасным объективом, другую со стереообъективом, третью с объективом, регистрирующим температурные характеристики, четвертую панорамную...

Было уже около двенадцати, когда Ашмарин осторожно промакнул рукавом потный лоб и вытащил из кармана пластмассовый футляр с активатором. Гальцев и Сорочинский придвинулись сзади, заглядывая через его плечо. Ашмарин неторопливо вытряхнул активатор на ладонь — это была блестящая трубочка с присоской на одном конце и красной рубчатой кнопкой — на другом.

— Приступим, — сказал он вслух.

Он подошел к Яйцу и прижал присоску к полиро-

ванному металлу. Помедлив секунду, большим пальцем надавил на красную кнопку.

Он отступил на шаг, не сводя глаз с Яйца. Теперь разве только прямым попаданием из ракетного ружья можно было остановить процессы, которые начались под блестящей оболочкой. Серия высокочастотных импульсов разбудила зародыш, сотни микрорецепторов послали в позитронный мозг и в механохромосому информацию о внешней среде, настройка механозародыша на полевые условия началась. Неизвестно, сколько времени она будет продолжаться. Но, когда настройка закончится, зародыш начнет развиваться.

Ашмарин взглянул на часы. Было двенадцать пять. Он с усилием отделил активатор от поверхности Яйца, спрятал в футляр и положил в карман. Потом он оглянулся на Гальцева и Сорочинского. Они стояли за его спиной и молча смотрели на Яйцо. Ашмарин в последний раз потрогал Яйцо и сказал:

— Пошли.

3

Ашмарин приказал устроить наблюдательный пункт между сопкой и бахчами. Яйцо было хорошо видно отсюда — серебряный шарик на рыжем холме под синим небом. Ашмарин послал Сорочинского к археологам, а сам уселся в траву в тени птерокара. Гальцев уже дремал, забравшись от солнца под птерокар. Ашмарин курил и поглядывал то на вершину сопки, то на странное треугольное облако на западе. В конце концов он взял бинокль. Как он и ожидал, треугольное облако оказалось снежным пиком какой-то горы, должно быть вулкана. В бинокль были видны узкие тени проталин, можно было даже различить снеговые пятна ниже неровной белой кромки. Ашмарин отложил бинокль и подумал о том, что зародыш выберется из Яйца, скорее всего, ночью, и это хорошо, потому что дневной свет сильно влияет на работу кинокамер. Затем он подумал, что Сермус, вероятно, вдребезги разругался с Маклаковым, но в Сахару все-таки поехал. Потом ему пришло в голову, что Мисима сейчас грузится на ракетодроме в Киргизии, и он снова ощутил ноющую боль в правом боку. «Старость, немощь», —

пробормотал он и покосился на Гальцева. Гальцев лежал ничком, положив руки под голову.

Через полтора часа вернулся Сорочинский. Он был голый до пояса, его смуглая гладкая кожа лоснилась от пота. Щеголеватую замшевую курточку и сорочку он нес под мышкой. Сорочинский опустил перед Ашмаринным на корточки и, блестя зубами, рассказал, что археологи благодарят за предупреждение и очень заинтересованы, что их четверо, но им помогают школьники из Байкова и Северокурильска, что они копают подземные японские укрепления середины прошлого века и, наконец, что начальником у них «оч-чень симпатичная девочка».

Ашмарин поблагодарил и попросил распорядиться насчет обеда. Он сидел в тени птерокара и, покусывая былинку, шурился на далекий белый конус. Сорочинский разбудил Гальцева, и они возились в стороне, негромко переговариваясь.

— Я приготовлю суп,—предложил Сорочинский,—а ты займись вторым, Витя.

— У нас где-то курятина есть,—сиплым со сна голосом сказал Гальцев.

— Давай курятину,—сказал Сорочинский,—Археологи прекрасные ребята. Один весь в бороде—живого места нет. Они копают японские укрепления сороковых годов прошлого века. Здесь была подземная крепость с двадцатитысячным гарнизоном. Этот бородатый подарил мне старинный пистолетный патрон. Вот!

Гальцев пробормотал недовольно:

— Не суй ты мне, пожалуйста, эту ржавчину!

Запахло супом.

— Начальник у них,—продолжал Сорочинский,—такая славная девушка. Блондинка и очень стройная. Она посадила меня в дот и заставила смотреть в амбразуру. Отсюда, говорит, простреливался весь северный берег.

— Ну, и как? — спросил Гальцев. — Действительно простреливался?

— Кто его знает. Наверное. Я в основном на нее смотрел. Потом мы с ней замеряли толщину перекрытий.

— Так два часа и замеряли?

— Угу. А потом я сообразил, что у нее такая же фамилия, как у бородатого, и сразу же удалился. А в казематах этих, я тебе скажу, прегадостно. Темно и на стенках плесень... А хлеб где?

— Вот он, — сказал Гальцев. — А может быть, она просто сестра этому бородатому?

— Может быть. А как Яйцо?

— Никак...

— Ну и ладно... Федор Семенович, прошу к столу.

За едой Сорочинский много говорил. Сначала он объяснил, что японское слово «тотика» происходит от русского термина «огневая точка». Затем он принялся очень длинно рассказывать о дотах, казематах, амбразурах и о плотности огня на квадратный метр. Поэтому Ашмарин постарался есть побыстрее и отказался от фруктов, оставил Гальцева наблюдать за Яйцом, забрался в птерокар и задремал. Вокруг было удивительно тихо, только Сорочинский, мывший у ручья посуду, время от времени принимался петь. Гальцев сидел с биноклем и не отрываясь глядел на вершину сопки.

Когда Ашмарин проснулся, солнце садилось, с юга наползали темно-фиолетовые сумерки, стало прохладно. Горы на западе стали черными, серой тенью висел над горизонтом конус вулкана. Яйцо на вершине сопки сияло багровым пламенем. Над бахчами ползла сизая дымка. Гальцев сидел в той же позе и слушал Сорочинского.

— В Астрахани, — говорил Сорочинский, — я ел «Шахскую Розу». Это арбуз редкой красоты. Он имеет вкус ананаса.

Гальцев покашливал.

Ашмарин посидел несколько минут не двигаясь, прислушиваясь к ноющей боли в боку. Он вспомнил, как когда-то они с Горбовским ели арбузы на Вените. С Земли перебросили целый корабль арбузов для планетологической станции. Они ели арбузы, въедаясь в хрустящую мякоть, сок стекал у них по щекам, и потом они стреляли друг в друга скользкими черными семечками.

— ...пальчики оближешь, говорю тебе как гастроном!

— Тише, — сказал Гальцев. — Разбудишь Старика.

Ашмарин сел поудобнее, положил подбородок на спинку переднего сиденья и прикрыл глаза. В кабине было тепло и немного душно — металлопласт кабины остывал медленно.

— Значит, тебе не приходилось летать со Стариком? — спросил Сорочинский.

— Нет, — сказал Гальцев.

— Мне его немного жаль. И одновременно я завидую. Он прожил такую жизнь, какую мне никогда не прожить. Да и многим другим тоже. Но все-таки он уже прожил.

— Почему, собственно, прожил? — спросил Гальцев. — Он только перестал летать.

— Птица, которая перестала летать... — Сорочинский замолчал. — Вообще время Десантников теперь прошло. Им конец, — сказал он неожиданно.

— Ерунда, — спокойно проговорил Гальцев.

Ашмарин услышал, как Сорочинский завозился на месте.

— Нет, не ерунда! Вот оно, Яйцо! — сказал Сорочинский. — Их будут делать сотнями и сбрасывать на неизвестные и опасные миры. И каждое Яйцо построит там лаборатории, ракетодром, звездолет. Оно будет разрабатывать шахты и рудники. Будет ловить и изучать твои нематоды. А Десантники будут только собирать информацию и снимать разнообразные пенки.

— Ерунда, — повторил Гальцев. — Лаборатории, шахты... А герметический купол на шесть человек?

— Что герметический купол?

— Под ним будут шесть человек.

— Все равно, — упрямо заявил Сорочинский. — Все равно Десантникам конец. Герметический купол с людьми — это только начало. Будут посылать вперед автоматические корабли, которые сбросят Яйца, а тогда, на все готовое, будут приходить люди...

Он стал говорить о перспективах эмбриомеханики, пересказывая известный доклад Маклакова. «Об этом много говорят, — подумал Ашмарин. — И все это верно». Когда были испытаны первые планетолеты-автоматы, тоже много говорили о том, что межпланетникам останется только снимать пенки. А когда Акимов

и Сермус запустили первую «СКИБР» — систему кибернетических разведчиков, — Ашмарин даже хотел уйти из Десантников. Это было двадцать лет назад, и с тех пор ему приходилось не раз прыгать в ад за исковерканными обломками скибров и делать то, что не смогли сделать они. Конечно, и автоматические корабли, и скибры, и эмбриомеханика — все это в огромной степени увеличивает мощь человека, но полностью заменить живой мозг и горячую кровь механизмы не способны. И никогда не будут способны. «Новичок, — подумал Ашмарин про Сорочинского. — И болтлив не умеренно».

Когда Гальцев в четвертый раз сказал «ерунда», Ашмарин полез из машины. При виде его Сорочинский замолчал и вскочил. В руках у него была половинка недозрелого арбуза, из нее торчал нож. Гальцев продолжал сидеть, скрестив ноги.

— Хотите арбуза, Федор Семенович? — спросил Сорочинский.

Ашмарин помотал головой и, засунув руки в карманы, стал смотреть на вершину сопки. Красные отблески на полированной поверхности Яйца тускнели на глазах. Быстро темнело. Из тумана вдруг поднялась яркая звезда и медленно поползла по густо-синему небу.

— Спутник Восемь, — сказал Гальцев.

— Нет, — уверенно поправил Сорочинский. — Это Спутник Семнадцать... Или нет, это Спутник Зеркало.

Ашмарин, который знал, что это Спутник Восемь, стиснул зубы и пошел к сопке, Сорочинский ужасно надоел ему. Надо было осмотреть кинокамеры.

Возвращаясь, он увидел огонь. Неугомонный Сорочинский развел костер и теперь стоял в живописной позе, размахивая руками.

— ...цель — это только средство, — услышал Ашмарин. — Счастье не в самом счастье, но в беге к счастью...

— Я это уже где-то читал, — сказал Гальцев.

«Я тоже», — подумал Ашмарин. Не приказать ли Сорочинскому лечь спать? Ашмарин поглядел на часы. Светящиеся стрелки показывали полночь. Было совсем темно.

Яйцо лопнуло в два часа пятьдесят три минуты. Ночь была безлунная. Ашмарин дремал, сидя у костра, повернувшись к огню правым боком. Рядом клевал носом краснолицый Гальцев, по другую сторону костра Сорочинский читал газету, шелестя страницами. И вот Яйцо лопнуло.

Раздался резкий, пронзительный звук, похожий на звон экструзионной машины, когда она выплевывает готовую деталь. Затем вершина сопки коротко озарилась оранжевым светом. Ашмарин посмотрел на часы и встал. Вершина сопки довольно четко выделялась на фоне звездного неба. И, когда глаза, ослепленные костром, привыкли к темноте, все увидели множество слабых красноватых огоньков, медленно перемещающихся вокруг того места, где находилось Яйцо.

— Началось! — зловещим шепотом произнес Сорочинский. — Началось! Витя, проснись, началось!..

— Может быть, ты помолчишь наконец? — быстро сказал Гальцев. Он тоже говорил шепотом.

Из всех троих только Ашмарин знал, что происходило на вершине.

Первые десять часов после пробуждения механозародыш настраивался на обстановку. Абстрактные команды, заложенные в позитронное программное управление, видоизменялись и исправлялись в соответствии с внешней температурой, составом атмосферы, атмосферным давлением, влажностью и десятками других факторов, определенных рецепторами. Дигестальная система — великолепный «высокочастотный желудок» зародыша — приспособлялась к переработке лавы и туфа в полимеризованный литопласт. Нейтронные аккумуляторы готовились отпускать точные порции энергии для каждого процесса. Когда настройка закончилась, зародыш начал развиваться. Все в Яйце, что не понадобилось для развития в данной обстановке, пошло на переделку и укрепление рабочих органов — эффекторов. Потом дело дошло до оболочки. Оболочка была прорвана, и механозародыш принялся осваивать подножный корм.

Огоньков становилось все больше, они двигались все быстрее. Послышалось жужжание и визгливый скрежет — эффекторы вгрызались в почву и перемалывали в пыль куски туфа. Пых, пых!.. Бесшумно отделились от вершины и поплыли в звездное небо клубы светящегося дыма. Неверный дрожащий отсвет на секунду озарил странные, тяжело ворочающиеся формы, затем все снова скрылось. Скрежет и треск усилились.

— Может, подойдем поближе? — спросил Сорочинский.

Ашмарин не ответил. Он вдруг вспомнил, как испытывался первый механозародыш, модель Яйца. Это было несколько лет назад. Тогда он был еще совершенным новичком в эмбриомеханике. В обширном павильоне возле института разместился зародыш: восемнадцать ящичков, похожих на несгораемые шкафы, — вдоль стен и огромная куча цемента — посередине. В куче цемента прятались эффекторная и дигестальная системы. Маклаков махнул рукой, и кто-то включил рубильник. Они просидели в павильоне до позднего вечера, забыв обо всем на свете. Куча цемента таяла, и к вечеру из пара и дыма возникли очертания стандартного литопластового домика на три комнаты, с паровым отоплением и автономным электрохозяйством. Он был совершенно такой же, как фабричный, только в ванной остались керамический куб — «желудок» — и сложные сочленения манипуляторов. Маклаков осмотрел домик, тронул ногой манипуляторы и сказал:

«Пожалуй, хватит кустарничать. Надо сделать Яйцо».

Вот тогда было впервые произнесено это слово. Потом было много работы, много удач и очень много неудач. Эмбриомеханический зародыш учился настраивать себя, приспособливаться к резким изменениям обстановки, самовосстанавливаться. Он учился безотказно служить человеку в самых сложных и опасных условиях. Он учился развиваться в дома, экскаваторы, ракеты, он учился не разбиваться при падении с огромной высоты, не выходить из строя в волнах расплавленного металла, не бояться абсолютного нуля. Сотни человек, десятки институтов и лабораторий помогали

механозародышу превратиться в то, чем он стал теперь: в Яйцо. Нет, это хорошо, что Ашмарину пришлось остаться на Земле. И кто он такой, чтобы претендовать на большее?

На вершине холма клубы светящегося дыма взлетали все чаще и чаще, треск, скрип и жужжание слились в непрерывный дребезжащий шум. Блуждающие красные огоньки образовывали цепочки, цепочки свивались в причудливые подвижные линии. Розовое зарево занималось над ними, и уже можно было различить что-то огромное и горбатое, качающееся, словно лодка на волнах.

Ашмарин снова взглянул на часы. Было без пяти четыре. Видимо, лава и туф оказались благоприятным материалом: купол рос гораздо быстрее, чем на цементе. Интересно, что покажут температурные измерения? Механизм надстраивает купол с верхушки к краям, при этом эффекторы забираются все глубже в сопку. Чтобы купол не оказался под землей, зародышу придется позаботиться либо о свайных подпорках, либо о передвижении купола в сторону от ямы, которую вырыли эффекторы. Ашмарин представил себе добела раскаленные края купола, к которым лопаточки эффекторов лепят все новые и новые частицы вязкого от жара литопласта.

На минуту вершина сопки погрузилась в темноту, грохот смолк, слышалось только неясное жужжание. Зародыш перестраивал работу энергетической системы.

— Сорочинский! — позвал Ашмарин.

— Я, — послышалось из темноты.

— Обойдите сопку справа и ведите наблюдение оттуда. На сопку не подниматься ни в коем случае.

— Бегу, Федор Семенович!

Было слышно, как он шепотом попросил у Гальцева фонарик, затем желтый кружок света запрыгал по гравию и исчез.

Грохот возобновился. Снова над вершиной сопки загорелось розовое зарево. Ашмарину показалось, что черный купол немного переместился, но он не был уве-

рен в этом. Он с досадой подумал, что Сорочинского надо было послать в обход сопки сразу, как только зародыш вылупился из Яйца. Впрочем, обо всем в должное время отчитаются кинокамеры.

Вдруг что-то оглушительно треснуло. На вершине полыхнуло красным. Медленная багровая молния проползла по черному склону и погасла. Розовое зарево стало желтым и ярким и сейчас же заволокло густым дымом. Бухающий удар расколол небо, и Ашмарин с ужасом увидел, как в дыму и пламени, окутавших вершину, поднялась огромная тень. Что-то массивное и грузное, отсвечивающее глянцевитым блеском, закачалось на тонких трясущихся ногах. Бухнул еще удар, еще одна раскаленная молния зигзагом прошла по склону. Дрогнула земля, и тень, повисшая в дымном зареве, рухнула.

Тогда Ашмарин побежал на сопку. В сопке что-то гремело и трещало, волны горячего воздуха валяли с ног, и в красном пляшущем свете Ашмарин видел, как падают, увлекая за собой куски лавы, кинокамеры — единственные свидетели того, что произошло на вершине.

Он споткнулся об одну камеру. Она валялась, растопырив изогнутые ноги штатива. Тогда он пошел медленнее, и горячий гравий сыпался по склону ему навстречу. Наверху стало тихо, но там что-то еще тлело в дыму. Неожиданно раздался еще один удар, и Ашмарин увидел несильную желтую вспышку.

На вершине пахло горячим дымом и чем-то незнакомым и кислым. Ашмарин остановился на краю огромного провала с почти отвесными краями. В этом провале лежал на боку почти готовый купол, герметический купол на шесть человек, с тамбуром и кислородным фильтром. В яме тлел раскаленный шлак, на его фоне было видно, как слабо и беспомощно двигаются потерявшие управление гемомеханические щупальца зародыша. Из ямы тянуло горелым и кислым.

— Да что же это? — слышался голос Сорочинского.

Ашмарин поднял голову и увидел на другой стороне ямы Сорочинского, стоявшего на четвереньках на самом краю.

Бухающий удар расколол небо...

— Дед бил-бил, не разбил, — уныло сказал Сорочинский. — Баба била-била...

— Молчать! — прорычал Ашмарин.

Он сел на край ямы, свесил ноги и стал спускаться.

— Не надо, — сказал Гальцев. — Опасно...

— Молчать! — повторил Ашмарин.

Надо было немедленно понять, что здесь произошло. Не может быть, чтобы подвела конструкция Яйца — самой совершенной из машин, созданных человеком. Самой неуязвимой машины, самой умной машины.

Сильный жар опалил лицо. Ашмарин зажмурился и соскользнул вниз мимо докрасна раскаленного края новорожденного купола. Он встал и недоуменно огляделся. Перед ним чернели оплавленные бетонные своды и ржавые, скрюченные прутья арматуры. Впереди виднелся широкий темный проход, который вел куда-то в недра сопки. Под ногами что-то тяжело повернулось. Ашмарин нагнулся. Он не сразу понял, что это за серый металлический обрубок, а когда понял, то понял все. Это был артиллерийский снаряд.

В темени сопки зияла пустота. Какие-то мерзавцы сто лет назад устроили в ней залитое бетоном темное помещение. Они набили это помещение артиллерийскими снарядами. Механизмы, рожденные Яйцом, устанавливая опорные сваи, пробili старинные своды насквозь. Сгнивший бетон не выдержал тяжести, сваи провалились в него, как в трясину. Тогда машина принялась заливать бетон расплавленным литопластом. Она не могла знать, что здесь склад снарядов. Она не могла знать, что это такое — артиллерийские снаряды, потому что люди, которые дали ей программу жизни, забыли о том, что такое артиллерийский снаряд. Кажется, снаряды заряжались тротилом. Тротил испортился за сто лет, но не совсем. Не во всех снарядах. Все, что могло взрываться, начало взрываться. И замечательная машина превратилась в кучу хлама.

Но не могла же она знать, что под круглой сопкой спрятан старинный японский склад снарядов, приготовленных для нападения на соседнюю страну, что длинная грязная лапа преступлений вековой давности дотянется до нее...

Сверху посыпались камешки. Ашмарин поглядел

вверх и увидел, что к нему спускается Гальцев. По противоположной стене спускался Сорочинский.

— Куда вы лезете?! — крикнул Ашмарин.

Гальцев не ответил, а Сорочинский сказал тонким голосом:

— Мы хотим помочь вам, Федор Семенович.

— Вы мне не нужны.

— Мы только... — начал Сорочинский и запнулся.

По стене позади Ашмарина побежала трещина.

— Осторожно! — заорал Сорочинский.

Ашмарин шагнул в сторону, споткнулся о снаряд и упал. Он упал лицом вниз и сейчас же перевернулся на спину. Купол качнулся и тяжело рухнул, глубоко уйдя раскаленным краем в черную землю. Земля вздрогнула. Горячий воздух хлестнул Ашмарина по лицу.

5

Над сопкой, где тускло поблескивал торчащий из воронки купол, висел белый дымок. Там еще что-то тлело и время от времени глухо потрескивало. Гальцев с красными глазами сидел, обхватив колени руками, и смотрел на сопку. Руки его были обмотаны бинтами и вся левая половина лица стала черной от грязи и копоти — он так и не умылся, хотя солнце взошло уже давно. У костра спал Сорочинский, накрыв голову замшевой курткой.

Ашмарин лег на спину и заложил руки под голову. Не хотелось смотреть на сопку, на белый дымок, на свирепое лицо Гальцева. И было очень хорошо лежать и смотреть в синее-синее небо. В синее небо можно смотреть часами. Он знал это, когда был Десантником, прыгал на северный полюс Венеры, штурмовал Ганимед, сидел один в разбитом планетолете на Трансплутоне. Там вообще не было неба, была черная звездная пустота и ослепительная звезда — Солнце. Тогда казалось, что он отдал бы последние минуты жизни, лишь бы еще раз увидеть синее небо. На Земле это чувство забывается быстро. Так было и раньше, когда он годами не видел синего неба и каждая секунда этих лет могла стать его последней секундой. Но Десантнику не пристало думать о смерти. Зато надо много думать о возможном по-

ражении. Но поражение — это всегда только неудачный вариант дороги к победе, иногда случайность, через которую можно перешагнуть. Нужно перешагнуть. Только мертвые не могут бороться. Впрочем, нет. Мертвые тоже могут мешать и даже наносить поражение.

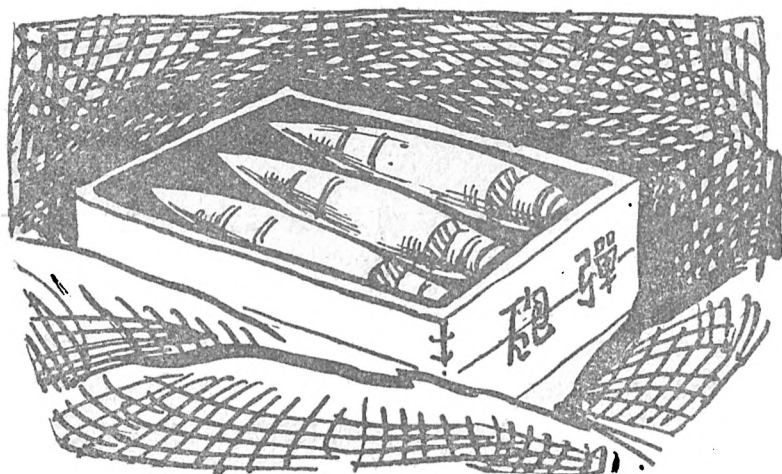
Ашмарин приподнялся и посмотрел на Гальцева, и ему захотелось спросить, что он обо всем этом думает. Ведь Гальцев тоже был Десантником. Правда, он был плохим Десантником. И, наверное, думал, что нет ничего на свете хуже поражения.

Гальцев медленно повернул голову, пошевелил губами и вдруг сказал:

— У вас глаза красные, Федор Семенович.

— У вас тоже, — сказал Ашмарин.

Надо было связаться с Маклаковым и рассказать все, что случилось. Он встал и, тяжело ступая по траве, направился к птерокару. Он шел, запрокинув голову, и смотрел в небо. Можно было часами смотреть в небо, такое оно синее и удивительно хорошее. Небо, под которое возвращаются.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗВНЕ

Повесть в трех рассказах

1. Человек в сетчатой майке	7
2. Пришельцы	25
3. На борту «Летучего Голландца»	43

РАССКАЗЫ

Глубокий поиск	78
Забытый эксперимент	93
Шесть спичек	120
Испытание «Скибр»	141
Частные предположения	162
Поражение	185

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Стругацкий Аркадий Натанович
Стругацкий Борис Натанович

Ш Е С Т Ь С П И Ч Е К

Ответственный редактор И. М. Кассель

Художественный редактор Е. М. Гуркова

Технический редактор Р. Г. Грачева

Корректора Е. С. Карташова и Э. Л. Лофенфельд

Сдано в набор 5/IV 1960 г. Подписано к печати
23/VI 1960 г. Формат 84×108¹/₃₂ — 6,5 печ. л. = 10,68
усл. печ. л. (10,68 уч.-изд. л.). Тираж 200 000 экз.

А07006. Цена 4 р. 20 к.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Суцёвский вал, 49. Заказ № 3451.

Цена 4 р. 20 к.

ШЕСТЬ СПИЩЕК

АРК. СТРУГАЦКИЙ
БОР. СТРУГАЦКИЙ

